

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

**ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ АДЪЮНКТОВ
И СОИСКАТЕЛЕЙ**

Сборник статей

Выпуск 26

Под редакцией
кандидата юридических наук, доцента Е.Е. Черных;
кандидата юридических наук И.М. Пшеничнова

Нижегород
НА МВД России
2020

УДК 001.8
ББК 67
П78

Рецензенты:

доктор юридических наук, доцент *А.П. Скиба*
(Академия ФСИН России);
кандидат юридических наук, доцент *А.В. Максименко*
(Белгородский юридический институт МВД России)

П78 Проблемы юридической науки в исследованиях адъюнктов и соискателей: сборник статей. Вып. 26 / под ред. Е.Е. Черных, И.М. Пшеничнова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020. – 193 с.

В сборник включены научные статьи адъюнктов, соискателей и молодых ученых. Работы авторов отражают современные и перспективные проблемы развития российского права, в них затрагиваются многие нетрадиционные и оригинальные подходы к совершенствованию правовой сферы.

Ознакомление с материалами сборника будет полезно специалистам в области юриспруденции, а также всем лицам, интересующимся проблемами развития российского права.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдулханьянов И.А.</i> Актуальность исследования фикции в уголовном праве	6
<i>Александрина Н.М.</i> Юридические лица как элемент преступной схемы незаконного обналичивания денежных средств.....	10
<i>Ахраменков В.Н.</i> К вопросу об уголовной ответственности за преступления в сфере цифровой экономики	16
<i>Благодатин А.Б.</i> Отдельные аспекты определения момента окончания взяточничества	21
<i>Бражин Ю.Ю.</i> Криминологические аспекты служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»	27
<i>Бугрова Е.Г.</i> Положительная тенденция к восполнению пробелов в законодательстве путем формирования постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации	34
<i>Васильева Е.В.</i> Организованная преступность: социально-правовой дискурс	42
<i>Волкова А.Ю.</i> Развитие научных представлений о согласии лица на претерпевание вреда в дореволюционное время	48
<i>Дубов Е.И.</i> О коллекторской деятельности в складывающейся эпидемиологической ситуации, связанной с распространением COVID-19 в Российской Федерации	53
<i>Жарков О.В.</i> К вопросу определения размера вреда, причиненного преступлениями, совершенными в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности	61

<i>Количенко А.А.</i> Актуальные проблемы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства	70
<i>Кротова Е.Н.</i> Признаки неправомерных деяний как юридического факта.....	76
<i>Ленёв О.А.</i> История сыска в России: правовые основы и методы борьбы с преступностью	83
<i>Магнутов Ю.С.</i> Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ): вопросы определения непосредственного объекта	91
<i>Майорова Ю.В.</i> К вопросу об отдельных проблемных аспектах реализации в практической деятельности органов внутренних дел норм административной преюдиции в уголовном законодательстве России	97
<i>Матвеева Е.С.</i> Проблема выделения форм злоупотребления правом	102
<i>Минакова А.В.</i> Коррупционные риски, возникающие при осуществлении государственных и муниципальных закупок	108
<i>Овчинников Д.К.</i> Современное состояние общественной опасности незаконного обналичивания денежных средств	113
<i>Пономарева Р.А.</i> Истоки формирования зашифровки цели в оперативно-разыскной деятельности	121
<i>Пчеляков С.Ф.</i> О некоторых вопросах привлечения сил и средств территориальных органов Росгвардии в специальных операциях, проводимых сотрудниками органов внутренних дел	130
<i>Сигурова О.Ю.</i> Инновационное развитие России как движущая сила стратегического планирования страны	135

<i>Сидельников В.О.</i> Цифровая валюта как предмет преступления	140
<i>Смирнова Е.С.</i> Раскрытие понятия института поручительства исходя из положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	145
<i>Сулейманов С.Т.</i> Криминалистическая характеристика как часть оперативно-разыскной характеристики преступлений, связанных с распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних	149
<i>Токарева Ю.В.</i> Государственный реестр как электронная форма законодательства	155
<i>Умнягина Ю.А.</i> История развития института выемки по уголовно-процессуальному законодательству РСФСР	169
<i>Умярова Р.Р.</i> Виды судебного контроля за производством следственных действий, касающихся ограничения конституционных прав и свобод личности	175
<i>Хабибуллин Л.Р.</i> Массовые беспорядки: вопросы уголовно-правового понимания концептуальных признаков	182
<i>Черкунова Т.В.</i> Нелегитимные способы противостояния стороны обвинения и защиты как форма нарушения прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство	187
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	192

И.А. Абдулханьянов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ *А.П. Кузнецов*

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИКЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Процесс построения современного правового государства немислим без качественной законотворческой и правоприменительной деятельности. Российским законодателем предпринимаются попытки гармонизировать и придать большую устойчивость отечественной правовой системе, однако, несмотря на это, уровень законотворческой культуры, а соответственно и культуры правореализации нельзя назвать высоким. Данный факт детерминирован многими причинами, немаловажное значение среди которых принадлежит существующим системным недостаткам содержательного и технического характера, допускаемым в процессе нормотворческой деятельности. Имеющиеся противоречивость, неоднозначность, пробельность в содержании некоторых правовых норм, являющихся результатом этой деятельности, препятствуют достижению целей правового регулирования и негативным образом сказываются на состоянии прав и свобод граждан в демократическом государстве.

Определяющее значение в обеспечении режима законности, охраны наиболее значимых общественных отношений принадлежит уголовному праву, в связи с чем особенной цен-

ностью обладает вопрос качества уголовного закона. В период глобальных социально-экономических изменений, демократических преобразований, активного развития общественных отношений и появления новых способов совершения преступных деяний необходимо добиться максимальной правовой регламентации, конкретности и однозначности уголовно-правовых норм. Достижению данной цели способствует грамотное использование средств и приемов юридической техники, вопросам развития и совершенствования которых последнее время придается все большее значение, однако стоит заметить, что мнения исследователей по многим вопросам ее содержания в нашей стране до сих пор неоднозначны, что замедляет процесс формирования целостной единой концепции юридической (и составной ее части – законотворческой) техники в праве в целом и в уголовном в частности. Юридическая (в том числе и уголовно-правовая) наука так и не выработала какой-либо парадигмы, позволяющей исчерпывающим образом объяснить данное правовое явление [1, с. 295].

Эта задача может быть решена посредством достижения единообразного понимания сущности, значения и юридического потенциала отдельных элементов, составляющих содержание юридической техники. Одним из особенных элементов является такое средство (прием, метод) законодательной техники, как фикция в уголовном праве. Классик отечественного правоведения Г.Ф. Дормидонтов более века назад отмечал: «очень важная историческая роль фикций в прошлом указывает именно на то, что нет надобности и в настоящее время законодательству и науке отказываться от этого средства, которое оказало такие важные услуги человечеству» [2, с. 134]. Большинство исследователей отмечается эффективность использования в законодательстве фикций, поскольку они способствуют обеспечению стабильности и при этом гибкости правового регулирования. Этот правовой инструмент присутствует уже в законах Хаммурапи, однако сознательное обращение к фикции в процессе регулирования общественных отношений происходит в римском праве [3, с. 9]. Таким образом,

юридическая фикция имеет многовековую историю, вместе с тем, вопросы относительно ее сущности и значения актуальны до сих пор.

В отечественном правоведении научный интерес к фикции возник еще в дореволюционную эпоху. Их детальному анализу посвятили свои отдельные работы Д.И. Мейер, критиковавший его позицию Г.Ф. Дормидонтов, С.А. Муромцев и ряд других исследователей. В советский период юридическая фикция как философско-правовая категория не получила должного внимания, поскольку считалась продуктом буржуазной юриспруденции. В связи с чем ее существование в праве либо отрицалось вовсе, либо ее роль признавалась столь незначительной, что не заслуживала изучения в качестве самостоятельного предмета научного осмысления, однако нельзя не признать вклад С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, В.М. Баранова, В.М. Горшенева, З.М. Черниловского, В.Б. Исакова, В.И. Каминской, А. Нашиц, В.А. Ойгензихта, П.Ф. Пашкевича, М.С. Строговича, Я.Л. Штутина и ряда других исследователей в разработку данного понятия, которое чаще всего изучалось в контексте соотношения с другими юридическими явлениями (чаще с презумпциями).

Последние два десятилетия отмечены возрождением интереса к проблеме юридической фикции. В частности, данному вопросу посвятили свои диссертационные и монографические работы О.А. Курсова, Л.А. Душакова, Е.Ю. Марохин, О.А. Кузнецова, И.В. Филимонова, П.В. Резиньков, Н.А. Никиташина, Л.Р. Саркисян, О.В. Танимов, Е.А. Нахова, Е.А. Джазоян, В.А. Образцов, Р.К. Лотфуллин, А.М. Ширвиндт, М.Н. Воробьева. В той или иной степени проблема фикций в праве рассматривалась в работах В.Ю. Чуфарова, Г.А. Печникова, В.А. Каптомина, Е.Ю. Тихонравовой, Е.П. Ендовицкой, М.Л. Давыдовой, Ю.Г. Зуева, В.В. Тумова, С.Д. Бражника, В.В. Архипова, Ю.В. Медной, М.П. Прониной, Е.Ю. Догадайло, Н.И. Матузова, И.А. Исаева, А.В. Малько, Н.Н. Тарусиной, М.В. Карасевой, Н.Н. Цуканова. Исследованиям же фикций в уголовном праве было посвящено лишь несколько работ. Среди авторов здесь

следует выделить Л.Л. Кругликова, К.К. Панько, А.В. Федотова, М.Д. Астафьева, В.В. Тарасенко.

Анализ работ, посвященных данному правовому явлению, позволяет сделать вывод о том, что до сих пор позиции относительно сущности, понятия, признаков, классификации, функций фикций в праве неоднозначны, а в уголовном праве практически не разработаны вовсе в силу малого количества исследований, посвященных данному вопросу. Сложившаяся ситуация препятствует пониманию их объективной роли в механизме уголовно-правового регулирования и дальнейшему совершенствованию в процессе законотворческой и правоприменительной деятельности, в связи с чем назрела необходимость комплексного изучения фикций в уголовном праве с учетом последних нововведений и тенденций правового строительства.

Достижение данной цели видится в проведении теоретико-прикладного исследования юридических фикций в заявленной отрасли права. В рамках данной работы необходимо определить базовые теоретико-методологические категории (понятие, признаки) юридической фикции, проанализировать эволюцию данного явления в уголовном праве и оценить его роль и значение в современном уголовном законодательстве. Вышеизложенное позволит сформировать систему теоретических знаний, которые потенциально могут лечь в основу научных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства.

Примечания

1. *Кузнецов А.П., Бокова И.Н.* Методологические основы юридической техники в современном российском уголовном праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: право. 2003. № 2. С. 294–308.

2. *Дормидонтов Г.Ф.* Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895.

3. *Ширвиндт А.М.* Значение фикций в римском праве. Москва, 2013.

УДК 343.3

Н.М. Александрина,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *П.А. Кабанов*

ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕСТУПНОЙ СХЕМЫ НЕЗАКОННОГО ОБНАЛИЧИВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

С учетом сложившейся экономической ситуации в стране одним из приоритетных направлений национальной безопасности является совместная деятельность государственных органов по противодействию незаконному обналичиванию денежных средств. Неучтенные наличные денежные средства в особо крупных размерах выпадают из легального денежного обращения, контролируемого фискальными органами. В результате незаконной деятельности формируется теневая экономика, что способствует подрыву авторитета государственной власти и сокращению экономических ресурсов страны.

Все это существенно затрудняет контроль уполномоченных субъектов за оборотом наличных денег и соответственно делает их привлекательными для использования на незаконных («черных») рынках или при работе на так называемом сером рынке (рынок, не подпадающий под официальный контроль и являющийся формально легальным).

Следственно-судебная практика показывает, что при квалификации преступлений, связанных с незаконным обналичиванием денежных средств, применяется широкий спектр уголовно-правовых норм.

Так, за незаконное обналичивание денежных средств само лицо (физическое, индивидуальный предприниматель, юридическое лицо), через которое осуществляется процесс торговли, может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 171 или ст. 172 УК РФ, а также дополнительно противоправные действия могут квалифицироваться по ст. 187 УК РФ. Неправомерное обналичивание и торговля денежными средствами может осуществляться посредством создания фиктивно действующих организаций фирм-однодневок и влечет за собой ответственность по ст. 173¹ и 173² УК РФ. Если обналичиваемые денежные средства приобретены преступным путем, такие деяния дополнительно квалифицируются по ст. 174 УК РФ либо по ст. 174¹ УК РФ. Кроме того, если следственными органами собраны достаточные доказательства по организации преступного сообщества, тяжкие и особо тяжкие преступления данной группы возможно рассматривать по совокупности со ст. 210 УК РФ.

Важным элементом в преступной схеме незаконного обналичивания денежных средств выступает юридическое лицо, посредством которого может осуществляться как реальная, так и фиктивная деятельность. Нелегальная банковская операция по незаконному обналичиванию денежных средств может быть совершена без привлечения сторонних компаний, посредством использования подконтрольной фирмы, как правило, в форме общества с ограниченной ответственностью. Кроме того, существует возможность обратиться к услугам продавцов, которые для этих целей специально образовали фирму по обналичиванию.

Под фирмой-однодневкой в самом общем смысле понимается юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило, не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации, и т. д. Суть схемы с участием таких фирм сводится к искусственному включению их в цепочку хозяйственных связей [1].

В частности, заинтересованные в получении наличных денежных средств реально действующие субъекты (заказчики) осуществляют перечисление безналичных денежных средств на счета фирм-однодневок за якобы предоставленные услуги или товары. Денежные средства после поступления на счета данных фирм снимаются и передаются заказчику за вычетом процентов.

Так, например, Канавинским районным судом г. Н. Новгорода в 2016 г. было рассмотрено уголовное дело по незаконному обналичиванию денежных средств. В результате судебного разбирательства было установлено, что А. занимался осуществлением незаконной предпринимательской деятельности на территории г. Н. Новгорода и Нижегородской области.

Преступная деятельность А. заключалась в оказании услуг, связанных с систематическим проведением финансовых операций по переводу денежных средств из безналичной формы в наличную с расчетных счетов формально-легитимных организаций, поступивших туда от различных фирм-клиентов под видом оплаты за якобы поставленные товары, оказанные услуги, выполненные работы. Вознаграждение А. за незаконную деятельность по обналичиванию денежных средств составляло 5%. Действия подсудимого А. судом были квалифицированы по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ [2].

Также отмечена «реанимация» хорошо известных схем, в том числе с использованием векселей. Для обналичивания денежных средств недобросовестные клиенты, которыми могут быть как ведущие, так и не ведущие реальной хозяйственной деятельности юридические лица, приобретают векселя на крупные суммы и затем передают их по сделкам другим юридическим лицам (например, торгово-розничным предприятиям, платежным агентам, туристическим компаниям) в качестве компенсации полученной от них неинкассированной наличной выручки или физическим лицам, которые, в свою очередь, либо передают в оплату векселя наличные денежные средства юридическому лицу, либо предъявляют его к оплате банку в целях последующей передачи полученных наличных денеж-

ных средств предыдущим векселедержателям – юридическим лицам [3]. В зависимости от суммы и количества задействованных лиц (юридических и физических) оплата за выполнение финансовых операций может варьироваться.

Данные схемы известны правоохранительным и контрольно-надзорным органам, в результате чего ими принимаются комплексные меры по разработке механизма противодействия преступным деяниям. Для снижения угроз экономической безопасности уполномоченными органами на регулярной основе осуществляется контроль за незаконными сделками, обмен информацией с заинтересованными службами и органами.

Несмотря на масштабность проблемы незаконного обналичивания денежных средств, а также комплекса мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение противоправных деяний, ежегодное количество выявленных фактов остается крайне низким.

Так, по данным ГИАЦ МВД России [4], сотрудниками ЭБиПК органов внутренних дел в 2019 г. выявлено:

- по ч. 2 ст. 171 УК РФ – 235 преступлений (в 2018 г. – 284; -17,3%);

- по ст. 172 УК РФ – 183 преступления (в 2018 г. – 198; -7,6%);

- по ст. 173¹ УК РФ – 2809 преступлений (в 2018 г. – 2661; +5,6%);

- по ст. 173² УК РФ – 3367 преступлений (в 2018 г. – 3024; +11,3%).

В то же время поражают реальные масштабы незаконной деятельности с привлечением фирм-фантомов, что свидетельствует о высокой латентности преступлений данной группы. Борьба с незаконной деятельностью так называемых фирм-однодневок в последние годы значительно усилилась и привела к значительному снижению таких организаций.

Так, по данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС России), в 2013 г. в Едином государственном реестре юридических лиц было зарегистри-

ровано 5 млн компаний, треть из которых, а это более 1,5 млн, имели признаки фиктивности [5].

Взаимодействие с ФНС России, Банком России и другими участниками антиотмывочной системы привело к значительному сокращению числа фирм-однодневок. Их количество в 2019 г. впервые снизилось до 120 тысяч организаций [6].

Столь заметных результатов в очищении Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) от фирм-однодневок удалось достичь за счет двух глобальных решений. Первым стала корректировка нормативной базы, в результате чего был изменен порядок государственной регистрации юридических лиц. В результате налоговые органы получили право проверять достоверность вносимых в ЕГРЮЛ сведений – нахождение по адресу, наличие офиса и т. п. Также они получили право вносить записи в ЕГРЮЛ о том, что сведения, предоставленные компанией, не достоверны.

Важность последнего состоит в том, что реестр публичен, поэтому его данные видят не только государственные органы, но контрагенты и клиенты компаний. Немалую роль в очистке реестра сыграла и цифровизация, которая позволила отобразить, обработать и сегментировать компании в автоматическом режиме. Изменения в законе о государственной регистрации с 2017 г. позволили ФНС исключать из реестра юридические лица с недостоверными сведениями без обращения в суд. ФНС также отказывает в регистрации компаний лицам, причастным к нарушениям в последние три года.

Данные факты свидетельствуют о том, что, несмотря на значительные меры, направленные на противодействие незаконной финансово-экономической деятельности фирм-однодневок, правоохранительные органы испытывают определенные трудности при выявлении и раскрытии преступлений данной категории. В связи с чем не вызывает сомнения то, что расследование данных преступлений предполагает наличие у сотрудников правоохранительных органов глубоких знаний в области уголовного, уголовно-процессуального,

гражданского, административного, финансового права, а также в отдельных отраслях экономической деятельности.

Таким образом, учитывая масштабность проблемы на современном этапе, незаконное обналичивание денежных средств представляет серьезную угрозу финансовой стабильности не только платежной системе, но и государственной безопасности в целом. И наибольший эффект целенаправленной деятельности по профилактике, предупреждению, предотвращению и пресечению указанных преступных и противоправных действий возможно достигнуть, только объединив усилия правоохранительных и контрольно-надзорных органов.

Примечания

1. О рассмотрении обращения: письмо ФНС России от 11 февраля 2010 года № 3-7-07/84. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98034/ (дата обращения: 03.10.2020).

2. Приговор Канавинского районного суда г. Н. Новгорода (Нижегородская область) № 1-310/2016 от 12 июля 2016 г. по делу № 1-310/ 2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GHN1vT7f5vUq/> (дата обращения: 03.10.2020).

3. О повышении внимания кредитных организаций к операциям с векселями: методические рекомендации Банка России от 16 сентября 2019 года № 26-МР. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72666068/> (дата обращения: 03.10.2020).

4. Статистическая форма ФКУ «ГИАЦ МВД России» ф. № 5-БЭП р. 1 за 2019 г.

5. О сокращении числа фирм-однодневок рассказал Дмитрий Григоренко программе «Налоги» // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8944393/ (дата обращения: 03.10.2020).

6. Ежегодный отчет 2019: Федеральная служба по финансовому мониторингу. URL: <http://www.fedsfm.ru/> (дата обращения: 03.10.2020).

В.Н. Ахраменков,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *Е.Е. Черных*

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В нынешнее время, когда речь идет о противодействии преступлениям, совершенным в сфере цифровой экономики, важно учитывать критерии уголовной ответственности и наказуемости, поскольку в результате совершения деяний, посягающих на цифровую среду, возможно наступление серьезных последствий для дальнейшего стабильного функционирования экономики.

В рамках уголовно-правовой защиты цифровой экономики весьма успешным представляется ужесточение уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сфере цифровой экономики. На сегодняшний день можно отчетливо проследить процесс гуманизации уголовной политики в отношении субъектов экономических преступлений, совершаемых в том числе в цифровой сфере и с помощью цифровых технологий. Указанную тенденцию можно проследить и в уголовном законе, и в складывающейся правоприменительной практике, и в уголовно-правовой и криминологической доктрине. Все это стало следствием государственного курса по улучшению климата в бизнес-среде. Риторика в данном направлении на протяжении 20 лет неизменна: постепенный отказ от использования УК РФ в качестве инструмента для решения экономи-

ческих конфликтов и целесообразность перевода таких дел в административную и арбитражную сферы [1]. Данная риторика берет свое начало еще в 2008 г., когда Д.А. Медведев, являвшийся в то время Президентом РФ, на совещании по вопросам малого предпринимательства обратился с призывом-требованием к правоохранительным и иным органам о необходимости прекращения отягощения условий осуществления бизнеса (выражение «Хватит "кошмарить" бизнес» ушло в народ и засело во многих новостных лентах, что и ныне используется в различных статьях и выступлениях).

Ежегодно в своих посланиях Федеральному Собранию РФ Президент РФ обращает внимание органов государственной власти в целом и правоохранительных органов в частности на необходимость облегчения бремени субъектов экономической деятельности [2].

В частности, за последние годы произошли существенные преобразования, касающиеся расширения возможности освобождения от уголовной ответственности по данным преступлениям:

- с пяти- до двукратной снижена сумма штрафов, являющаяся основанием для освобождения от уголовной ответственности;

- увеличена пороговая величина ущерба как основания для возбуждения дела о преступлениях в сфере экономической деятельности;

- введен новый инструмент освобождения от уголовной ответственности – судебный штраф [1].

Также появилась ч. 3 ст. 229 УК РФ, которой устанавливается ответственность должностных лиц за незаконное возбуждение уголовного дела в отношении предпринимателей. Наряду с изменениями уголовного закона определенные новшества коснулись и уголовно-процессуального закона. Исключение заключения под стражу из перечня мер пресечения по преступлениям, предусмотренным ч. 1–4 ст. 159, 159¹–159³, 159⁵, 159⁶, 160, 165 и 201 УК РФ, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, а также ч. 5–7 ст. 159, 171, 171¹,

171³–172², 173¹–174¹, 176–178, 180, 181, 183, 185–185⁴ и 190–199⁴ УК РФ.

Изменения, которые коснулись УК РФ, вероятно, не могут не свидетельствовать о смягчении уголовной ответственности и модернизации системы уголовного преследования в отношении лиц, совершающих экономические преступления. Однако несмотря на принимаемые государством меры, в научной литературе имеются позиции, критикующие проводимую политику в области экономической деятельности.

В Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, разработанной группой ученых-юристов и ученых-экономистов, отмечается, что «...формально не закрепленный, но реально существующий и опасный для права собственности и законных интересов предпринимателей правопорядок, в условиях которого ведение предпринимательской деятельности неизбежно означает попадание в группу риска быть безосновательно привлеченным к уголовной ответственности и утратить свою собственность и личную свободу» [3, с. 11–12].

Похожие рассуждения свойственны и другим авторам, которые в целом выступают против какой-либо криминализации в экономической сфере и установления уголовной ответственности за преступления, совершаемые субъектами экономической деятельности. Например, Н.А. Лопашенко, критикуя законодательные инициативы в области криминализации, декриминализации и пенализации деяний в области экономической деятельности, задается вопросом, насколько целесообразно установление уголовной ответственности за не слишком опасные, даже по представлению самого законодателя, разновидности отклоняющегося экономического поведения [4, с. 290]. Ею приводится множество доводов против существующей практики привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших экономические преступления, и предлагается полностью переписать гл. 22 УК РФ [4, с. 288–302]. В целом есть в этом действительно ценное, однако эту и все другие схожие позиции объединяет то, что они экономическую сферу

воспринимают как сферу свободных отношений, при этом не учитывая того, что в правовой сфере излишняя свобода чревата произволом, злоупотреблениями, а также иными нарушениями прав и свобод. Тем самым прослеживается ситуация, выгодно оцениваемая лишь с точки зрения экономики, а не правового аспекта.

В частности, указывается, что «основным экономическим мотивом искусственной криминализации нормальной предпринимательской деятельности выступает завладение собственностью предпринимателей, привлекаемых к уголовной ответственности, устранение конкурентов» [3]. Хотя при этом криминализация может рассматриваться в противовес подобному завладению собственностью предпринимателей, устранению конкурентов. Также при этом указывается, что требуется реальная гуманизация, а не фиктивная: необходимы реальная гуманизация уголовного законодательства, амнистия осужденных предпринимателей, снижение общего государственного давления на бизнес [3, с. 11]. Такой набор предложений явно носит сугубо экономические предпосылки.

При всем этом специфика цифровой экономики практически не отражается в подобных работах. С учетом того, что экономика стремительно становится на цифровые рельсы, реалии несколько изменились и экономика в традиционном виде уже не существует. В этой связи и система уголовно-правовой охраны экономических отношений в цифровой сфере требует изменений.

Несистемное и хаотичное изменение уголовного закона по противодействию экономическим преступлениям, а также недостаточное внимание к специфике цифровой экономики при этом приводит к существенным упущениям в защите цифровой экономики. Критика криминализации и пенализации противоправных деяний, совершаемых субъектами экономической деятельности, также справедливо действует и в обратном направлении – декриминализация и депенализация деяний способна привести к излишней свободе в сфере экономиче-

ских правоотношений, которая чревата произволом, злоупотреблениями, а также иными нарушениями прав и свобод.

Примечания

1. *Аносов М.* Противодействие экономической преступности: власть говорит о гуманизации, но бизнесу этого мало // ЭЖ-Юрист. 2018. № 22 (1023).

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 20.04.2020).

3. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. Москва, 2010.

4. *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика в области преступлений в сфере экономической деятельности: можно ли хуже? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5).

А.Б. Благодатин,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *И.В. Ильин*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Институт оконченного преступления из-за недостаточной своей изученности в доктрине уголовного права вызывал и вызывает в науке споры по многим своим положениям. Учение о завершенности общественно опасного деяния могло не привлекать к себе вообще никакого интереса, если бы этот момент не был одним из главных положений процесса квалификации противоправного посягательства. Правильная юридическая оценка делинквентного поведения в качестве оконченного важна не только потому, что она способствует дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, но и также позволяет в качестве ответной меры применить к лицу, совершившему подобное деяние, наказание в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ, не ограничиваясь при этом правилами о размере уголовного наказания для «покушения» или «приготовления». И хотя фактор ограничения уголовной репрессии играет немаловажную роль, вместе с тем, именно в оконченном преступлении общественная опасность содеянного выражается в полной мере.

Обращение к проблематике определения момента завершенности правонарушения в уголовном законе является не случайным. Доля судебно-следственных ошибок, связанных с квалификацией преступлений в качестве оконченных, не только не сни-

жается, а даже возрастает. И причина в этом кроется не столько в несостоятельности правоохранительных органов, сколько в самих «особенностях» законодательной регламентации ответственности за отдельные виды противоправных посягательств.

В этом ключе особое внимание заслуживает группа посягательств, направленных на причинение вреда общественным отношениям в сфере государственной власти. Нарушение возможности нормального функционирования, а также подрыв авторитета данных органов оказывает крайне негативное влияние на все общество в целом, способствует нарастанию социальной напряженности и эскалации внутренних конфликтов, что не может не оказывать воздействия и на статус страны на мировой арене и ее международные отношения.

В этом контексте сконцентрируемся, если не на самой важной, то, безусловно, на самой распространенной проблеме. Как уже неоднократно отмечал Президент РФ В.В. Путин «мы все время говорим о коррупции» [1], и это далеко не случайно, ведь именно она уже на протяжении многих лет пытается стать «камнем раздора» между властью и народом. Тогда как трудности противодействия ей состоят не только в высоком уровне латентности данного криминального поведения, но еще и в аспектах самой квалификации, не редко связанных с неопределенностью и разночтениями момента юридической завершенности противоправного деяния.

Вопросам, связанным с взяточничеством, всегда уделялось особое внимание в преступном мире, поскольку они во многом и выступают обеспечивающим фактором для осуществления их антисоциальной деятельности, в связи с чем не случайно, что по данной категории дел имеются самостоятельные разъяснения ВС РФ, раскрывающие множество отдельных аспектов юридической оценки этого явления. Однако, возможно, именно их существенная количественная составляющая повлияла на то, что различными судебными инстанциями данные положения воспринимаются по-разному. Так, например, апелляционным приговором Московского областного суда от 16 июня 2015 г. по делу № 22-3571/2015 содеянное гражданином было

переквалифицировано с ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 291 УК РФ на ч. 3 ст. 291 УК РФ по следующим основаниям:

А. совершил дачу взятки должностному лицу лично за совершение заведомо незаконного бездействия, при обстоятельствах, установленных приговором суда. А., желая избежать привлечения к административной ответственности за совершенное им административное правонарушение (привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина при отсутствии у этого иностранного гражданина разрешающих документов), действуя умышленно, с целью дачи взятки должностному лицу, предложил К. взятку в виде денег за совершение им заведомо незаконного бездействия, то есть за не сбор и не направление собранного им материала проверки, содержащего сведения о совершении А. административного правонарушения, и, несмотря на отказ К. от получения взятки в виде денежных средств, будучи предупрежденным о том, что такие действия расцениваются как дача взятки должностному лицу, достоверно зная о том, что дает взятку должностному лицу за совершение им заведомо незаконного бездействия, передал лично К, находящемуся при исполнении своих должностных обязанностей, взятку в виде денег, положив их на стол перед К., совершив тем самым преступление против государственной власти в Российской Федерации [2].

Даже составив столь противоречивое обвинение (*получив отказ, передал лично, положив на стол*), судья постарался найти в постановлении Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» хотя бы какое-то положение, которое позволит ему вменить оконченный состав, благодаря чему в итоге было дано заключение, что «суд апелляционной инстанции, соглашаясь с доводами апелляционного представления о том, что с учетом собранных по делу доказательств, передачи денежных средств в виде взятки в рамках оперативно-розыскного мероприятия "оперативный эксперимент" действия осужденного А. подлежат квалифи-

кации как окончанный состав, квалифицирует действия подсудимого по ч. 3 ст. 291 УК РФ» [3].

Тринадцатый пункт обозначенного постановления действительно требует от нас учитывать, что «получение или дача взятки, в том числе через посредника, а равно получение либо передача незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как окончанное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации» [4, с. 2].

Тем не менее ключевым термином в данном толковании все же является термин «принять», который, согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, означает «взять даваемое, передаваемое, сдаваемое» [5, с. 484]. Более того, об этом же говорится и в п. 10 настоящего документа, из текста которого следует, что умыслом дающего взятку прямо охватывается ее получение адресатом, лишь после чего его намерение будет считаться реализованным, а преступление окончанным. При этом также обязательным аспектом здесь выступает добровольность принятия этих благ, предполагающая получение на то согласия, без которого в действиях одного не может быть состава преступления, регламентированного ст. 290 УК РФ, а у другого лишь покушение на деяние, закрепленное в ст. 291 УК РФ.

В приведенном примере судом неверно были расценены обстоятельства, описанные в уголовном деле, что, скорее всего, выступило результатом неправильного понимания сущности самого взяточничества. Оно представляет собой не что иное, как предварительную процедуру, объективно подтверждающую сделку двух лиц. Именно передача «оплаты» олицетворяет собой добровольность этого процесса, так как в ином случае здесь будет иметь место либо вымогательство, либо провокация. Сама технико-юридическая конструкция ст. 290 УК РФ отрицает возможность принудительного получения

взятки, и здесь мы даже не упоминаем о формальной логике, которая также подтверждает данное умозаключение. Наряду с этим стоит заметить, что «личная передача адресату денежных средств» отнюдь не тождественна «их оставлению без его согласия в кабинете последнего». Тем более, что отказ взяткополучателя п. 12 настоящего постановления требует рассматривать именно как покушение на правонарушение, предусмотренное ст. 291 УК РФ.

Таким образом, все вышеизложенное не только указывает на неправильную квалификацию общественно опасного деяния, приводящую еще и к ухудшению положения виновного лица, но еще и на необходимость внесения изменений в соответствующие положения постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24. В частности, предлагается:

– в п. 10 сместить имеющиеся абзацы на ступень ниже, изложить новый первый абзац в следующей редакции:

«Для квалификации получения и дачи взятки в качестве окончанных преступлений необходимо устанавливать наличие согласия должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие передаваемого ему незаконного вознаграждения»;

– дополнить п. 12 третьим абзацем:

«Передача ценностей посредством оставления их в почтовом ящике, в кабинете, подбрасывания в сумку, одежду и т. д. без ведома и согласия на их принятие должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации не образуют окончанный состав преступления, предусмотренного статьей 291 или статьей 291¹ УК РФ, частью 1 или частью 2 статьи 204 УК РФ»;

– изменить технико-юридическую конструкцию п. 13:

«Получение или дача взятки, в том числе через посредника, а равно получение либо передача незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-разыскного мероприя-

тия, должны квалифицироваться как оконченное преступление **с момента их личного принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия».**

Подобные модификации не только способствуют систематизации практики применения норм, посвященных противодействию коррупции, но еще и они укрепляют их внутреннее единство и взаимосвязь посредством конкретизации соответствующих положений, что также еще и минимизирует вероятность их неоднозначного толкования.

Примечания

1. Послание Президента В.В. Путина Федеральному Со-
бранию на 2018 г. URL:
<http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обра-
щения: 13.09.2020).

2. Архив Московского областного суда // Апелляционный
приговор Московского областного суда от 16 июня 2015 г. по
делу № 22-3571/2015.

3. Архив Московского областного суда // Апелляционный
приговор Московского областного суда от 16 июня 2015 г. по
делу № 22-3571/2015.

4. О судебной практике по делам о взяточничестве и об
иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума
Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. №
24 // БВС РФ. 2013. № 9. С. 2.

5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 57000 слов /
под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. Москва, 1988.
С. 484.

УДК 343.9

Ю.Ю. Бражин,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.В. Петрянин*

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СЛУЖЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА
«ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»**

На современном этапе развития Российской Федерации государство взяло курс на преобразование социально-экономического, научно-технологического и других направлений. Одними из основных инструментов прогнозируемого прорыва выступают национальные проекты. Именно они должны положительным образом повлиять на изменение уровня жизни граждан.

В то же время велика не только практическая, но и теоретическая значимость исследуемого явления. Так, данной темой занимались многие представители научного сообщества: А.А. Модестов [1], Е.В. Каракулина, Э.К. Вергазова, Н.В. Силаева [2], А.В. Хачко, Д.Г. Синицина [3] исследовали понятие, сущность, цели и задачи национальных проектов; В.А. Сафонов, Т.К. Бойко [4], А.А. Долгополов, А.В. Белоконь [5], М.Г. Иванов [6], В.В. Андреев, О.М. Иванова [7] проводили анализ мер предупреждения экономических преступлений в рассматриваемой области.

Кроме того, особая актуальность выбранной темы подтверждается словами Президента РФ, который на расширенном заседании президиума Госсовета подчеркнул, что

«Успешное достижение национальных целей, повышение качества жизни людей – это ключевой ориентир для оценки эффективности как федерального правительства, так и региональных управленческих структур» [8].

По нашему мнению, наиболее интересным для научного осмысления представляется национальный проект «Здравоохранение» (2019–2024) [9], в рамках структуры которого реализуются восемь федеральных проектов:

- Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи;
- Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями;
- Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами;
- Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий;
- Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ);
- Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям;
- Борьба с онкологическими заболеваниями;
- Развитие экспорта медицинских услуг.

Учитывая особую важность реализации исследуемого государственного проекта, детерминанты служебно-экономических преступлений, совершаемых в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение», приобретают ряд особенностей, изучение которых представляет научный и практический интерес во взаимосвязи с динамикой и состоянием этого вида преступности.

Так, за 2019 г. в рамках исполнения национального проекта «Здравоохранение» было зарегистрировано 56 правонарушений, выявленных при проведении проверок физических и юридических лиц – получателей федеральных бюджетных средств [8]. Результат исследования этих правонарушений

указал на отсутствие постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел.

В то время как при реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» доля правонарушений, не влекущих за собой привлечение к уголовной ответственности, представляется достаточно разнообразной: если в 2015 г. по 88% выявленных правонарушений вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, то в 2019 г. данный показатель составляет 21%. Данная динамика отражена в диаграмме 1 [10].

Диаграмма 1. Сведения о количестве выявленных правонарушений при реализации приоритетного национального проекта «Здоровье»

При этом количество выявленных правонарушений выглядит крайне нестабильно, если в 2018 г. выявлено 32 правонарушения, то в 2019 г. их уже 79, что на 60% больше. В то же время в рамках национального проекта «Здравоохранение» статистические показатели постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела составили 0%.

Кроме того, следует отметить, что в сводном отчете все-российского уровня о результатах работы по защите средств

федерального бюджета, направленных на реализацию приоритетных национальных проектов за январь–декабрь 2019 г., сказано, что всего было зарегистрировано четыре преступления: два факта мошенничества и два случая присвоения и растраты. В то время как количественные характеристики преступлений, связанных с реализацией приоритетного национального проекта «Здоровье», отражены следующими показателями: общее количество выявленных преступлений, связанных с реализацией приоритетного национального проекта «Здоровье», за период 2015–2019 гг. составило 215, в 2015 г. – 76 преступлений; 2016 г. – 54; 2017 г. – 32; 2018 г. – 42; 2019 г. – 11.

Из вышеуказанных данных следует, что наиболее часто преступные посягательства выявлялись в 2015 г., а в дальнейшем наблюдалось снижение активности органов внутренних дел в части их выявления и пресечения. Объяснить это возможно преобразованиями в системе МВД России и изменениями действующего законодательства.

Более того, следует отметить, что количество выявленных преступлений в сфере реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» позволяет предположить наличие высокой степени латентности в исследуемой области правоотношений.

В условиях развития современного общества состояние преступности в сфере реализации национального проекта в области здравоохранения формируется исходя из общих тенденций социальной жизни и правовой действительности. В направлении фиксируемого снижения зарегистрированных преступлений (за исключением 2018 г.) следует отметить, что малая доля в структуре деяний рассматриваемой группы преступлений формирует положительную тенденцию, однако, с другой стороны, при условии отсутствия должного внимания к национальному проекту «Здравоохранение» и несвоевременного выявления преступлений, эту тенденцию можно будет поставить под сомнение. Необходимо отметить и тот факт, что сведения о размере причиненного ущерба бюджетной системе вызывают обеспокоенность, к примеру, за 2019 г., согласно

данном ГУЭБиПК, совокупный материальный ущерб составил 17,3 млрд руб. [11]. В период 2015–2019 гг. преступления в сфере реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» повлекли причинение материального ущерба на сумму 197 349 тыс. руб.

Так, учитывая данные статистической отчетности за 2015–2019 гг., необходимо обратить внимание на виды преступлений, направленных на хищение бюджетных средств, выделяемых на реализацию приоритетного национального проекта «Здоровье»:

- злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) – 3;
- мошенничество (ст. 159 УК РФ) – 59;
- присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ) – 36;
- служебный подлог (ст. 292 УК РФ) – 4;
- уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией... (ст. 199 УК РФ) – 1;
- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) – 7;
- превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) – 6;
- получение взятки (ст. 291 УК РФ) – 11;
- дача взятки (ст. 290 УК РФ) – 8.

Кроме того, за 2019 г. совершены следующие виды преступлений, связанные с реализацией национального проекта «Здравоохранение»: мошенничество (ст. 159 УК РФ) – 1; присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ) – 1 [12].

Анализ вышеуказанных данных показывает, что среди совершаемых преступлений наиболее часто в исследуемой области общественных отношений выступают мошенничество, присвоение и растрата. К примеру, в рамках реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» в 2015 г. зарегистрирован рост преступлений по ст. 160 УК РФ, что составило 61% от всех преступлений в тот период, а в 2016–2017 наиболее часто встречались преступления по ст. 159 УК РФ, они составили 54 и 78% соответственно от всех деяний. В данной

выборке отражены только те преступления, по которым расследование окончено.

Таким образом, динамика и состояние служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» показывает нам негативную криминогенную обстановку, ввиду чего повышается необходимость разработки уголовно-правового инструментария охраны общественных отношений в исследуемой области.

Примечания

1. *Модестов А.А.* Национальный проект «Здравоохранение» – новые стратегии и векторы развития сестринского дела // *Московская медицина*. 2019. № 6 (34). С. 72.

2. *Каракулина Е.В., Вергазова Э.К.* Национальный проект «Здравоохранение»: цели и задачи // *Менеджмент качества в медицине*. 2019. № 2. С. 6–9.

3. *Силаева Н.В., Хачко А.В., Синицина Д.Г.* Национальный проект «Здравоохранение» // *Пространственное развитие региона: перспективы, приоритеты, ресурсы: сборник научных трудов международной научно-практической конференции / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Западный филиал. Калининград, 2019. С. 329–331.*

4. *Сафонов В.А., Бойко Т.К.* Предупреждение преступлений экономического и коррупционного характера в сфере здравоохранения оперативно-розыскными средствами // *Уголовное законодательство России: основные проблемы применения и направления совершенствования: сборник материалов I Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2019. С. 110–114.*

5. *Долгополов А.А., Белоконь А.В.* О мерах по предупреждению экономических преступлений // *Научно-технологическое обеспечение агропромышленного комплекса России: проблемы и решения: сборник тезисов по материалам*

IV Национальной конференции / отв. за вып. А.Г. Коцаев. Краснодар, 2019. С. 149.

6. *Иванов М.Г.* Теоретико-прикладные аспекты организации предупреждения служебно-экономических правонарушений и обеспечения экономической безопасности в сфере кооперативного сектора экономики // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2016. № 2. С. 78–81.

7. *Андреев В.В., Иванов М.Г., Иванова О.М.* Актуальные вопросы обеспечения безопасности служебно-управленческой деятельности в кооперативном секторе экономики // *Вестник Российского университета кооперации*. 2018. № 2 (32). С. 98–103.

8. Сведения о преступлениях, связанных с реализацией национального проекта «Здравоохранение»: сборник по Российской Федерации за 2019–2020 гг. Москва, 2020.

9. Паспорт национального проекта «Здравоохранение»: утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16. Документ опубликован не был. URL: <https://baze.garant.ru/72185920/> (дата обращения: 09.11.2020).

10. Сведения о преступлениях, связанных с реализацией приоритетного национального проекта «Здоровье»: сборник по Российской Федерации за 2015–2019 гг. Москва, 2019.

11. Чиновники должны нести персональную ответственность за расходование бюджетных средств на нацпроекты. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4290343> (дата обращения: 07.10.2020).

12. Не откладывать на потом и дать возможность маневра. Путин обсудил нацпроекты с Госсоветом. URL: <https://tass.ru/nacionalnyie-proekty/9574077> (дата обращения: 07.10.2020).

Е.Г. Бугрова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *Н.Н. Ковтун*

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ К ВОСПОЛНЕНИЮ ПРОБЕЛОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПУТЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовые позиции Пленума ВС РФ являются средством преодоления пробелов и противоречий закона и коллизий практической правоприменительной деятельности в уголовном процессе России. Данное положение работает только в том случае, когда соблюдаются правила легального толкования права. Эти правила заключаются в следующем: 1) при толковании нормы суд не должен подменять волю закона; 2) суд должен избегать абсурдных решений в толковании; 3) акт толкования не должен создать коллизионные ситуации.

Следует сказать о том, что деятельность Пленума ВС РФ по толкованию уголовно-процессуальных норм уже достаточно давно является «спасательным кругом» для правоприменителя. Практически каждое нововведение законодателя влечет за собой необходимость интерпретации со стороны государственных органов.

Так, например, введя уголовную ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста (ст. 144¹ УК РФ), законодатель в дефиниции нормы не раскрывает возможные способы совершения данного преступления.

В свою очередь, Пленум ВС РФ в своем постановлении указывает на то, что к ответственности по данной статье могут быть привлечены работодатели и в том случае, если работник уволен из организации по собственной инициативе, но доказано, что его вынудили уйти из-за его «особого статуса» [1]. В сложившейся ситуации подобное решение было принято ВС РФ достаточно оперативно (ст. 144¹ УК РФ была введена ФЗ от 3 октября 2018 г. № 352-ФЗ, постановление Пленума ВС РФ датируется 25 декабря 2018 г. № 46), вследствие чего на практике отсутствуют коллизии.

Однако зачастую Пленум ВС РФ формирует свою позицию лишь после того, как уже возникают проблемы, которые необходимо разрешать. Рассмотрим следующий пример. В определенный период времени в связи с возросшим уровнем социальной активности в сети «Интернет» различных групп экстремистской направленности произошел соответствующий рост количества возбужденных уголовных дел по ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Напомним, что ранее формулировка диспозиции звучала следующим образом: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Пленум ВС РФ в постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 четко обозначил свою позицию, указав, что наличие или отсутствие у лица прямого умысла и цели возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства при размещении материалов в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети должно подтверждаться совокупностью объективных данных, включающих как форму и содержание размещенной информации, ее

контекст, так и сведения о деятельности такого лица до и после размещения информации, данные о его личности, в частности, приверженность радикальной идеологии, участие в экстремистских объединениях и т. п. [2].

При изучении уголовных дел, возбужденных по представленной статье, ВС РФ было выявлено много необоснованно предъявленных обвинений. В частности, так называемые репосты экстремистских материалов не содержали в себе элементов состава преступления, поскольку отсутствовали доказательства умысла на разжигание ненависти или вражды.

Например: 1. В конце декабря 2017 г. студент из Старого Оскола Александр Крузе был приговорен к двум с половиной годам колонии-поселения. Следствие сочло экстремистскими четыре фотографии на странице Крузе в социальной сети «ВКонтакте». По словам самого Крузе, который учился на пятом курсе юридического факультета Воронежского экономико-правового института, он опубликовал изображения для проведения опроса в рамках дипломной работы, посвященной экстремизму [3].

2. В ноябре 2016 г. по статье о распространении порнографических материалов была осуждена воспитательница Евгения Чудновец. Она разместила на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» репост с видео об издевательствах над ребенком в лагере. По словам Чудновец, она сделала репост, чтобы обратить внимание на этот случай. Суд признал педагога виновной и приговорил к шести месяцам колонии общего режима [3].

3. Феминистка из Омска Любовь Калугина поведала интернет-сообществу о том, что Следственный комитет РФ начал проверку ее постов в социальной сети «ВКонтакте» на предмет возбуждения ненависти к мужчинам (ч. 1 ст. 282 УК РФ). Вопросы у следователей вызвали феминистские шутки, которые размещала Калугина. «Медиазона» публикует рассказ радикальной феминистки о ее взглядах, вызове в Центр «Э» и делах за мемы. «Феминизм у меня в основном в интернете. Я веду свой блог и два сообщества в социальной

сети «ВКонтакте» – *Proud of being a woman* («Горжусь, что я женщина» с вариантом написания *woman*, который используют радикальные феминистки. – МЗ) и «Твоя ужасная леди». В большей степени это мои личные убеждения. В официальные феминистские группировки я не вхожу, да в Омске у нас их и нет, в силу территориальной удаленности от столицы. ...Если пытаться как-то охарактеризовать мои убеждения, то я считаю, что женщины – это люди. Без всяких но, без всяких мифических недостатков, которые им приписывают, и без всяких дополнительных обязанностей, которые на них навешивают. Что женщины достойны абсолютно полноценной, интересной, комфортной и безопасной жизни, которой, к сожалению, у них пока еще нет ни в одной стране, несмотря на конституционное равенство полов» [4].

В результате возросшего количества необоснованно возбужденных уголовных дел и крайне абсурдных ситуаций, когда привлекают к уголовной ответственности безо всякого умысла лица на совершение преступления, законодатель внес изменения в диспозицию ст. 282 УК РФ, дополнив ее формулировкой «лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года», но, к сожалению, происходящие случаи необоснованного привлечения к ответственности по исследуемой статье объясняются не плохим качеством уголовного законодательства, а несовершенством правоприменительной практики.

Подтверждением этому является то, что в своем постановлении Пленум ВС РФ попросил обратить внимание судов на то, что при правовой оценке действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по соответствующим признакам, судам следует исходить из характера и степени общественной опасности содеянного и учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но

в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Рассмотрим еще одно разъяснение, но уже касающееся вопросов квалификации хищения. В постановлении Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 выделены конкретные ситуации, которые могут возникнуть, и их соответствующая квалификация.

Так, крайне подробно дается разъяснение признака тайности. В тех случаях, когда люди видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества, при этом, если присутствующее при незаконном изъятии лицо не сознает противоправность или является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что не встретит противодействие, содеянное квалифицируют как кражу чужого имущества, однако если было оказано противодействие, высказано требование прекратить противоправные действия, содеянное подлежит квалификации как грабеж. Пленум ВС РФ указывает еще на некоторые тонкости, когда действия виновного в ходе совершения кражи обнаруживаются, но он осознанно продолжает совершать незаконное изъятие, то такие действия следует квалифицировать как грабеж или разбой соответственно [5].

Формирование судебных правовых позиций Пленума ВС РФ, разумеется, направлено не только на облегчение работы правоприменительных органов и иных участников уголовного судопроизводства, но и в первую очередь на обеспечение единообразного применения законодательства с целью установления единого правового пространства на всей территории государства. Сложность постановленной цели заключается в большом количестве межотраслевых норм, к тому же они зачастую могут быть противоречивыми и в дальнейшем вызывать коллизии на практике. Приведем пример, исходя из п. «о» ст. 71 и ст. 54 Конституции РФ, а также ст. 8 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности при совершении деяния,

содержащего в себе признаки состава преступления, которое предусмотрено Уголовным кодексом РФ, однако международное законодательство содержит в себе отдельные нормы, которые предусматривают признаки составов преступлений, которых нет в УК РФ. Согласно смыслу приведенных ранее статей Конституции РФ и УК РФ, нормы международных договоров будут применяться судами Российской Федерации только в тех случаях, когда соответствующий состав преступления прямо предусмотрен в УК РФ или если необходимость применения международного договора прямо в нем указана (например, ст. 355 и ст. 356 УК РФ).

Не можем обойти стороной вызывающее много споров в юриспруденции положение, закрепленное в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и устанавливающее приоритет норм международного права над национальным законодательством в случае их противоречия друг другу. Отметим, это положение дублируется во всех кодексах Российской Федерации, за исключением УК РФ. Такова специфика российского уголовного законодательства, ст. 1 УК РФ говорит о том, что любые нормы, предусматривающие уголовную ответственность, должны быть занесены в уголовный закон Российской Федерации. Следовательно, даже ратифицированные конвенции с предложенными квалификациями преступлений не могут быть применены российскими судами.

В приведенном примере прослеживается межотраслевое противоречие, которое устранено Пленумом ВС РФ. В п. 6 постановления от 10 октября 2003 г. № 5 данная проблема разрешается в пользу норм внутреннего уголовного права. Позиция пленума строится на том, что международные договоры, предусматривающие признаки составов уголовно наказуемых деяний, не должны и не могут применяться судами непосредственно, ввиду того, что их ратификация Российской Федерацией заключается в том, что на государство возлагается обязанность установить наказуемость соответствующих преступлений внутренним национальным законодательством [6].

Таким образом, Пленум ВС РФ создает новые нормы путем формирования своей правовой позиции. Особую ценность для правоприменительной практики представляют те судебные правовые позиции, которые дают категоричные ответы на дискуссионные вопросы, когда появляются коллизии и споры, когда требуется императивное вмешательство со стороны законодателя или, в нашем случае, высших судебных органов. Отметим, императивность со стороны пленума оказывает позитивное воздействие на правоприменительную практику за счет предоставления единственно верного варианта разрешения спора. Часто Пленум ВС РФ закрепляет положения, которые напрямую не содержатся в нормативных документах, однако следуют из их общего смысла. Несмотря на частую осторожность Пленума ВС РФ, его судебные правовые позиции, объективированные в постановлениях, носят важную юридическую и смысловую ценность как для иных судов, так и для всех участников уголовного судопроизводства.

Примечания

1. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 46. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2020).

2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2020).

3. Несвободный интернет: кого судили за посты в социальных сетях. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/15/08/2018/5b74177e9a7947fd21d084d0> (дата обращения: 17.04.2020).

4. Голубев С. «Я не думала, что нельзя даже пошутить». Монолог радикальной феминистки из Омска, которую проверяют на разжигание ненависти к мужчинам. URL:

<https://zona.media/news/2018/08/22/zhlo> (дата обращения: 17.04.2020).

5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2020).

6. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2020).

Е.В. Васильева,
адъюнкт заочной формы обучения
НА МВД России.

Научный руководитель –
д.с.н., доцент *Д.А. Шпилев*

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

Исследование вопросов, связанных с организованной преступностью, не прекращается со стороны ученых и практиков. Связано это с высокой социальной значимостью влияния данного явления на жизнь населения и нормальной работы государственных учреждений. Отличие организованной преступности от других видов преступлений состоит в том, что они могут совершать более масштабные преступления, чем менее организованные преступники (в качестве примера можно взять рэкет организаций либо контрабанду запрещенных законодательством товаров) [1].

В процессе исследования организованной преступности следует в первую очередь обратить внимание на исторические аспекты появления данного вида преступности, временные рамки, особенности форм проявления, сферы влияния, степень общественной опасности. Для полного понимания вопроса положительно скажется сравнительный анализ организованной преступности в России и других странах. В данном вопросе наиболее яркими примерами для нас станут такие страны, как Италия, США и Япония. Необходимо разобраться, что же спровоцировало появление организованной преступности в вышеуказанных странах.

Россия. Первые упоминания о преступных организациях в России возникли еще в XIV в. в древнерусском кодексе права – Русской Правде. В нем основными групповыми преступлениями названы убийства, разбои и кражи.

В статье мы рассмотрим развитие организованных преступных групп начиная с 1917 г. Именно с этого периода появляются преступные организации, сформированные в виде банд, совершающих вооруженные нападения на граждан и учреждения. С 1930-х гг. появилось криминальное сообщество «воров в законе», существующее по сей день. У «воров в законе» имелся «общак», в который отчислялся определенный процент от награбленного.

После смерти Сталина появляются первые нелегальные изготовители дефицитной продукции для населения – «цеховики». Спекуляция товарами каралась ст. 154 УК РСФСР [2]. Также в условиях запрета валютных операций образовалось большое количество криминальных сообществ, занимающихся нелегальным обменом валюты (ст. 88 УК РСФСР действовала до 1994 г.). Важно отметить, что особенностью советских представителей «теневого» бизнеса являлось удовлетворение естественного спроса населения на вполне легальные товары (одежда, косметика и т. д.) и услуги (например, обмен валюты).

На сегодняшний день в России более 8000 действующих преступных групп.

Большой криминогенный потенциал несут в себе преступные сообщества, тяготеющие к конкретным экономическим районам. Основными очагами их деятельности остаются Центральный, Приволжский, Волго-Вятский, Уральский, Западно-Сибирский регионы. Анализ уголовных дел и материалов подразделений Главного управления по борьбе с организованной преступностью позволяет определить особенности такой деятельности в сфере экономики этих регионов.

Италия. Основным видом организованной преступности в Италии является мафия. Данный термин берет свое начало из XIX в., в переводе с итальянского означает «защитник, покровитель». Изначально целью мафии была защита сицилийцев от

иностранных грабителей, разбойников, захватчиков. Вскоре она поменяла свою функцию и была представлена в виде организованной преступной группы, занимающейся рэкетом и «крышеванием».

Мафия постепенно проникла во все виды деятельности Сицилии. После объявления всеобщих выборов в 1912 г. мафия начала внедрять на выборах своих кандидатов, также завела тесные связи с полицией и таким образом постепенно распространила свое влияние на всю Италию.

С приходом в 1922 г. к власти в Италии Муссолини для мафии наступили не лучшие времена. С бандами «мафиози» начинают жестоко расправляться, расстреливать на месте без суда и следствия. Полицией устраивались облавы в деревнях и районах, в которых находилась основная масса преступников. Такие меры дали свои плоды, и к 1929 г. мафия была практически истреблена. Разумеется, некоторым кланам мафии удалось договориться и выжить, другие ушли в подполье и «пережидали бурю», третьи – бежали за границу.

По окончании Второй мировой войны мафия вновь стала набирать силы. В 50-х гг. XX в. мафия начинает торговать оружием, а затем и наркотиками. Бандитизм встает поперек горла итальянскому обществу, которое едва оправилось от войны. Итальянцы требуют защиты от бандитского произвола. В 1960 г. правительство Италии начинает принимать серьезные меры для борьбы с организованной преступностью. Регулярные облавы на склады с оружием и награбленным имуществом, а также аресты руководства банд стали обыденным делом. В ответ на это мафия убивает простых полицейских, запугивать судей и прокуроров, берет в заложники детей и родственников депутатов, которые посмели перейти им дорогу.

В 1990 г. полиция проводит операции «чистые руки», в результате которой крупные мафиозные семьи были практически уничтожены.

В наше время на территории Италии выделяются три наиболее мощных преступных сообщества: 1) «Ндрагетта» (Ndragetta) из Калабрии; 2) Неаполитанская «Каморра»

(Самогга); 3) Апулийская «Сакра Корона Юнита» (Sakra Korona Unita).

Соединенные Штаты Америки – страна динамичная, многоликая, многонациональная. Все эти черты характерны и для американской организованной преступности.

США присвоили себе название – государство равных возможностей. Спектр криминала здесь тоже на редкость многообразен – от уважающих традиции «благородных» мафиозных донов до уличных банд, состоящих из отморожков.

Так же, как и во многих других странах, первыми организованными преступными сообществами в США были так называемые грабители с большой дороги (пираты, контрабандисты и т. д.). К середине XIX в., в процессе массовой иммиграции европейцев в США зарождается понятие «этническая преступная группировка».

До начала XX в. сильнейшими преступными группировками считались ирландские банды. Способствовало этому два фактора, первый – многочисленность ирландской диаспоры, второй – наличие в полиции крупных городов большого числа этнических ирландцев, зачастую покрывавших своих земляков.

К началу 20-х гг. XX в. ирландцев потеснили итальянские иммигранты, перебравшиеся в Америку из Италии из-за установления диктаторского режима Муссолини. Кровопролитная война между ирландскими и итальянскими гангстерами длилась вплоть до начала 30-х гг. и закончилась полной победой итальянцев.

Большое историческое значение для образования и развития преступных организаций в США сыграла Восемнадцатая поправка к Конституции США от 17 января 1920 г. В Америке был наложен полный запрет на продажу и производство алкогольной продукции – так называемый «сухой закон». Наложение данного запрета не уменьшило спрос на данный вид продукции, и, конечно же, это породило появление нового нелегального способа заработка для преступных организаций. Они начали поставку в США огромного количества алкоголя. Прибыль от этого они имели колоссальную, больше, чем от других

видов незаконной деятельности (проституция, азартные игры и другие). Следствием «сухого закона» стало появление практически в каждом городе США семей мафиози.

После отмены в 1933 г. «сухого закона» мафия столкнулась с тем, что не стало той огромной прибыли, которая была в 1920-х гг. Более умные из мафиозных семей начали расчетливо действовать. Их деятельность распространилась на профсоюзы, строительство и незаконный оборот наркотиков, но те, кто решил пренебречь новыми реалиями, потеряли власть и влияние и в конечном счете исчезли.

Япония. Это одна из немногих стран, которая после второй мировой войны не утратила своих традиционных национальных ценностей, поэтому на тот период здесь можно было наблюдать самый низкий процент преступности по отношению к другим развитым государствам. Несмотря на это, организованная преступность все же имелаась. Более того, данное явление появилось в Японии гораздо раньше, чем в западных странах, предположительно в VII–IX вв.

Существует общий термин обозначения организованной преступности Японии – «якудза» (в переводе – «бездельник», «хулиган»). Преступные группировки в Японии регистрируют правоохранные органы. Самое большое количество преступных группировок было зафиксировано в 1963 г. Их количество составило 5216, что включало в себя 185 тыс. человек [3]. Впоследствии можно наблюдать сокращение численности преступных группировок, и к 1996 г. зафиксировано всего 79 900 членов преступных сообществ. Несмотря на это, общий уровень преступности вырос. Этот факт связывают с поглощением малочисленных преступных групп более крупными преступными сообществами [4].

К началу XX в. организованная преступность глубоко проникла во все сферы деятельности. В послевоенной Японии царил кризис, было огромное количество молодых людей, которым катастрофически не хватало работы и, соответственно, средств к существованию. Этот факт провоцирует рост преступности, появляются группы лиц, промышляющих

грабежами, насилием и вымогательством. С 1958 по 1963 г. численность таких преступных сообществ сильно возросла – с 70 до 184 тыс. человек (рекордное количество за всю историю Японии).

Многие иностранные исследователи задавались вопросом, почему якудза настолько открыта? Их структура, участники, штаб-квартиры известны как широкой общественности, так и полиции [3]. Это можно объяснить тем, что те сведения, которые о них известны, без процессуальных доказательств не имеют никакой силы, и привлечь к ответственности их за это невозможно, поэтому якудза бросает все силы на то, чтобы не оставлять таких следов, которые могут привести к принятию в отношении них мер в соответствии с законом.

Проанализировав организованную преступность в выше-названных странах, можно выделить несколько отличительных качеств в каждой из них. Если говорить об Италии и США, то их организованная преступность преимущественно опирается на семейные и родственные связи. Такого нельзя сказать о России и Японии. Также, в отличии от России, США и Италии, японская якудза не стремится сохранять в тайне свою внутреннюю структуру. Необходимо отметить, что огромное влияние на зарождение организованной преступности напрямую влияет законодательство (например, «сухой закон» в США, запрет на обмен валюты в СССР), а также уровень жизни в стране (огромное количество бедняков без работы и средств к существованию) приводит к такому способу заработка.

Примечания

1. *Долгова А.И.* Организованная преступность. Москва, 2014.
2. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.
3. *Белявская О.А.* Организованная преступность в Японии: научно-аналитический обзор. Москва, 1990.
4. *Уэда К.* Преступность и криминология в современной Японии. Москва, 1989. С. 123–124.

А.Ю. Волкова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *В.В. Сверчков*

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОГЛАСИИ ЛИЦА НА ПРЕТЕРПЕВАНИЕ ВРЕДА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ

Российский законодатель в рамках действующего уголовного законодательства расширил границы реализации лицом своего частного интереса: это выражено в различных институтах и субинститутах уголовного права. Также реализация лицом своей свободы в отношении своих прав и законных интересов нашла отражение в уголовно-процессуальных отношениях, которые возникают в связи с событием преступления. Рамки реализации собственного усмотрения лицом при совершении в отношении него противоправного деяния определяются не только уголовным, но и уголовно-процессуальным законодательством. Кроме этого, государство не допускает совершение деяний, схожих по своей правовой природе с преступлениями, по согласию лица на претерпевание негативных последствия указанного деяния. Это подталкивает к неоднозначности определения курса уголовной политики: охрана личности усиливается посредством реагирования государства на динамично развивающиеся общественные отношения, где лицо может претерпевать вред своим правам и законным интересам, несмотря на добровольное одобрение подобного вреда в свой адрес.

Отталкиваясь от общих этапов развития юридической науки, исследователей диспозитивного в уголовном праве можно разделить на три большие категории: дореволюционные исследования, советские и современные разработки.

В *дореволюционное время* возможность реализации частного интереса в уголовном праве исследовали С.И. Баршев, А.Ф. Бернер, Л.С. Белогриц-Котляровский, Л.Е. Владимиров, А.Ф. Кистяковский, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий. Ученые рассуждали об отчуждаемости и неотчуждаемости каждого из благ, принадлежащих человеку, и были едины во мнении о неотчуждаемости права на жизнь – «...невозможно представить всякому убивать другого по выраженному последним желанию» [1, с. 12]. Дореволюционные исследования намного опережали развитие уголовного законодательства, что подтверждал имеющийся потенциал реализации частного интереса в рамках уголовной политики.

Рассуждая о природе согласия потерпевшего на причинение вреда, необходимо отметить, что большинство теоретиков дореволюционного уголовного права склонялись к тому, что согласие лица будет исключать преступность деяния ввиду того, что преступное намерение осуществляется по настоянию жертвы, таким образом, исчезает признак противоправности деяния, существование согласия уничтожает само понятие преступления.

Против подобной точки зрения высказывался Л.С. Белогриц-Котляровский, аргументируя свою позицию тем, что на практике согласие лица на причиненный вред приведет к ряду абсурдных выводов и нельзя однозначно разграничить блага отчуждаемые и неотчуждаемые, называемые правами, которые составляют существенные условия личности [2, с. 247–248]. Мнения сходились в отношении распоряжения своими имущественными правами (по принципу *volenti non fit injuria* – «нет обиды изъявившему согласие»), правом на неприкосновенность чести и достоинства, на телесную неприкосновенность без тяжких последствий.

В публикации С.И. Баршева в журнале «Русский вестник» рассматривается пример интерпретации согласия лица на лишение себя жизни другим лицом, что, в соответствии с действующим тогда законодательством, было признано пособничеством в убийстве с обдуманном намерением или умыслом. С.И. Баршев считает, что право на жизнь не зависит от нашей воли и не может быть нарушаемо даже с нашего согласия: «Жизнью мы и сами не имеем малейшего права распоряжаться произвольно. Жизнь дается человеку лишь для пользования, и то не безотчетного...» [3, с. 790–791].

Нельзя не согласиться с подобной точкой зрения. Человек не вправе распоряжаться своей жизнью, а привлечение другого лица для лишения себя жизни создает почву для произвола в реализации такого намерения.

Другие права и свободы рассматривались теоретиками до-революционного времени в ключе того, что практическое решение вопроса согласия потерпевшего может быть реализовано только при анализе состава отдельных преступных деяний, их объекта и условий охраны этого объекта правовыми нормами [4, с. 494].

В зависимости от условий охраны конкретного блага, их разделяли на *условные*, правовая защита которых зависит от воли их хозяина, и *безусловные*, при нарушении которых страдает государственный и общественный интересы. С.В. Познышев считает, что нельзя однозначно разделить права и свободы личности на две указанные категории, но изъятия в законе, при которых согласие лица при причинении вреда своим законным интересам будет учитываться, позволят конкретному лицу реализовать свой частный интерес. Условность и безусловность прав, охраняемых уголовным законом, должна определяться с учетом правовой свободы личности, которая формируется на основе современных реалий жизни общества в совокупности с принятыми нормами социальной этики.

Анализ взглядов теоретиков уголовного права позволяет сделать вывод о том, что сложность применения согласия лица на причинение вреда состоит в определении отчуждаемости и

неотчуждаемости конкретного блага, принадлежащего человеку, его условности или безусловности. В настоящее время это проблема нашла отражение в разграничении диспозитивных и публичных начал в уголовном праве, что должно определить границы дозволенного распоряжения лицом своими правами и законными интересами. Общество динамично, и именно наука уголовного права должна определять идеал уголовного правосудия и какие деяния законодатель должен заносить на страницы уголовного закона, исходя из соображений создания лучшего общественного порядка и норм социальной этики [5, с. 494]. Хотелось бы также отметить точку зрения немецкого криминалиста А.Ф. Бернера о том, что истинно-нравственное развитое государство постигает снова нравственное основание наказания, что позволит сделать наказание справедливым и возмездным [6, с. 102].

Подобные точки зрения дореволюционных теоретиков уголовного права говорят о важности определения общественной этики и социальной нравственности в отношении отдельно совершенного противоправного деяния, точнее, для признания его таковым. Доктринальные наработки, в которых была затронута идея согласия лица на претерпевание вреда, всегда соответствовали духу эпохи, что говорит о динамике развития тех общественных отношений, где могло бы быть реализовано данное диспозитивное начало. И лишь комплексное рассмотрение научных представлений о согласии лица на претерпевание вреда в дореволюционное время позволяет сделать вывод о том, что они намного опережали законодательную практику, в которой господствовал патерналистский подход к охране прав и законных интересов.

Примечания

1. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права: Часть особ.: Посягательства личные и имущественные. 7-е изд. Петроград, 1916. IV. С. 12.

2. *Белогриц-Котляревский Л.С.* Учебник русского уголов-

ного права. Общая и особенная части. Киев, 1903. IV, 618, II с. С. 247–248. URL: https://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003370022/viewer/?page=259 (дата обращения: 10.05.2020).

3. *Баршев С.И.* Спорный юридический вопрос // Русский вестник. 1863. Т. 46. С. 790–791. URL: http://starietknigi.info/Zhurnaly/RV/RV_46.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

4. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть общая: лекции. 2-е изд., пересмотр. и доп. Санкт-Петербург, 1902. Т. 1. 1902. С. 494.

5. *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1912. С. 2–3.

6. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права: части общая и особенная. Вып. 1. Часть общая / пер. и изд. Н. Неклюдова. Санкт-Петербург, 1865. С. 102.

Е.И. Дубов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *М.В. Степанов*

О КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СКЛАДЫВАЮЩЕЙСЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ, СВЯЗАННОЙ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ COVID-19 В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Всемирная пандемия, затронувшая практически все мировое сообщество, именуемая COVID-19, и взявшая начало своего распространения в конце 2019 г., дошла, к сожалению, и до нашей страны к марту 2020 г. Неизвестная болезнь породила неопределенность общественной жизни во всех без исключения сферах жизнедеятельности россиян, будь то социальная, экономическая, политическая, правовая или иная. Сложно выделить наиболее важную из них, так как именно стабильное развитие совокупности указанных направлений обеспечивает благополучное будущее для граждан России.

Учитывая специфику заявленной темы исследования, автор постарался акцентировать внимание на актуальных вопросах материального достатка россиян. В частности, учитывая происходящие экономические реалии, лица, потерявшие заработок или не имеющие возможности работать и получать заработную плату, были вынуждены обращаться в различные кредитные учреждения и брать на себя кредитные обязательства. Как следствие, при невозможности последующего исполнения вышеуказанных обязанностей должники могли столкнуться с некоторыми проявлениями деятельности по воз-

врату просроченной задолженности, имеющей альтернативное неофициальное название «коллекторская». В этой связи прогнозируется начало волны неплатежеспособности, что в дальнейшем может спровоцировать активизацию действующих вне рамок правового поля субъектов по взысканию долгов.

Немалое число исследований посвящено феномену «коллекторская деятельность» в нашей стране, нашедшему свое отражение в трудах следующих авторов: С.А. Литвинова [1], М.А. Осипова [2], Ф.П. Васильев [3], Э.Ж. Чхвимиани, Т.Ф. Скогорева [4], А.В. Махова [5], С.Н. Шишкин [6], Ю.С. Эзрох [7], М.В. Крылов [8], Д.В. Климов [9], В.И. Матейчук [10] и иных. Научная новизна настоящей статьи заключается в том, что в ней впервые рассматриваются проблемные аспекты деятельности по возврату просроченной задолженности на фоне распространения новой инфекции коронавируса в России.

При этом, прежде чем рассуждать о работе коллекторов в период пандемии, автор, проанализировав различные источники информации, попытался выделить ряд основных проблем в кредитно-денежной сфере общественных отношений, имеющих социально-экономический характер, которые возникли в нашей стране в период самоизоляции.

1. Известно, что основными «партнерами» для действующих вне рамок правового поля коллекторских организаций являются микрофинансовые организации (далее – МФО). Ужесточение законодательства, касающегося введения некоторых ограничений для функционирования подобных финансовых институтов, способствовало существенному очищению рынка возврата долгов от нелегальных участников, жаждущих заработать не совсем честным и прозрачным путем, однако не существенно уменьшило их реальное количество. Вместе с тем, в самый разгар острейшей эпидемиологической ситуации в Центральном Банке России зафиксировали заметное увеличение жалобных обращений в отношении МФО, которые, в свою очередь, стали активно уступать свои долги представителям «коллекторского цеха». Причиной такого показателя, по

мнению некоторых экспертов, стало подписание закона об одобрении кредитных каникул. Что касается количественного показателя, то, сравнивая период апрель–май 2020 г., объем жалоб увеличился на более чем 40% и составил более 2200, из которых одна треть касалась вопросов возврата просроченной задолженности [11].

2. Факт того, что должники воспользуются шансом оттягивания исполнения долговых обязательств, сославшись на возникшую эпидемию как форс-мажорное обстоятельство, мешающее им исполнять кредитный договор, был вполне предсказуем и не стал неожиданностью. Лица, имеющие кредитные задолженности, в том числе и просроченного типа, все чаще стали просить об изменении графика выплат, оправдывая свои договорные нарушения начавшимся карантинном. Наши предположения подтверждают слова президента Национальной ассоциации профессиональных коллекторских агентств (далее – НАПКА) Мехтиева Эльмана Октай Оглу: «Кто-то ссылается на страх выйти на улицу, кто-то на самоизоляцию, кто-то на то, что уже болен...». Руководитель НАПКА также отмечает, что в целом подобные факты не массовые, а представители коллекторского бизнеса чаще всего воспринимают их как временный предлог для неисполнения кредитных обязанностей. В процентном соотношении лиц, ссылающихся на коронавирусную инфекцию, всего около 1%, однако неоспорим тот факт, что пандемия оказала негативное влияние на возврат долгов [12].

3. Одним из критериев определения уровня экономического развития государства являются реальные располагаемые доходы граждан. Указанный критерий представляет собой всю совокупность финансовых поступлений россиян с вычетом обязательных трат (в лице налоговых сборов, кредитных платежей и др.) и с учетом изменяющегося инфляционного коэффициента. По данным Росстата, указанный показатель впервые в новом тысячелетии достиг рекордно низкого значения. Второй квартал 2020 года стал активной фазой развития коронавирусного кризиса, что привело к падению вышеописанного

показателя в годовом выражении на 8% [13]. В качестве причин сложившейся ситуации можем указать следующие:

- резкое сокращение заработной платы граждан;
- принятие работодателями решения о сокращении рабочего времени либо о смене режима работы – с очного на дистанционный;
- досрочное отправление рабочих в неоплачиваемый отпуск;
- увольнение сотрудников.

На последнюю из выделенных нами причин лично обратил свое внимание Президент РФ В.В. Путин: «...Был затронут очень важный вопрос, связанный с рынком труда... Воспользуюсь этим для того, чтобы обратить внимание коллег других тоже в регионах... У нас перед началом всей этой истории с эпидемией уровень безработицы был 4,7%, а сейчас – 6,4%, то есть рост на 1,7%...» [14]. Контекст выступления был процитирован из обращения главы государства к губернаторам, на котором Президент призывает каждого руководителя региона уделить персональное внимание указанной проблеме, которое предполагает: тесное взаимодействие органов власти и представителей бизнес-сообщества, помощь предприятиям, предоставляющим рабочие места, с использованием всех резервов государственной поддержки, которые были запланированы федеральным правительством.

Учитывая все вышеизложенное, можно констатировать то, что в связи с внезапно возникшей острой эпидемиологической ситуацией в России экономическая сфера отношений переживает кризисное состояние, поэтому очевидно, что большая часть населения, основываясь на опыте зарубежных стран, ждала от высших органов власти государства финансово-материальной помощи. В этой связи была начата разработка специальных мер поддержки, направленных на недопущение острых негативных последствий в социально-экономической жизни общества. Предлагаем перейти к рассмотрению подобных государственных и общественных решений.

Социальные выплаты. Цикл самоизоляции в нашей стране ассоциировался с периодическими телеобращениями главы государства В.В. Путина к гражданам. На одном из таких «майских обращений» было объявлено о принятии решения, в котором говорилось о том, что с 1 июня 2020 г. семья, имеющая в своем составе детей в возрастном диапазоне от 3 до 16 лет, имеет право на получение единовременной выплаты в размере 10 000 руб. на каждого ребенка. Законодательно данная инициатива нашла свое отражение в Указе Президента РФ от 23 июня 2020 г. «О единовременной выплате семьям, имеющим детей» [15]. Полученные денежные средства могли быть использованы по своему усмотрению, в том числе для погашения платежей по кредитным договорам.

Кредитные каникулы. Законодательным актом, предполагающим предоставление помощи для заемщиков, оказавшихся в непростой финансовой ситуации, стал ФЗ № 106-ФЗ от 3 апреля 2020 г. [16]. Содержание вышеуказанного документа устанавливает порядок, сроки и условия использования указанной меры государственной поддержки.

Так, любое физическое лицо и индивидуальный предприниматель имеют право на обращение к кредитной организации о предоставлении кредитных каникул, длительность которых может достигать 6 месяцев, при условии, что доходы должника снизились не менее чем на 30% относительно предыдущего месяца. Должник вправе обратиться в любое время вплоть до 30 сентября 2020 г. Со стороны кредитора может быть запрошена документация, подтверждающая реальное снижение заработной платы более чем на 30%, после чего заемщик обязан в течение 90 дней предоставить «доказательства понижения доходов».

Отличительными особенностями кредитных каникул является недопущение: штрафных санкций за образование просроченной задолженности как по основной сумме долга, так и по процентам; предъявления требования о досрочном взыскания долга.

«Сезонные скидки» от коллекторских организаций. Данная мера поддержки не относится к категории государственной помощи, а носит общественно-кооперативный характер.

Так, в упомянутой выше НАПКА, являющейся своеобразным центром формирования цивилизованного рынка услуг профессиональных коллекторов, объявили, что организации, включенные в их ассоциацию, разработали специальные меры поддержки для заемщиков в условиях складывающейся обстановки. Программы поддержки должников предусматривают частичное списание просроченной задолженности, а также предоставление отсрочки на период эпидемии. Несмотря на то, что данный жест, с одной стороны, имеет «социально-экономический окрас», эксперты в области просроченных долгов высказывают мнение об «имиджевом» ходе со стороны профессиональных взыскателей: траты для реализации программ будут не столь значительны, однако посредством такого жеста коллекторы смогут заработать [17].

Подводя итог, хочется отметить, что, безусловно, мировая угроза в лице неизвестной болезни породила кризис в сфере возврата просроченной задолженности. Обозначенные в рамках статьи проблемы не являются исчерпывающими, как и пути их решения, некоторые из которых предполагались в принятых мерах поддержки граждан. В целом массовую волну неплатежей по кредитным обязательствам удалось сдержать на минимальном уровне: острого кризиса экономики и социального сектора регионов получилось избежать. При этом игнорирование прогнозирования подобных событий может спровоцировать рост нелегальных участников в области возврата просроченной задолженности: «кредитный крах» в России не является сугубо экономическим или финансово-кредитным феноменом, чаще всего он становится и социально-политическим.

Примечания

1. *Литвинова С.А.* О проблеме коллекторской деятельности в России // Экономика и управление. 2016. № 5 (127). С. 41–44.

2. *Осипова М.А.* Правовые основы коллекторской деятельности в Российской Федерации // Baikal Research Journal. 2018. № 2.

3. *Васильев Ф.П.* Правовое регулирование деятельности коллекторов в России и их совершенствование // Евразийский Союз Ученых. 2018. № 7–3 (52). С. 32–42.

4. *Чхвимиани Э.Ж., Скогорева Т.Ф.* Проблемные вопросы осуществления коллекторской деятельности // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 3 (37). С. 12–15.

5. *Махова А.В., Курячая А.Р.* Деятельность коллекторских агентств России в 2014–2018 годах // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 7. С. 122–125.

6. *Шишкин С.Н.* О перспективах правового регулирования деятельности по возврату долгов // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2 (58). С. 88–90.

7. *Эзрох Ю.С.* О жестком коллекторе узнаете снова..., или что делать с взысканием долгов в России? // ЭКО. 2016. № 7 (505). С. 153–172.

8. *Крылов М.В.* Коллекторское агентство: российский и зарубежный опыт // Символ науки. 2016. № 12-1. С. 129–132.

9. *Климов Д.В.* Коллекторский бизнес в Российской Федерации: проблема взыскания долгов // Вестник Прикамского социального института. 2016. № 1 (73). С. 37–40.

10. *Матейчук В.И.* Защита прав граждан от незаконных действий коллекторов по взысканию просроченной задолженности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 20–25.

11. МФО продают долги россиян после одобрения им кредитных каникул. URL: https://pravo.ru/news/223037/?desc_search= (дата обращения: 01.10.2020).

12. Должники стали чаще ссылаться на финансовые трудности. URL: <https://narpa.ru/press-tsentr/news/11540/> (дата обращения: 01.10.2020).

13. Росстат раскрыл динамику реальных доходов населения за период пандемии. URL: <https://rg.ru/2020/07/17/rosstat-raskryl-dinamiku-realnyh-dohodov-naseleniia-za-period-pandemii.html> (дата обращения: 01.10.2020).

14. Путин попросил глав регионов лично заниматься борьбой с безработицей. URL: <https://ria.ru/20200924/bezrabortitsa-1577713081.html> (дата обращения: 01.10.2020).

15. О единовременной выплате семьям, имеющим детей: указ Президента РФ от 23 июня 2020 г. № 412 // СЗ РФ. 2020. № 26, ст. 4086.

16. О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа: ФЗ от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14, ч. I, ст. 2036.

17. Коллекторы поддержат должников в условиях пандемии. URL: <https://pravo.ru/news/220247/> (дата обращения: 01.10.2020).

О.В. Жарков,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., профессор *С.В. Власова*

**К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ,
СОВЕРШЕННЫМИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ИНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В соответствии со ст. 73 УПК РФ при производстве предварительного расследования по уголовному делу к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, отнесены характер и размер вреда, которые причинены совершенным преступлением. Законом предписывается не только определение вида и размера вреда, который был причинен совершенным преступлением, которое обусловлено необходимостью в дальнейшем решения вопроса о его возмещении лицу, потерпевшему от противоправного деяния, но и для верной квалификации преступления, для отграничения его от правонарушений, подпадающих под действие административного Кодекса.

Если обратиться к общим положениям гражданского права, к перечню способов защиты гражданского права, то в соответствии со ст. 12 ГК РФ, относительно возмещения причиненных убытков, а также и компенсации морального вреда под убытком следует понимать те расходы, которые уже понесло лицо, расходы которые производились и расходы, которые неминуемо понесет лицо для восстановления своих прав вследствие их нарушения. При этом вся совокупность нормативных правовых актов, определяющих основу современной

юридической науки в антиуголовной сфере, оперирует термином «вред».

В настоящее время немало дискуссий в научной среде происходит по вопросу использования в структуре преступления, совершенного в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности, стоимостных критериев, которые составляют количественные показатели крупного и особо крупного ущерба, а также размера дохода. Это создает как законодателю, так и правоприменителю некоторые проблемы. Данная проблематика была обусловлена трудностями, возникшими при оценке характера стоимостного критерия. Это зачастую вело к неоднозначной практике, как при проведении следственных действий, так и при рассмотрении дела в суде [1, с. 5], приводило к размыванию границ криминализации сходных, аналогичных преступлений, что, в свою очередь, противоречило уже принципу справедливости, не соответствовало правоохранительному интересу. Трудности и сложность квалификации преступления по оценочному признаку приводят к формальному определению, представленному в уголовном законодательстве, лишь количественного оценочного признака (крупный ущерб, доход, размер и др.), устанавливаемого с точки зрения наличия преступности в деянии по стоимостному критерию.

В настоящее время на практике в структуре уголовно-правовых норм было бы весьма проблематично полностью отказаться от использования количественных признаков для определения крупного ущерба, дохода, размера деяний (мнение Б.А. Миренского: «...оценочный подход на доктринальном уровне становится причиной дискуссий. Предлагалось либо полностью отказаться от использования количественных признаков крупного ущерба, дохода и размера деяний в конструкциях уголовно-правовых норм...» [2, с. 36–37]), либо полностью принять обязательность их наличия, то есть «...неизбежность их существования...» [3, с. 138]). Вместе с тем, ввиду отсутствия методики расчета таких показателей спорным остается вопрос об обоснованности выбора законо-

дателем количественных критериев оценки крупного и особо крупного ущерба, определяемых как «порог» уголовной ответственности, так и ее дифференциацию [4, с. 122–124].

В практике применения различают три вида вреда: моральный, физический, материальный. Просматривается четкая параллель уголовного права с гражданским правом в части понимания причиненного материального вреда и причиненного реального ущерба. Материальный вред уже традиционно понимается как стоимостное выражение утраченного объекта (вещи, права и др.), охраняемого законом и которого потерпевший (собственник, владелец и др.) был лишен. При этом учитывается и стоимость их амортизационного износа. Здесь суть понимания материального вреда заключается в необходимости реального определения причиненного ущерба, то есть ущерба, который понесло и понесет лицо (физическое и/или юридическое) от противоправного деяния третьего лица. По действующему законодательству в Российской Федерации при рассмотрении уголовного дела судом у потерпевшего, понесшего ущерб, имеется возможность восстановления своего права по возмещению вреда подачей соответствующего иска, а равно закон предоставляет возможность и после вынесения судом обвинительного приговора защитить свое право в порядке гражданского иска.

Отметим мнение М.Г. Жилкина, который полагает, что, «рассматривая категорию «ущерб» в сравнении с другими, наиболее часто встречающимися понятиями, с помощью которых в УК РФ описаны последствия преступлений, то есть «последствия» и «вред», ... в нормах Общей части УК РФ эти термины используются для обозначения всех негативных изменений в объекте уголовно-правовой охраны, то есть являются носителями тождественных понятий, а в нормах Особенной части УК РФ наблюдается относительная дифференциация исследуемых терминов» [5, с. 18]. Термином «ущерб» зачастую оперируют в контексте определения последствий материального характера, другими словами, – предметно. Терми-

ном же «вред» оперируют, когда акценты смещены в сторону последствий личного характера, – субъектно.

Расследуя преступления, совершенные в сфере экономической или иной предпринимательской деятельности, термин «вред материальный» тождествен термину «ущерб». В ходе расследования преступлений, совершенных в сфере экономической и иной предпринимательской деятельности, материальный вред может быть определен в первую очередь на основе имеющейся стоимости объекта преступного посягательства, которая фиксирована в бухгалтерских платежных документах собственника (приходно-расходные кассовые ордера, товарные чеки, кассовые чеки, товарно-транспортные накладные и др.). Необходимо учитывать тот факт, что бывают случаи, когда какие-либо документы, подтверждающие приобретение вещи владельцем, не хранятся либо по истечении гарантийных обязательств утрачиваются. В таких случаях у следователя остается возможность получения необходимых сведений об актуальной стоимости по предоставленной справке из торговых точек, ломбардов, производственно-торговых организаций и т. п.

В соответствующей справке на оценку имущества будет указана его актуальная стоимость. Данная справка по корректно сформулированным вопросам в запросе следователя может учесть износ, временную потерю стоимости, рыночную стоимость... Е.Р. Россинская справедливо выделяет положения п. 25 постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 27 декабря 2007 г. № 51, позволяющего оценить на основе заключения эксперта-товароведа не только само имущество, но и условия производства, использования, упаковки, документы на него, равно как по продовольственным, так и по непродовольственным товарам. Зачастую назначается проведение экспертизы в совокупности с трасологическими, судебными экспертизами веществ и материалов [6, с. 510–514].

Если преступные, мошеннические посягательства произошли в отношении предмета со значительной стоимостью

или особо ценного, то его оценку в ходе расследования дела возможно произвести лишь по складывающейся рыночной цене на момент совершения преступных посягательств. Иные варианты его стоимости не учитываются. Значительно затруднено определение стоимости имущественного комплекса (завод, предприятие, ферма и др.).

Проблемы возникают и при оценке нематериальных активов, то есть предметов, не имеющих материальной формы. Это и бездокументарные ценные бумаги, и результаты интеллектуальной деятельности, права, закрепленные на материальном носителе, который стал предметом фальсификации. Для совершения мошеннических действий преступникам, как правило, необходимо изначально определить потенциал объекта преступных посягательств, то есть вообще целесообразность совершения противоправных действий: узнать заранее стоимость активов субъекта хозяйственной деятельности. Таковые данные содержатся в финансовой и бухгалтерской отчетности. Доступ к этим данным порой имеет широкий круг лиц: от работников бухгалтерии, акционеров до сотрудников контролирующих органов. Не редко возникают вопросы при оценке вреда, причиняемого разглашением коммерческой тайны.

В вопросе верной квалификации преступного разглашения коммерческой тайны, последующего завладения хозяйствующим объектом в свете положений ст. 183 УК РФ следует поддержать позицию Ю.В. Трунцевского, который полагает, что при оценке стоимости предмета преступных посягательств необходимо рассматривать действующие цены на него и использовать их в расчетах сумм ущерба. Убытки, как полагает Ю.В. Трунцевский, возможно определить исходя из положения: «одна единица товара (продукции), реализованная с использованием чужого товарного знака, приравнивается к одной единице товара (продукции), не реализованной владельцем знака (правообладателем)» [7].

Данное положение видится актуальным и при оценке стоимости отчужденных преступным путем активов как в целом, так и при оценке лишь их части. При этом получение заклю-

чения от профессионального специалиста по оценке просто необходимо. Оценка финансового состояния предприятия в виде развернутого заключения позволяет следователю использовать его для определения стоимости активов, оценки причиненного ущерба. При оценке дорогостоящего объекта необходимо учитывать, что преступники могут в договорах отчуждения отражать искаженные данные о предприятии для создания видимости законности сделки и перепродажи добросовестному покупателю, занижать реальную стоимость объектов, в том числе нематериальной природы. Только проведенное экспертное финансово-экономическое исследование для определения стоимости подвергнутого преступным посягательствам предприятия или его части позволяет следователю верно оценить причиненный вред.

Относительно сферы незаконного предпринимательства необходимо отметить, что получение доходов в крупном размере, причинение ущерба в крупном размере рассматривать в качестве криминализирующего признака при квалификации уголовно наказуемого деяния как незаконного предпринимательства не совсем верно. Такой подход к решению задачи квалификации преступления может приводить к нарушению норм позитивного законодательства, к несоблюдению положений ст. 8 УК РФ.

Криминализация деяний в сфере предпринимательской деятельности по рассматриваемым признакам будет не соответствовать принципу общественной опасности. На необходимость отказа от использования в конструированиях норм уголовного закона категорий «крупный ущерб», «доход», «размер», на необходимость криминализации противоправных деяний вне зависимости от масштабов экономических преступлений, а также и негативных последствий совершения таких преступлений ранее не раз делался акцент в научных источниках разными авторами.

О.А. Авдеева, например, применительно к ст. 171 УК РФ предлагала вообще отказаться от такого криминообразующего признака, как «доход» [8, с. 156]. Научные подходы к крими-

нализации преступных деяний в сфере экономической и предпринимательской деятельности, безусловно, основываются и строятся на сугубо персональном видении ученых-юристов при рассмотрении данного вопроса. В этой связи вопрос криминализации деяний в сфере экономической и предпринимательской деятельности остается дискуссионным, требует осмысления с учетом социальных и экономических реалий современного российского общества. Современная же позиция законодателя такова, что отказ от таких категорий, как «ущерб», «доход» и «размер», при конструировании уголовно-правовых норм в сфере экономической и предпринимательской деятельности неминуемо приведет к неоправданной декриминализации или к необоснованной криминализации деяний субъектов экономической деятельности.

В современном российском уголовном законодательстве законодатель разделяет мошенничество по видам на отдельные статьи. Например, мошенничество в сфере кредитования – ст. 159¹ УК РФ, а также мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, – ст. 159⁴ УК РФ, где размер причиненного вреда необходимо определять суммой денежных средств по неисполненным обязательствам, выраженной в рублях, фиксированной сторонами в заключенном договоре кредитования, либо купли-продажи, либо поставки и др.

Размер причиненного вреда от преступления-мошенничества с целью получения каких-либо денежных выплат и/или сокрытие фактов, влекущих прекращение таковых, то есть фальсификация лицом сведений о его статусе, например, достижение возраста совершеннолетия, отчисление из высшего учебного заведения, смерть и др., может быть исчислен как сумма полученных лицом денежных выплат. Проверять верность принятого решения возможно посредством анализа данных о фактически полученных выплатах. Правильность выводов может подтверждаться фактическими данными, предоставляемыми по запросу следователя из организаций, осуществлявших выплату денег.

При расследовании преступлений с использованием банковских карт вред оценивается посредством анализа данных о покупках за счет незаконнополученных денежных средств, находящихся свое отображение в разного рода бухгалтерской, банковской документации.

Размер причиненного вреда от преступления-мошенничества в сфере страхования также возможно оценить при помощи соответствующей документации страховщика. Это страховые выплаты-компенсации по договорам-страхования, по страховым полисам и т. п.

В сфере компьютерной информации вред возможно определить по стоимости похищенного имущества на основе общих правил. Стоит отметить, что согласно положениям большинства статей гл. 21 УК РФ именно реальный ущерб принимается в качестве вреда.

В гражданском праве понимание понятия «упущенная выгода» и определение размера и вида выплаты значительно отличается от его понимания в уголовном праве. Учет убытка от упущенной выгоды с криминалистической точки зрения видится спорным моментом для включения его в определение причиненного уголовным преступлением ущерба. Также, думается, что не стоит включать в понятие «ущерб» и сумму недополученной прибыли, недополученные проценты по банковскому кредиту, что однозначно находится в плоскости гражданско-правовых отношений.

Таким образом, при расследовании преступлений, совершенных в экономической сфере, а также в сфере предпринимательской деятельности, определение размеров причиненного материального вреда следовало бы производить, базируясь на выводах, сделанных соответствующим экспертом, исходя из представленного им заключения. При этом должно учесть лишь вред материальный, который был причинен преступлением непосредственно, то есть реальный ущерб, а упущенную потерпевшими выгоду не учитывать вовсе, кроме отдельных, исключительных случаев и лишь в рамках криминалистического понимания смысла данного термина.

Примечания

1. Комментарий судебной практики. Вып. 23 / М.Л. Шелютто, А.Ф. Ефимов, М.Н. Николаев [и др.]; отв. ред. К.Б. Ярошенко. Москва, 2017. С. 5.

2. *Миренский Б.А.* Методы совершенствования республиканского уголовного законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1985. С. 36–37.

3. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. Москва, 1972. С. 138.

4. *Трунцевский Ю.В., Осипов И.В.* Законодательное закрепление количественных параметров стоимостных критериев преступлений в сфере экономической деятельности: закономерности и методика подсчета // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 122–124.

5. *Жилкин М.Г.* Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. С. 18.

6. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2019.

7. *Трунцевский Ю.В.* Крупный ущерб как признак состава преступления по ст. 180 УК РФ // Труды МГТА: электронный журнал. URL: <http://www.magazinmelivipu17/238-v17+Truntsevskiy.doc> (дата обращения: 24.09.2020).

8. *Авдеева О.А.* Незаконное предпринимательство: определение ущерба // Вестник Читинского госуниверситета. 2009. № 1. С. 156.

А.А. Количенко,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *С.В. Власова*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПОТЕРПЕВШИХ, СВИДЕТЕЛЕЙ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Подчеркнуть масштабность и значимость заявленной проблематики хотелось бы цифрами. Мы предлагаем обозначить объем финансового обеспечения реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» [1]. Обращаясь к данной программе, можно увидеть, что объем финансового обеспечения составляет 1 059 256,1 тыс. руб., в том числе:

- в 2019 г. – 211 788,5 тыс. руб.;
- в 2020 г. – 211 866,9 тыс. руб.;
- в 2021 г. – 211 866,9 тыс. руб.;
- в 2022 г. – 211 866,9 тыс. руб.;
- в 2023 г. – 211 866,9 тыс. руб. [1].

Согласно положению Государственной программы, ежегодно в ходе расследования уголовных дел более 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. Обратившись к официальному сайту Росстата, мы можем увидеть, что общая численность населения России на 1 января 2020 г. составляет 146 748 590 человек. Проведя небольшой расчет, становится ясно, что порядка 7% населения выступают в качестве потерпевших и свидетелей.

В настоящее время мы можем наблюдать изменение качественной составляющей преступности, при этом стоит отметить ее крайнюю динамичность. Выражается данное изменение в профессионализме, организованности и появлении новых видов преступности. Все это влечет за собой негативные последствия. Нередко посткриминальному и противоправному воздействию подвергаются очевидцы, заявители или лица, которым вследствие совершения преступления был причинен вред, в том числе страдают и их близкие родственники и иные лица.

Автор подчеркивает, что особый социально-экономический ущерб наносится в большей степени организованной преступностью. Лишь при продуктивном и всестороннем обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства, а также лиц, содействующих правосудию, можно говорить об адекватном противодействии и повышении качественной составляющей уголовного процесса. Мы считаем, что это одно из важнейших условий проведения всестороннего и эффективного расследования преступлений, а в дальнейшем и благополучного рассмотрения судом уголовного дела.

Как нам известно, одним из основополагающих нормативных правовых актов в вопросах обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства является ФЗ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2]. Если обратиться к ч. 1 ст. 6 данного Закона, то можно увидеть, что законодатель определяет девять мер безопасности, которые могут применяться в отношении защищаемого лица. При этом стоит понимать, что одновременно могут применяться одна или несколько мер безопасности. В рамках данной статьи предлагаем рассмотреть лишь некоторые из мер безопасности, что позволит нам выявить актуальные проблемы и предложить пути их решения.

Начнем с такой меры государственной защиты, как обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице. Стоит сказать, что данная мера безопасности является наиболее эффективной и применяемой в следственной практике, а

такая мера безопасности, как переселение на другое место жительства, по мнению автора статьи, одна из самых неэффективных мер государственной защиты. Обусловливается это и большими финансовыми затратами, и недостаточным нормативным регулированием данного вопроса. Остановимся на данной мере безопасности подробнее. Во-первых, переселение на другое место жительства лица, подлежащего государственной защите, может применяться правоприменителями только на временной основе. Чтобы создать для защищаемого лица новый образ, необходимо выдать человеку новые документы (воинское удостоверение, трудовую книжку, диплом об образовании, пенсионное удостоверение), создать ему новую историю жизни, а также обеспечить жильем. Необходимы колоссальные финансовые затраты, но, конечно же, и разработанные механизмы, и нормативные правовые акты. Во-вторых, очень мало гарантий того, что защищаемое лицо не будет найдено тем, от кого исходит угроза. В-третьих, правоприменителям придется переселять всю семью лица, подлежащего государственной защите, и проводить с членами семьи аналогичную процедуру, что и с подзащитным лицом.

Замена документов. Данная мера не является эффективной, в случае ее применения без изменения внешности или других мер, по той причине, что лица, от которых исходит угроза, прежде всего, будут ориентироваться на внешность защищаемого лица, а не на документы.

Изменение внешности. Не все подзащитные лица соглашаются на применение данной меры. Также изменение внешности влечет за собой достаточно крупные финансовые затраты, а тем более, если меняется внешность подзащитного лица, то необходимо менять внешность его близких родственников (семьи).

Изменение места работы (службы) или учебы. Применение данной меры довольно слабо урегулировано и требует финансовых затрат. Поменяв место работы, подзащитное лицо не меняет место жительства, что дает возможность злоумышленникам выявить новое место работы путем слежки.

Временное помещение в безопасное место. Действующее законодательство не поясняет, что собой представляет такой феномен, как «безопасное место», как следует его идентифицировать и рассчитывать степень его безопасности.

Применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое. На наш взгляд, данная мера является достаточно эффективной, учитывая то условие, что анкетные данные лица, которое отбывает наказание, будут сохранены в тайне, однако, к нашему сожалению, не всегда контролируется негласная внутренняя почта, присущая заведениям, исполняющим наказания, что затрудняет сохранение анкетных данных подсудимого в тайне.

Пробелы в законодательстве могут говорить нам либо о небрежном, либо о равнодушном отношении к свидетелю, потерпевшему, а также к представителям правоохранительных органов, которые призваны их защищать. Хотелось бы в данном контексте привести следующий пример: в соответствии с ч. 9 ст. 166 УК РФ, при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь, дознаватель вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности [3]. Здесь необходимо акцентировать внимание на возможности должностного лица, ведущего расследование, на право, а не обязанность не приводить данные о личности. Позиция законодателя, на наш взгляд, такова, что если следователь не воспользуется данным правом, не учитывая реальную обстановку расследования, то свидетель может впоследствии иметь плачевные последствия от такого расклада событий.

Проведенное исследование, посвященное актуальным проблемам государственной защиты потерпевших, свидетелей и

иных участников уголовного судопроизводства, позволяет нам сформулировать определенный ряд выводов и предложений:

1. В целях устранения пробелов в понятийном аппарате предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ новыми пунктами, раскрывающими такие понятия, как «государственная защита» (п. 63) и «защищаемое лицо» (п. 64).

2. Видим целесообразным внести изменения в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, а именно: заменить слово «участника» на слово «субъекта», а также «вправе» на слово «обязан», по причине того, что их процессуальный статус, включающий в себя права, обязанности и ответственность, в УПК РФ не регламентирован на стадии до возбуждения уголовного дела.

3. Необходимо понимать, что уровень квалификации сотрудников соответствующих подразделений, уполномоченных на применение мер государственной защиты, должен быть на достойном уровне. В настоящее время лишь одна образовательная организация в системе МВД России является профильной платформой для подготовки кадров, занимающихся именно вопросами обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, – Уфимский юридический институт МВД России. Как мы понимаем, главной задачей современной системы подготовки кадров является обучение сотрудников с использованием инновационных методов обучения, применением глубоких общеобразовательных, технических и профессиональных знаний. Говоря о сотрудниках подразделений государственной защиты, необходимо сказать, что они должны четко ориентироваться при возникновении внештатных ситуаций, уметь на высоком профессиональном уровне обращаться с боевым оружием и быть физически развитыми.

4. Действенность и наличие качественных мер государственной защиты приобретает особенную актуальность при расследовании уголовных дел об организованной преступности, где злоумышленники зачастую совершают воздействие на участников уголовного судопроизводства путем запугивания, угроз убийством и т. д. На современном этапе назрела потреб-

ность в комплексном развитии системы мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также совершенствовании материально-правовых гарантий безопасности.

Подводя итог данной статьи, автор делает вывод о том, что институт государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации требует доработки в отдельных аспектах, но в то же время неплохо и активно функционирует.

Примечания

1. Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы»: постановление Правительства РФ от 25 октября 2018 г. № 1272 // СЗ РФ. 2018. № 44, ст. 6764.

2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: ФЗ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 34, ст. 3534.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // РГ. 2001. 22 декабря.

Е.Н. Кротова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *А.М. Хужин*

ПРИЗНАКИ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЯНИЙ КАК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКТА

При характеристике неправомерных деяний как юридического факта следует учесть, что исследуемый феномен нельзя определить при помощи только одного ключевого признака. В данном случае необходима вся совокупность характеристик юридического факта с учетом особенностей, применимых к неправомерным деяниям. Некоторые из них позволяют описать рассматриваемую категорию в полной мере, без упоминания специфических черт, относящихся к тому или иному виду неправомерного деяния, данные признаки будут характеризоваться как общие. Причиной наименования указанных признаков общими служит тот факт, что данные признаки присущи не только неправомерным деяниям, но и другим разновидностям юридических фактов. Среди признаков юридического факта применительно к категории неправомерного деяния к общим признакам можно отнести следующие:

1. *Объективированность и выраженность вовне.* Неправомерными деяниями не могут быть чувства, мысли и другие абстрактные явления субъективного характера. Любое неправомерное деяние должно иметь свое отражение в пространстве и во времени, однако в составе неправомерного деяния выделяют такой элемент, как субъективная сторона (связь между совершаемым деянием и волей, мотивами, целями лица), дан-

ный элемент состава неправомерного деяния стоит отличать от мыслей и намерений совершить неправомерные действия или бездействие, поскольку рассматриваемая категория всегда явление материального мира.

В качестве первостепенного данный признак выделял О.А. Красавчиков, который в своих трудах делал акцент на важности юридического факта как явления правовой действительности, выраженного во вне и имеющего свои характерные особенности. Стоит отметить, что рассматриваемый правоведом признак в полной мере описывает неправомерное деяние как юридический факт и подчеркивает его зависимость от сознания человека: «Говоря о юридических фактах, прежде всего, необходимо отметить, что это факты реальной действительности, объективные факты, то есть явления, существующие независимо от нашего сознания. Существовая объективно, юридические факты по своей природе и содержанию могут быть продуктами сознательной деятельности людей» [1].

Безусловно, планирование и подготовительные действия к совершению неправомерного деяния накладывают определенный отпечаток при непосредственной реализации запланированных действий, однако, если лицо только задумало совершить неправомерное деяние, без выражения запланированного во вне, то ни о каком неправомерном деянии как юридическом факте не может идти речи, поскольку данный признак отражает сущность юридического факта как такового.

2. *Конкретность и индивидуализированность.* Поскольку неправомерные деяния всегда выражены во вне, данный вид юридических фактов можно охарактеризовать по месту, времени и по кругу лиц, их совершающих. При этом неправомерные деяния совершаются конкретными субъектами и несут определенное правовое и социальное содержание.

С целью более глубокого осмысления данной характеристики неправомерного деяния рассматриваемый признак условно можно разделить на две составляющие: 1 – конкретность выражения неправомерного деяния; 2 – его индивидуализированность.

Конкретность в данном случае заключается в том, что основанием для возникновения, изменения или прекращения правоотношений может служить только реальное действие, имеющее социальное и правовое значение и носящее неправомерный характер, а не мнимое или фиктивное обстоятельство. При этом данное обстоятельство должно отвечать требованиям определенности, свойственным для того или иного уровня развития общества, что в дальнейшем облегчит путь установления факта совершения неправомерного деяния.

Что касается признака индивидуализированности неправомерного деяния, то он заключается в том, что неправомерное деяние может совершить только конкретное лицо, различные природные явления или обстоятельства непреодолимой силы будут относиться к юридическим событиям (к юридическому факту, не зависящему от воли юридических и физических лиц). Относительно данного признака неправомерного деяния О.А. Красавчиков в своих трудах справедливо отмечал главенствующую роль не только отдельного человека, но и общественных образований в реализации тех или иных неправомерных действий или бездействия как юридического факта, делая акцент при этом на их сознательной воле [1], что подтверждает важность признака конкретности и индивидуализированности неправомерного деяния как юридического факта.

3. *Выражение наличия или отсутствия явлений материального мира.* Как уже ранее отмечалось, сущность неправомерного деяния проявляется не только в активных действиях, но и в бездействии, наносящих определенный вред субъектам правовых отношений. Для отражения данного признака при раскрытии категории неправомерности используется понятие более широкое, по сравнению с понятием «действие», а именно термин «деяние», который описывает не только активную сторону совершаемого поступка, но и пассивную.

При характеристике признака выражения наличия или отсутствия явлений материального мира неправомерного деяния стоит отметить его взаимосвязь с классификацией юридиче-

ских фактов по форме их проявления на положительные и отрицательные.

Так, положительные юридические факты связывают с существованием в данный момент каких-либо явлений действительности, а отрицательные наоборот – с их отсутствием. Безусловно, юридическую значимость несет не каждый отрицательный факт, он приобретает юридическое значение в том случае, если влечет наступление каких-либо правовых последствий.

При рассмотрении данного признака неправомерного деяния во взаимосвязи с классификацией юридических фактов по форме проявления, вопреки сложившейся в юридической науке практике подразделения юридического факта на положительные и отрицательные факты, Р.О. Халфина подвергает сомнениям необходимость данного основания для классификации юридических фактов: «То, что автор называет отрицательными фактами, является, по существу, обстоятельствами, препятствующими тому, чтобы определенное другое обстоятельство могло выступить в качестве юридического факта, поэтому нет оснований эти препятствия рассматривать как юридический факт, хотя бы и отрицательный» [2, с. 287].

С.С. Алексеев, в свою очередь, наоборот подчеркивает важность признака выражения наличия или отсутствия явлений материального мира, но только в том случае, когда юридические факты представляют собой фрагменты окружающей действительности, но не любые фрагменты, а только те, «которые вовлечены в сферу права и поэтому выступают в виде материально-юридических явлений» [3, с. 163], подчеркивая при этом важность нормативного закрепления недопустимости совершения неправомерного деяния.

4. *Прямое или косвенное установление нормами права.* Недопустимость совершения неправомерного деяния должна быть прописана в норме права в прямой или косвенной форме, без этого признака рассматриваемый вид юридического факта теряет свое юридическое значение. При этом наличие одной необходимости правового закрепления недопустимости со-

вершения неправомерного деяния недостаточно, должно быть реальное фиксирование в нормах права, которое, как правило, получает свое отражение в гипотезах юридических норм.

Стоит отметить, что такая разновидность неправомерного деяния, как правонарушение, может регламентироваться только запрещающими нормами, когда другие виды неправомерного деяния (злоупотребление правом, объективно-противоправное деяние) могут характеризоваться нормами права, регламентирующими должное поведение (обязывающие и управомочивающие нормы права).

Многие ученые-правоведы при рассмотрении неправомерного деяния как юридического факта на первый план выносили именно признак закрепления нормами права недопустимости его совершения и соответственно установления каких-либо правовых последствий в случае несоблюдения прописанных в законе правил поведения.

К примеру, Н.Г. Александров в своем труде подчеркнул важность данного признака, установив, что «юридический факт – это не просто жизненный факт, а факт, определенным образом расцениваемый нормами права» [4, с. 243].

Аналогичной точки зрения придерживалась Р.О. Халфина, которая в своих трудах также писала о неразрывной связи между нормой права и поведением лица, выражающимся в том числе при совершении неправомерных действий: «Юридический факт – это в подавляющем большинстве случаев тот акт поведения, который по воле лица либо помимо его воли приводит в действие механизм правового регулирования. В дальнейшем поведение лица соотносится с моделью, установленной на основании нормы права» [2, с. 286].

5. *Информативность*, то есть отражение информации о состоянии общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования. Неправомерные деяния всегда затрагивают явления объективной действительности, которые требуют правовой упорядоченности. Относительно данного признака известный ученый-правовед В.Б. Исаков придерживался мнения, что «юридическими фактами выступают лишь

такие обстоятельства, которые прямо или косвенно затрагивают права и интересы общества, государства, социальных коллективов, личности» [5, с. 4].

Информативность неправомерного деяния в данном случае напрямую зависит от его юридического значения, поскольку неправомерные действия или бездействие не могут быть по своей сути бессодержательными (то есть не играть социально важной роли), в обратном случае неправомерное деяние как юридический факт теряет свою юридическую значимость и как результат – утрачивает всякий смысл как юридическая категория. Рассматриваемый признак целесообразно выделять как самостоятельный, по причине того, что, неся в себе определенную социально и юридически важную информацию, факт совершения неправомерного деяния способствует получению государством той информации, которая позволяет установить детерминацию возникновения проблем, в частности в области законодательного регулирования различных правоотношений.

б. *Значимость для государства и общества.* Неправомерные деяния не могут быть отнесены к разновидности юридических фактов, если они не затрагивают интересы как отдельной личности, так и общества в целом в прямой либо косвенной форме, при этом нарушаемые права и интересы должны быть законодательно урегулированы и иметь социальную значимость, в противном случае содержание неправомерного деяния потеряет свое юридическое значение.

Относительно важности данного признака выразил свою точку зрения О.А. Красавчиков, который считал, что «юридические факты отличаются от других фактов реальной действительности только с точки зрения значимости данных фактов для права» [1, с. 14].

Можно сказать, что рассматриваемый признак, по сути, вытекает из всех вышеперечисленных признаков неправомерного деяния как юридического факта. Без значимости неправомерного деяния рассмотрение данной правовой категории не имеет смысла, поскольку при возникновении правоотношений между

лицом и нарушителем его прав, необходимо установить, не только какие права были нарушены, где они закреплены и какой вред был причинен, но и какое юридическое значение несет в себе сам факт совершения неправомерного деяния.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что неправомерные деяния обладают практически всем комплексом признаков юридического факта, выступая одной из его разновидностей. При этом они имеют свои особенности проявления, о чем необходимо помнить при исследовании сущности такого сложного феномена в юридической науке, как неправомерные деяния.

Примечания

1. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. Москва, 1958.

2. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. Москва, 1974.

3. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. Т. II. Москва, 1982.

4. *Александров Н.Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. Москва, 1961.

5. *Исаков В.Б.* Юридические факты в российском праве: учебное пособие. Москва, 1998.

О.А. Ленёв,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *В.И. Шаров*

ИСТОРИЯ СЫСКА В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Историко-правовые исследования отмечают, что становление российской государственности осуществлялось не однородно. Развитие ряда функций государства, в том числе и правоохранительной, происходило в условиях сложившихся обычаев. Способы борьбы представляли обыденное понимание на основе житейского опыта, которые в дальнейшем сложились в конкретные практические формы.

Право Древней Руси носило частный характер. В разрешении конфликтов, в том числе в судебном порядке, основная роль отводилась потерпевшей стороне. Именно на него возлагалась обязанность подавать обращение, указывать на предполагаемого преступника и предоставлять необходимые доказательства.

Из-за такого «порядка отправления правосудия» отсутствовали государственные органы или должностные лица, которые на профессиональной основе выполняли полицейские функции.

Однако некоторые историко-юридические источники относят к таким органам (лицам) представителей князей. В Русской Правде есть упоминание о «вирниках», которые осуществляли розыск преступников. Представитель князя –

«емец», выполнявший функции по поимке воров, считается первым сыскным агентом в истории русского права [1, с. 9].

Немаловажным является вопрос о приемах и методах раскрытия уголовных преступлений, используемых в Древней Руси. Основным источником права той эпохи является Русская Правда, в которой закреплены нормы и порядок проведения расследования, а также формы досудебных отношений.

Розыск преступника и проведение расследования начинались с «заклича». Как правило, в людном месте (на «торгу») объявлялось о совершении преступления. В основном речь шла о краже вещей. При обнаружении похищенного по истечении трех дней с момента объявления «заклича» человек, у которого обнаружена пропажа, объявлялся «татем», то есть вором. Данное лицо могло заявить о приобретении похищенной вещи, в таком случае оно обязано указать, у кого эта вещь приобретена.

Формой розыска являлся «свод». В «своде» принимал участие сам потерпевшей и лицо, которое добросовестно приобрело похищенное. Если по результатам розыска третье лицо также доказывало добросовестность покупки, то все трое обязаны были продолжить розыск.

Таким образом «свод» представлял форму розыска, направленную на раскрытие имущественных преступлений и возмещение ущерба потерпевшему.

Другой формой досудебных отношений являлось «гонение следа». «Гонение следа» – это розыск лица по оставленным им следам. В ст. 77 Пространной правды устанавливались определенные правила «гонения следа» [2, с. 45]. В случае потери следа на пустынном месте поиск прекращался. Если следы находились в общине, то на нее возлагалась обязанность по розыску. За отказ от поиска предусматривался штраф.

Таким образом, как это видно из Русской Правды, правоохранительные функции, в части раскрытия преступлений, в Древнерусском государстве возлагались и осуществлялись самим потерпевшим, лицами на которых пало подозрение, а

также членами общины. Отдельного государственного органа по уголовным преступлениям не существовало.

«Заклич», «свод» и «гонение следа» в юридической науке рассматриваются неоднозначно. Их относят и к форме досудебных отношений, и к форме розыска. Целесообразнее их отнести к форме раскрытия преступления.

Становление российской государственности происходило в условиях меняющихся общественных отношений. Менялось отношение государства к борьбе с преступностью, в том числе к уголовному преследованию. Государство само определяло, когда и в каких случаях проводить расследование, независимо от наличия обращения потерпевшей стороны. Это является основным отличием от существовавшего ранее порядка.

Новый порядок определял должностных лиц, на которых возлагались функции по установлению преступника и сбору доказательственной базы. Необходимо отметить, что вводится определенная регламентация. Гласность и устность производства розыска, существовавшие в древнерусском государстве, заменялись на негласность и письменность.

В начале сыск применялся для преследования государственных преступников и раскрытия тяжких преступлений. Основы сыскной работы находят отражение в Псковской Судной грамоте 1467 г., которая предусматривала участие представителя власти в расследовании дел о кражах. В дальнейшем происходит разграничение функций суда и розыска, что нашло отражение в Судебниках 1497 и 1550 гг. и окончательно закрепилось в Соборном Уложении 1649 г.

Толковый словарь В. Даля определяет сыск как судебное следствие, а в узком значении – допрос под пыткой. При этом слова «сыск» и «розыск» он рассматривает как тождественные [3, с. 377].

Выполнение правоохранительной функции государством требовало соответствующего построения и обеспечения. В XIII–XV вв. суд осуществляли князья, их представители в уездах – наместники, а в волостях – волостетели, которые, в свою очередь, для исполнения судебно-следственных функций

назначали своих уполномоченных лиц – именовавшихся «ти-унами», «доводчиками», «недельщиками», «приставами», «праветчиками», которые не являлись государственными чиновниками.

Среди перечисленных должностных лиц интерес вызывают должности судебных приставов, поскольку они сохранились в российской правоохранительной системе по настоящее время. О существовании этих должностей упоминается еще в Псковской Судной грамоте. Пристав имел право проводить обыск, вызывать в суд, изымать имущество, однако в то время приставы назначались лишь временно для следствия по конкретным делам и не являлись штатными сотрудниками судебно-полицейской системы.

В XVI в. Иван Грозный создает новые государственные органы – приказы. Судебно-полицейские функции возлагались на Разбойный приказ, за время существования которого менялись названия (Разбойный сыскной приказ, Сыскной приказ, Приказ сыскных дел), однако основной задачей являлось обеспечение безопасности и борьба с преступностью.

Происходит формирование способов и методов раскрытия преступлений. К их числу можно отнести: «повальный обыск», «поличное». Практикуется применение меры, схожей с современной, – очной ставкой. С учетом реалий того времени признания получались в основном под пыткой.

Просматриваются черты некоторых элементов современной оперативно-разыскной деятельности. При розыске преступников рассылалось указание воеводы с приметами разыскиваемого лица, за поимку которого выплачивалось вознаграждение. В настоящее время – это ориентировки, циркуляры.

Преобразования Петра I меняют подходы к сыску. Происходит регламентация тайной сыскной работы. Указ от 2 сентября 1695 г. предписывал воеводам в городах «про воров и разбойников проводить тайно всякими мерами», то есть закрепляется использование негласных методов. Приоритетом становится борьба с государственными преступлениями.

Сыскной деятельности по борьбе с общеуголовной преступностью отводится второстепенная роль.

Наибольшее распространение получают тайные методы в преследовании государственных преступников. В 1701 г. Петр I создает Преображенский приказ. Доносительство о государственных преступлениях вменяется в обязанность всем подданным. Позже функции приказа перешли к Канцелярии тайных розыскных дел.

В 1711 г. Петр I учреждает фискальную службу, основной задачей которой являлась защита казны от воровства, а также для пресечения «мздоимства». Конечно, это было вызвано в первую очередь желанием Петра I закончить начатые преобразования и укрепить Российское государство. Он понимал, что необходимо проведение специальных мер, поэтому и предписывал фискалам «над всеми делами тайно надсматривать».

В 1802 г. в результате очередной государственной реформы учреждаются министерства. Министерство внутренних дел становится первым государственным органом управления полицией.

Наряду с полицейскими задачами Министерство выполняло различные административно-хозяйственные функции, что затрудняло управление полицией, поэтому в 1810 г. образуется Министерство полиции. Для политического сыска создается Особенная канцелярия, однако орган уголовного сыска не создается. По-прежнему сыскные функции использовались для борьбы с политическими преступлениями.

Во второй половине XIX в. проводятся преобразования полицейской системы, вызванные проведенной крестьянской реформой 1861 г. и усилением революционного движения в России. Регламентируется сыскная работа, направленная на борьбу с революционными проявлениями.

Существенное влияние на полицию оказала судебная реформа. В 1860 г. создается институт судебных следователей, на которых возлагалась обязанность проведения следствия, полиция же проводила дознание.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. разрешал полиции получать сведения «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением», то есть речь идет о негласной деятельности полиции. Предусматривался сбор сведений путем «негласного полицейского разведывания», то есть полиция получала право на осуществление негласной разведывательной деятельности.

Проведенные судебные реформы, с учетом роста количества уголовных преступлений, поднимали вопрос о целесообразности и необходимости создания специальной сыскной полиции.

Во «Всеподданнейшем отчете генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова по управлению С.-Петербургским градоначальством и столичную полицией с 1866 по 1867 гг.» сказано: «Существенный пробел в учреждении столичной полиции составляло отсутствие особой части со специальной целью производства исследований для раскрытия преступлений и изыскания общих мер к предупреждению и пресечению преступлений». Эти обязанности выполняла наружная полиция, которая, «неся на себе всю тяжесть полицейской службы, не имела ни средств, ни возможности действовать с успехом в указанном отношении» [4, с. 286]. Создание сыскной полиции позволило бы изменить ситуацию.

К этому времени в западноевропейских государствах уже существовала сыскная полиция, которая достаточно успешно работала. Это и тайная полиция «Сюрте» в Париже, и Скотленд-Ярд в Англии.

В 1866 г. учреждается Петербургская сыскная часть. Именно с деятельностью части и ее первого начальника И.Д. Путилина связывают начало становления российского сыска.

Сотрудники части (сыщики) активно начинают применять личный сыск, легендированные опросы, скрытое наблюдение, оперативное внедрение. Представители уголовной среды привлекаются к сотрудничеству с полицией. Ведется разведывательный поиск в преступной среде, среди окружения подо-

зреваемых лиц, в значных местах. Все эти меры были направлены на сбор доказательств и получения оперативной информации. Оперативно-разыскная деятельность постепенно стала оформляться как отдельное направление деятельности полиции.

В 1905–1906 гг. Министерством внутренних дел разрабатывается законопроект, предусматривающий оперативно-разыскную деятельность как самостоятельную функцию полиции. В законопроекте проводилась граница между оперативно-разыскными и следственными действиями.

6 июля 1908 г. был принят Закон «Об организации сыскной части», который стал основой для органов уголовного сыска и определял оперативно-разыскную деятельность как самостоятельную функцию полиции.

Законом определялись субъекты и правила оперативно-разыскной работы. Так, предписывалось проводить исключительно негласный розыск и не применять принудительные меры (задержание лиц и др.).

Инструкция определяла основную задачу сыскных отделений как негласное расследование и производство дознания в целях предупреждения, выявления и преследования преступлений общеуголовного характера, для чего чины сыска обязывались осуществлять «систематический надзор за преступными и прочими элементами путем негласной агентуры и наружного наблюдения» [5, с. 205].

Изменения в развитии оперативно-разыскной деятельности произошли в 1917 г., конечно, это связано с революцией. В этот период уничтожается профессиональное ядро разыскных подразделений, а их методы объявляются антинародными. Несмотря на коренные перемены в управлении страной и во всех сферах жизни общества, новая власть осознала необходимость ведения разведывательной деятельности как в борьбе с политическими врагами, так и с преступностью. Выработанные царской полицией методы были приняты на вооружение.

Таким образом, разыскная (сыскная, поисковая, разведывательная) деятельность существовала в обществе. Становление происходило с учетом требований времени и развития

государственности в России. Термин «сыск» получил определенное значение и распространение. Под сыском понималось проведение мероприятий непроцессуального (оперативно-разыскного) характера с применением специальных методов и способов, направленных на выявление преступников, проводимые специально уполномоченными лицами полиции в свободном порядке. Современное значение личного сыска необходимо рассматривать именно в таком аспекте.

Примечания

1. *Власов В.И., Гончаров Н.Ф.* Организация розыска преступников в России в IX–XX вв. (историко-правовое исследование): монография: в 2 ч. Ч. 1. Домодедово, 1997. С. 9–10.
2. *Лыков В.* Гонение следа // Профессионал. 2000. № 3. С. 45–46.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Москва, 1955. С. 377.
4. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. Санкт-Петербург, 1903. С. 286.
5. *Полубинский В.В.* Сыскная полиция царской России // Журнал российского права. 2000. № 5. С. 205–209.

**Ю.С. Магнутов,
соискатель НА МВД России.**

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.В. Петрянин*

**ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ,
А РАВНО УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ДОСТОИНСТВА (СТ. 282 УК РФ): ВОПРОСЫ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА**

До того, как перейти к рассмотрению объекта ст. 282 УК РФ, мы не можем не объяснить, в чем причина выбора темы статьи. Она связана с двумя взаимодополняющими себя группами аргументов.

Первая носит глубокое методологическое содержание, в целом характеризует роль объекта уголовно-правовой охраны в уголовном праве и законодательстве.

Полагаем, что объект имеет колоссальное и первостепенное значение не только в рамках систематизации норм Особенной части УК РФ, но и при определении характера общественной опасности и, как следствие, в развитии санкционной политики государства. Фактически, раскрывая объект, мы должны понимать главную сущность блага, взятого под охрану, чем и определяется социальная обусловленность того или иного запрета. Учитывая его качественные свойства, и происходит деление на родовые, видовые и непосредственные подвиды.

Сегодня, к сожалению, можно констатировать тот факт, что этому направлению не уделяется должного внимания. Это становится причиной допущения системных ошибок при криминализации новых общественно опасных деяний. Иногда наблюдается подмена основного объекта дополнительным. В этой связи в качестве такового выступает то общественное отношение, которое не отражает сущности соответствующего преступления [1, с. 221].

Вторая группа аргументов прямо связана со ст. 282 УК РФ, так как определение благ и ценностей, в нее включенных, является наиболее спорным. Интерес к выделяемому объекту обусловлен и иными обстоятельствами. Во-первых, перевод деяния в разряд преюдиционных. Во-вторых, преступление, закрепленное в затронутой статье, образовывало основное количество общественно опасных посягательств экстремистской направленности, отражаемых в статистической отчетности, то есть оно фактически раскрывало современный тренд экстремизма, однако после реализации такого юридико-технического приема, нашедшего свое закрепление в новой редакции ст. 282 УК РФ, наблюдается резкий спад регистрируемых деяний экстремистского толка (см. таблицу 1, 2).

Таблица 1

Статистические данные о количестве зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за 2003–2019 гг.

№ п/п	Год	Количество зарегистрированных преступлений	(%)
1.	2003	157	–
2.	2004	130	– 17,2
3.	2005	152	+ 16,9
4.	2006	263	+ 73
5.	2007	356	+ 35,4
6.	2008	460	+ 29,2
7.	2009	548	+ 19,1
8.	2010	656	+ 19,7
9.	2011	622	– 5,2
10.	2012	696	+11,9
11.	2013	896	+28,7
12.	2014	1034	+ 14,3
13.	2015	1329	+ 26,9
14.	2016	1450	+ 7,3
15.	2017	1521	+ 7,2
16.	2018	1265	– 8,2
17.	2019	585	– 61,8

Таблица 2

**Статистические данные о числе лиц,
осужденных по ст. 282 УК РФ за 2009–2019 гг.**

статья УК РФ	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
(ч. 1 ст. 282 УК РФ)	53	126	98	133	207	289	420	482	562	505	23
(ч. 2 ст. 282 УК РФ)	39	78	51	15	11	12	24	20	9	13	13

В-третьих, не лишены дискуссии сами характеристики объекта этого преступления, на чем мы более подробно и остановимся в этой публикации.

Определяя сущность любого криминально-деликвентного поведения, нельзя обойти стороной содержание непосредственного его вида, раскрывающего уголовно-правовую природу общественно опасного деяния и указывающего на имманентную связь с родовым и видовым объектами. По его содержанию в доктрине ведутся активные дискуссии. Первая группа ученых, определяя, что главную правовую основу противодействия экстремизму составляют нормы Конституции РФ, ссылаясь на ч. 1 ст. 3, ч. 5 ст. 13, ст. 19 и ч. 2 ст. 29 Основного Закона, представляют объект, закрепленный в ст. 282 УК РФ, как группу благ и ценностей, сосредоточенных на обеспечении следующих основных прав и свобод человека и гражданина: равенство и защищенность личности от экстремистских угроз [2, с. 1120]. В целом, соглашаясь с необходи-

мостью их систематизации, дискуссионным видится предлагаемый перечень. Мы не ставим под сомнение, что им причиняется вред в рамках возбуждения ненависти или вражды, но в изложенном в УК РФ контексте полагаем, что отмеченные общественные отношения выступают в качестве дополнительных объектов изучаемого состава преступления.

Ряд исследователей отождествляют объект ст. 282 УК РФ с правом человека на свободу выражения своего мнения и свободу слова [3, с. 118–121]. Полагаем, что к представленной точке зрения также может быть отнесено вышеотмеченное замечание.

На эту неопределенность обратил свое внимание и Конституционный Суд РФ, рассматривая одну из жалоб по вопросу признания неконституционными положения ч. 1 ст. 282 УК РФ [4]. По аргументированному мнению судебной инстанции, перечень благ и ценностей, взятых под охрану в ст. 282 УК РФ, более широк, чем предложено в рассмотренных научных подходах. Их систему образуют общественные отношения, гарантирующие признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков. Такое емкое его содержание существенно расширяет уровень превентивного воздействия, заложенный в исследуемой статье УК РФ.

Интересным также видится реализация унифицированного приема, позволяющего рассматривать как идентичные объекты, находящиеся под охраной уголовно-правовых норм, отраженных в ст. 280, 282 и 282¹ УК РФ, относя к таковым основы конституционного строя [5, с. 85]. Отмеченная позиция не менее интересна, хотя к ней также есть ряд уточнений. Во-первых, наличие существенных различий в характеристиках этих деяний и, как следствие, в степени их общественной опасности требует более точного указания на содержание непосредственного объекта. Во-вторых, допустимо ли в этом случае их буквальное отождествление с видовым.

Вышеизложенные позиции, высказанные учеными и высшей судебной инстанцией, дают основание полагать, что

непосредственный объект ст. 282 УК РФ имеет сложную системную структуру. Учитывая местонахождение анализируемой уголовно-правовой нормы, а также общепринятый подход, разработанный в доктрине, полагаем, что в качестве основного объекта, конечно же, выступают общественные отношения, нацеленные на обеспечение безопасности и стабильности конституционного строя. Вместе с тем, понимая, что посягательство на него невозможно без причинения вреда правам конкретных граждан, затрагивающих их достоинство и равенство, считаем, что эти блага и ценности характеризуют дополнительную его разновидность, тем самым демонстрируется и раскрывается сущность экстремистской деятельности при возбуждении ненависти или вражды, а равно унижении человеческого достоинства.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что роль объекта при определении сущности экстремистских преступлений весьма велика. Правильное его установление, позволяющее в полном объеме раскрыть содержание тех общественных отношений, непосредственно страдающих или ставящихся под угрозу в результате противоправного посягательства, выступает в качестве залога выработки и применения эффективных симметричных мер уголовно-правового противодействия.

Примечания

1. *Петрянин А.В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 221.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации / под общ. ред. О.С. Капинус. Москва, 2018. С. 1120.

3. *Бешукова З.М.* Свобода выражения мнения и противодействие экстремизму (анализ опыта России и Канады) // Уголовное право. 2014. № 4. С. 118–121.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Замураева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2020).

5. *Ржевский А.С.* Экстремизм и его проявление в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 85.

Ю.В. Майорова,
адъюнкт заочной формы
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.В. Петрянин*

**К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМНЫХ
АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРАКТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**

Одним из направлений развития современной уголовной политики Российской Федерации является точечное внедрение института административной преюдиции в уголовное законодательство. Начало такой трансформации было продиктовано мнением Президента страны Д.А. Медведева, который в 2009 г. в ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации аргументировал необходимость применения в УК РФ административной преюдиции в целях более глубокой дифференциации, а также гуманизации уголовной ответственности. В 2010 г. эта идея была заложена в Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690.

Учитывая предложенный высшим должностным лицом страны вектор, количество составов преступлений с административной преюдицией в УК РФ в последнее время значительно возрастает, что придает данному институту особое правовое значение в области уголовно-правового регулирования.

Однако институт административной преюдиции в уголовном праве остается одной из наиболее обсуждаемых и дискуссионных тем среди теоретиков и практиков. Главной причиной споров является правовая неопределенность, то есть отсутствие четких правовых условий, дающих юридическое основание для криминализации таких деяний.

Все вышеизложенное требует не только осмысления теоретических аспектов данной проблематики, но также изучения практической плоскости применения норм административной преюдиции в правоохранительной деятельности органов внутренних дел.

В рамках представленной статьи остановимся лишь на некоторых аспектах практики реализации норм УК РФ с административной преюдицией.

Так, в настоящее время в качестве одной из актуальных проблем, по нашему мнению, выступает определение порога криминализации административно наказуемого деяния [1, 2]. От ее разрешения зависит единообразие правоприменительной практики в частности и повышение эффективности реализации уголовной политики государства в целом.

В УК РФ содержатся нормы, устанавливающие диспозицию уголовно наказуемого деяния. В их содержании имеется ссылка на административную преюдицию как на обязательное условие криминализации этого деяния. Сама же диспозиция административного правонарушения содержится в КоАП РФ. Таким образом, нормы УК РФ с административной преюдицией имеют межотраслевой юридический характер, который предполагает соответствующую согласованность норм уголовного и административно-деликтного права, однако на практике законодателю не всегда удается достичь подобного единства, что порождает межотраслевые коллизии.

Одно из подобных противоречий следует из разнообразия тех формулировок, которыми законодатель определяет момент криминализации административно-правового деликта. Так, например, в ст. 158¹ УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» он обо-

значен следующим образом: «...*совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ...*», в ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» – «...*если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб...*», в ст. 151¹ УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» – «...*если это деяние совершено неоднократно...*», в ст. 171⁴ УК РФ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции» – «...*если это деяние совершено неоднократно...*».

Анализ данных норм показал, что в первом случае порогом криминализации выступает сам факт однократного привлечения к административной ответственности по конкретной статье КоАП РФ без учета временного периода, прошедшего со дня вступления в законную силу такого решения.

Во втором – подобной конкретизации нет, то есть правоприменитель самостоятельно должен определить, к какой именно ответственности и за какое деяние неоднократно привлекается виновный. Иными словами, речь может идти как об административной ответственности за аналогичное деяние, предусмотренное КоАП РФ, так и за повторное нарушение, совершенное в крупном размере (в самой статье предусматривается возможность альтернативной диспозиции: неоднократно или крупный размер).

Диспозиция ст. 151¹ УК РФ также содержит указание на неоднократность. При этом в ней нет ссылки как на конкретную статью КоАП РФ, так и на альтернативность в виде совершения деяния (например, в крупном размере). Важно отметить, что данная норма, в отличие от остальных, содержит примечание, разъясняющее особенности ее правоприменения: «*Розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние...*»[3]. Оно, с одной стороны, подтверждает,

что порогом криминализации выступает привлечение к административной ответственности, с другой – не уточняет, по какой именно статье КоАП РФ. Этот факт существенно затрудняет правоприменение ст. 151¹, поскольку деяния должны быть однородными, что выражается в первую очередь в унификации диспозиций статей УК РФ и КоАП РФ (как, например, в ст. 158¹ УК РФ и 7.27 КоАП РФ).

В то же время примечание к ст. 151¹ УК РФ не лишено и преимуществ, которых нет в диспозиции к ст. 158¹ УК РФ: *«...в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию»*.

Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления, то есть по истечении года лицо уже не считается подвергнутым административному взысканию. В нашем понимании срок административной наказуемости является аналогом уголовно-правового института судимости. Истечение срока наказуемости, как и срока судимости, за совершенное преступление аннулирует правовые последствия привлечения лица к ответственности того или иного вида.

Иными словами, отсутствие подобной конкретизации в ст. 158¹ УК РФ может породить разность в толковании у правоприменителей. Так, для одних (представителей стороны обвинения) будет достаточным однократное привлечение лица к административной ответственности, для других (представителей стороны защиты) – только тогда, когда повторное совершение мелкого хищения было осуществлено в течение года с момента совершения административного правонарушения. Из анализа норм УК РФ и КоАП РФ, по нашему мнению, следует, что более взвешенной и соответствующей нормам действующего законодательства была бы позиция стороны защиты.

Таким образом, детальное рассмотрение норм действующего уголовного законодательства, связанного с административной преюдицией, показало множественность в подходах к формулировкам диспозиций самих статей УК РФ. Данное обстоятельство, по нашему мнению, порождает неоднозначную правоприменительную практику и в одних случаях создает предпосылки для необоснованно жесткого применения права стороной обвинения, в других – сдерживает «наступательность» правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Наиболее предпочтительным, на наш взгляд, была бы унификация в формулировках диспозиций, которая в обязательном порядке отражала бы отсылку к действующей редакции статьи КоАП РФ, а также содержала бы в себе примечание, касающееся самого лица, совершившего повторное деяние в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию, то есть в течение года с момента вынесения судебного решения о привлечении к административной ответственности.

Примечания

1. *Музафаров И.А.* О практике реализации положений ст. 158¹ УК РФ (по материалам судебной практики республики Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34).

2. *Плешаков А.М., Осипов В.А., Мордовец А.А.* Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7.

3. О внесении изменения в статью 151¹ Уголовного кодекса Российской Федерации: ФЗ от 28 ноября 2015 г. № 346-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 48, ч. 1, ст. 6712.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

Е.С. Матвеева,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *В.А. Толстик*

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ФОРМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

В науке существует множество научных дискуссий по различным темам. Проблема выделения форм и видов злоупотребления правом не является исключением. Четкое разграничение форм и видов злоупотребления правом непременно способно повлиять на эффективное противодействие данному негативному явлению. Как отмечается в литературе, понятие формы, а в частности правовой формы, необходимо рассматривать в паре с понятием «содержание». В отношении правовой (юридической) формы В.М. Баранов акцентирует внимание на том, что о ней можно говорить при раскрытии связи права (или любого правового явления) с иными социальными образованиями, процессами, состояниями и отношениями [1, с. 266–267].

Поскольку в вопросе понимания злоупотребления правом не выработано единой концепции, постольку не представляется возможным найти универсальный ответ на вопрос о том, что представляют собой формы данного негативного правового явления.

Многие ученые, обращая внимание на позицию законодателя, называют деяния, упоминаемые в ст. 10 ГК РФ, формами злоупотребления правом. К таковым относятся шикана – дей-

ствия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, в том числе использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. Как справедливо замечено в статье А.А. Чижикова, И.В. Иштутина, благодаря формулировке «иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав», перечень форм злоупотребления правом является открытым, что создает большой простор для творчества теоретиков [2, с. 30–37].

В рамках цивилистики в теоретическом плане А.В. Волков обращает внимание на такие классификации форм злоупотребления правами по таким признакам, как вина, вид причиненного вреда, субъектный состав, предмет злоупотреблений (вид имущества), объект злоупотреблений (власть, право, интересы), источник возникновения злоупотребительных ситуаций, объем в содержании юридических норм, критерии разумности и добросовестности, цель, средства, однако автор отмечает, что необходимо все же выбирать те типичные признаки злоупотребительного поведения, которые так или иначе, варьируясь, в совокупности не выходят за рамки самого понятия «злоупотребление гражданским правом» [3, с. 292]. Таким образом, для выделения форм злоупотребления правом А.В. Волков считает необходимым обращение к сущностным признакам самого понятия злоупотребления правом.

В вопросе выделения форм злоупотребления правом интересна позиция О.О. Милетич, которая под формой злоупотребления правом понимает внешнее воплощение, внутреннюю структуру и определенный порядок реализации уполномоченным субъектом предоставленного ему субъективного права способом, противоречащим основному социальному назначению этого права, для достижения конкретной, определенной субъектом права цели, в результате чего наносится или может быть нанесен вред обществу, государству, личности. Как видится, данное определение отражает признаки понятия злоупотребления правом в видении автора. Сама О.О. Миле-

тич для выделения форм прибегает к такому критерию, как цель, и заключает, что механизм использования предоставленного лицу субъективного права, движимый определенными субъективными мотивами, для достижения им конкретной цели также может воплощаться в формах злоупотребления правом. При этом в рассмотренном аспекте проявление формы злоупотребления правом совершается, скорее, не посредством ее внешнего выражения, а путем внутренней структуры содержания [4, с. 260–264].

В некоторых исследованиях, посвященных проблеме злоупотребления правом, отсутствуют рассуждения о том, что именно стоит считать формой данного правового явления. Ученые заостряют внимание на классификации злоупотреблений правом и отдельных его видах.

К примеру, у А.А. Малиновского в его монографии есть параграф, посвященный формам злоупотребления субъективным правом, однако, что под ними понимается, автор не раскрывает. Безусловно, это связано с тем, что в данной главе злоупотребление правом рассматривается сквозь призму правового поведения, деление которого на правомерное и противоправное является классическим. В этой связи злоупотребление правом видится автором именно в данных формах. Точнее, к формам злоупотребления субъективным правом, по мнению А.А. Малиновского, относятся: правомерное злоупотребление правом, противоправное злоупотребление правом (являющееся и не являющееся правонарушением) [5, с. 252–302].

Как отмечается в литературе, злоупотребление правом получило надлежащее закрепление в материальном праве, в области доктринального творчества, в законодательной и правоприменительной практике, однако область процессуального права и нормативно-правового регулирования злоупотребления правом не была должным образом изучена и внедрена [6], поэтому есть основание предположить, что процессуальное право заимствовало определенные положения о злоупотреблении правом, в частности о выделении его форм.

Рассматривая проблему выделения злоупотребительных форм в гражданском процессе, З.М. Готыжева отмечает, что процессуальное злоупотребление правом может реализовываться в различных формах, поэтому для демонстрации всего их многообразия представляется возможным провести соответствующее разделение по целям соответствующих «злоупотребителей»: 1) с целью препятствия правосудию (горизонтальное и вертикальное); 2) с целью причинения убытков другой стороне судебного процесса [7]. Как видим, в данном случае, как и в классификации, предложенной в материальном праве, в качестве критерия для выделения форм злоупотребления правом используется цель, преследуемая субъектом злоупотребления.

Обратимся к другому виду процесса – к избирательному. Рассматривая проблему выделения форм и видов злоупотреблений в данном виде юридического процесса, И.В. Советников выделяет такие критерии для классификации, как субъекты злоупотребления, вид умысла при злоупотреблении, цель лица, злоупотребившего правом, объект злоупотребления. Данная классификация также схожа с классификацией, предложенной материальным правом, и также содержит такой критерий, как цель. Раскрывая его, автор указывает на процессуальную шикану, а также на злоупотребления, имеющие иные основные цели (победа на выборах, получение материального вознаграждения), однако в рамках избирательного процесса И.В. Советников считает, что полноту и всеобъемность деления может представить такой критерий, как объект злоупотреблений. Исходя из него выделяется злоупотребление избирательными правами и злоупотребление иными правами, связанными с избирательным процессом. Говоря о формах злоупотребления правом, автор заключает, что на практике реализация злоупотреблений правом происходит в большинстве случаев в форме избирательных технологий, основанных на злоупотреблении правом (так называемых серых избирательных технологий) [8, с. 70–79].

Представляется, что обозначенные классификации выделяют виды злоупотребления правом, а не формы, так как основания, положенные в основу классификации, не соответствуют признакам формы злоупотребления правом с точки зрения формальной логики.

Таким образом, рассматривая проблему понимания форм злоупотребления правом, ученые в большинстве своем прибегают к признакам злоупотребления правом. С практической точки зрения наиболее важным представляется внешнее выражение злоупотребления правом. Учитывая тот факт, что злоупотребление правом выражается в соответствующем поведении, важным считаем рассмотрение в качестве форм злоупотребления правом конкретных примеров, в которых оно проявляется.

С нашей точки зрения, данному явлению как правовому поведению (действию или бездействию) присуще: во-первых, связь с наличием субъективного права, во-вторых, причинение вреда или опасность его причинения интересам тех или иных субъектов права в результате такого поведения; в-третьих, зависимость от размера причиненного ущерба [9, с. 105–120]. В этой связи под формой злоупотребления правом следует понимать способ существования, внешнего выражения в конкретных проявлениях на практике, причиняющего вред правового поведения, реализуемого в связи с осуществлением субъективного права: либо при его непосредственном использовании, либо за его пределами.

На основании вышеизложенного анализа можем подвести итог и отметить, что злоупотребление правом и материальное, и процессуальное многообразно. Выявленные особенности в понимании форм и видов злоупотребления правом, а также их более детальная регламентация позволят в последующем рационально исследовать проблему противодействия злоупотреблению правом.

Примечания

1. *Баранов В.М.* Форма права // Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2003. С. 266–281.

2. *Чижиков А.А., Ишутин И.В.* Проблема разграничения форм злоупотребления правом // Актуальные вопросы в науке и практике: сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: в 4 ч. Ч. 3 / под ред. А.Р. Халикова. Уфа, 2018. С. 30–37.

3. *Волков А.В.* Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: монография. Москва, 2009.

4. *Милетич О.О.* Формы злоупотребления правом: общетеоретический аспект исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 260–264.

5. *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). Москва, 2007.

6. *Ахатова Е.В.* Виды и формы злоупотреблений процессуальными правами в современном российском гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. 2019. № 48 (286). С. 185–187.

7. *Готыжева З.М.* Некоторые теоретические и практические вопросы злоупотребления правом в области процессуального законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 4. С. 48–56.

8. *Советников И.В.* Злоупотребления правом в избирательном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.

9. *Толстик В.А.* Техничко-юридические способы противодействия злоупотреблению правом // Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 года) / под ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, П.В. Васильева. Нижний Новгород, 2019. С. 105–120.

А.В. Минакова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *О.А. Берзинь*

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Создание благ для своих граждан является одной из основных задач каждого государства. Финансирование социальных программ происходит за счет средств налогоплательщиков. Данные бюджетные ассигнования аккумулируются и планомерно распределяются на каждый год. Максимальный объем отчислений на реализацию государственных программ формируется на основе «базовых» объемов бюджетных ассигнований, которые утверждаются Федеральным законом. Они уточняются с учетом изменения объемов бюджетных средств на обязательные расходы, ежегодной индексации, повышения оплаты труда на предполагаемый уровень инфляции [1]. При осуществлении государственных программ государство сталкивается с вопросом решения материально-технического обеспечения. Данная проблема разрешается посредством приобретения необходимых ресурсов на рынке товаров, работ и услуг. Эту процедуру принято называть государственными закупками или закупками для муниципальных нужд.

В современной практике существуют следующие этапы закупочной деятельности: прогнозирование покупок; установление потребности в закупках и их обоснование; составление плана закупок; определение параметров закупки; объявление

закупки; сбор предложений потенциальных поставщиков; определение победителя аукциона; заключение договора; исполнение договора. Коррупционные риски могут возникнуть на любом из данных этапов закупочного цикла. Например, на этапе подготовки документации отсутствует достаточное количество данных для составления заявки для поставщика. Наиболее распространенными видами рисков в системе государственных и муниципальных закупок являются:

- необоснованное усложнение (упрощение) процедуры определения поставщика;
- неадекватный выбор способа размещения заказа: по срокам, цене, объему, специфике поставщика;
- необоснованные предпочтения поставщикам при оценке и сопоставлении заявок;
- использование необъявленных или недопустимых критериев отбора поставщика;
- использование ресурсов для своей личной выгоды;
- необоснованное изменение условий;
- подкуп лиц, принимающих решение о закупке товаров;
- конфликт интересов в системе государственных и муниципальных закупок;
- злоупотребление правом в системе государственных и муниципальных закупок;
- предоставление информации, содержащей тайну, третьим лицам за денежное вознаграждение (определенные условия по договорам, клиентская база).

В России впервые на законодательном уровне определение коррупции было дано в ФЗ от 25 января 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2]. В соответствии с данным законодательством такие действия, как дача взятки; получение взятки; злоупотребление служебным положением; злоупотребление полномочиями; коммерческий подкуп либо иное использование физическим лицом своего положения называется коррупцией. Также формами ее проявления являются «система откатов», «кумовство», «фаворитизм». Для решения задач по противодействию коррупции большую роль пред-

ставляет своевременное выявление коррупционных рисков. Данная позиция абсолютно обоснована в Национальном плане противодействия коррупции в качестве основного направления работы.

Большое количество авторитетных авторов по-разному трактуют понятие коррупционного риска, но единого определения на данный момент не существует.

«Коррупционный риск – высокая степень вероятности при незаконном получении материальной выгоды в личных целях быть привлеченным к юридической ответственности и иным негативным последствиям, предусмотренным действующим законодательством» [3, с. 93]; «коррупционные риски – это заложенные в системе государственного и муниципального управления возможности для действия (бездействия) должностных лиц и рядовых сотрудников с целью незаконного извлечения материальной и иной выгоды при выполнении своих должностных полномочий» [4, с. 77]; «коррупционные риски – риски проявления коррупционных явлений и/или возникновения коррупционных ситуаций» [5, с. 3]; «коррупционные риски – это связанные напрямую с исполнением функций органов государственной власти, в частности при осуществлении деятельности государственных служащих, явления и обстоятельства, при возникновении которых создается ситуация возможного проявления коррупции» [6, с. 112]. Исходя из данных определений, коррупционным риском можно назвать вероятностное коррупционное поведение сотрудника или группы лиц, направленное на получение выгоды в виде денег или обстоятельства, способствующего получению выгоды.

Для минимизации коррупционных рисков используются следующие методы:

- исключение известных коррупционных рисков;
- установление препятствий, затрудняющих реализацию коррупционных схем;
- последовательная регламентация административных процедур [7].

«Для недопущения возникновения коррупционных рисков требуется введение четкой регламентации административных процедур, что однозначно выступает в качестве барьера для устранения коррупциогенных факторов, что выражается в следующем:

- снижение количества конфликтных ситуаций и рисков возникновения конфликтов интересов, так как вся деятельность осуществляется только в рамках регламента;

- функции должностных лиц в рамках государственных закупок приобретают единообразие, тем самым обеспечивая доступ к участию большего количества предполагаемых контрагентов и снижая риск возникновения нелегальных схем;

- должностное лицо действует в рамках реализации конкретной цели по строго определенному плану;

- при принятии решений должностное лицо не может действовать самостоятельно, избирая способы достижения конкретного результата;

- государственные закупки, облекаясь в рамки административных процедур, приобретают гласность и открытость» [8, с. 146–150].

Подводя итоги сказанного, надо отметить, что в Российской Федерации сформирован большой законодательный фундамент, который направлен на предотвращение коррупционных рисков. Благодаря этому Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по государственным и муниципальным закупкам. Также данная система продолжает свое развитие, и поэтому своевременное выявление и предотвращение коррупционных рисков способствует своевременному выявлению пробелов в законодательном регулировании противодействия коррупции, что, в свою очередь, способствует развитию и дальнейшему совершенствованию законодательства.

Примечания

1. Методические указания по распределению бюджетных ассигнований по разделам, подразделам, целевым статьям и

видам расходов классификации расходов федерального бюджета на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. Доступ из ИПП «ГАРАНТ.РУ» (дата обращения: 20.06.2020).

2. *Райков Г.И., Чирков Д.К.* Коррупционный риск как следствие борьбы с коррупцией на современном этапе // Актуальные проблемы экономики права. 2009. № 4 (12).

3. *Дементьева И.Н.* Исследование коррупционных рисков в региональных органах государственной власти // Проблемы развития теории. 2012. № 2.

4. Оценка коррупционных рисков в проектах законов, изменяющих действующее законодательство в сфере государственных и муниципальных заказов: доклад / Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Р». Москва, 2011.

5. *Казаченкова О.В.* На государственной и муниципальной службе // Государство и право. 2012. № 3.

6. *Чадаева А.А.* Коррупционные риски в сфере государственных закупок // Молодой ученый. 2018. № 42. С. 146–150.

7. Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации / Министерство труда и соцзащиты Российской Федерации. Москва, 2019.

8. *Чадаева А.А.* Коррупционные риски в сфере государственных закупок // Молодой ученый. 2018. № 42. С. 146–150.

Д.К. Овчинников,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *А.В. Петрянин*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ НЕЗАКОННОГО ОБНАЛИЧИВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Современное состояние экономического сектора государственного устройства характеризуется высоким уровнем активности делинквентного поведения. В данном ключе серьезное распространение получили общественно опасные деяния, связанные с хищениями средств кредитных организаций незаконным обналичиванием денежных средств (далее – НОДС), их конвертированием и противоправным выводом капиталов за границу, легализацией преступных доходов.

При этом особого внимания, в свою очередь, заслуживает именно «незаконный обнал», получивший массовый характер еще в 90-х годах прошлого века. Как правило, указанный термин применяется к индивидуальным предпринимателям и компаниям, которые выводят деньги для уклонения от оплаты налогов и получения «черной наличности». Иными словами, злоумышленники получают деньги, которые не отражены в официальной документации.

Практически неконтролируемый государством оборот финансовых активов, сопоставимых по своим размерам с бюджетом целого государства, используется для укрепления позиций криминальной среды и теневой экономики, поддержания коррупционных связей, стимулирует инфляционные процессы. Формируется повышенный спрос на недвижимость, землю, зо-

лотовалютные ценности, то есть беспрецедентное количество фактов «микропосягательств» в совокупности своих последствий оказывают серьезный негативный отпечаток на «макроэкономике» и, тем самым, представляют реальную угрозу национальной безопасности.

В то же время, активное участие банков в системе международных платежей при непринятии должных мер, противодействующих использованию банковских технологий для совершения манипуляций с безналичными и наличными средствами, наносит существенный вред имиджу государства на международной арене.

Лица, получившие криминальный доход или желающие вывести свои доходы из-под налогообложения, для сокрытия следов преступления, пользуются услугами организованных преступных групп, специализирующихся на создании и обеспечении деятельности криминальных кредитно-финансовых механизмов.

Как правило, бывшими или действующими сотрудниками банков разрабатываются сложные схемы осуществления операций с использованием счетов фирм-однодневок, реквизитов несуществующих некоммерческих фондов, ломбардов. Нередки случаи приобретения действующих небольших региональных банков. Оформляемыми операциями имитируется активная деятельность по приобретению ценных бумаг, закупке сырья, оборудования. Для маскировки действий, затруднения выявления надзорными и правоохранительными органами признаков проведения подозрительных операций последние разбиваются на этапы, реализуемые разными банками, образующими теневые холдинги.

Результаты деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции не в должной мере соответствуют сложившейся криминальной обстановке. Причинами этого является недостаточный анализ региональных угроз экономической безопасности в финансовом секторе и, как следствие, непринятие своевременных мер по созданию эффективных барьеров, препятствующих использованию финансовой системы в противоправных целях.

Представители криминалитета постоянно совершенствуют способы осуществления экономических и коррупционных преступлений, разрабатывают новые преступные схемы для разного рода манипуляций в сфере финансово-кредитной деятельности. В этом ключе особо показательно суждение А.Я. Татульника, гласящее, что: «Лица, непосредственным образом участвующие в незаконном обналичивании денежных средств, регулярно модернизируют соответствующие преступные схемы, становятся *«более изощренными»* в поиске новых путей для обхода действующего законодательства, что позволяет им безнаказанно совершать противоправные деяния, дестабилизирующие экономические отношения в государстве <...> *важное значение приобретает разработка и формулировка научно обоснованных и практико-применительных предложений для предупреждения и предотвращения подобных преступлений»* [1, с. 78].

Такое развитие механизмов преступного поведения приводит к неоднородной правоприменительной практике, к произвольному толкованию отечественного уголовного законодательства вследствие отсутствия в последнем конкретных нормативных возможностей по ретроспективному юридическому реагированию на новые модели общественно опасного поведения. Изложенное, в свою очередь, демонстрирует непредусмотрительность российского материального права, тем самым подрывая авторитет государственной власти в части, касающейся уголовной политики.

Так, актуальной остается проблема отсутствия в УК РФ специального механизма противодействия НОДС – общественно опасному деянию, получившему достаточно широкую распространенность в различных сферах экономической преступности и сыгравшему не последнюю роль при становлении сектора теневой экономики.

Высокая общественная опасность НОДС объясняется тем, что оно обеспечивает состоятельность и латентность таких преступлений как, например: незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172

УК РФ), создание фирм-однодневок (ст. 173¹, 173² УК РФ), отмывание преступных доходов (ст. 174, 174¹ УК РФ), взяточничество (ст. 290, 291, 291¹, 291² УК РФ), различные виды налоговых преступлений и др. Фактически именно благодаря НОДС лица, виновные в экономических преступлениях, получают возможность распорядиться доходами, извлекаемыми из запрещенной законом деятельности. Иными словами, НОДС является одним из ключевых инструментов, поддерживающих жизнеспособность теневой экономики, причиняя вред общественным отношениям, складывающимся на финансовом рынке, в сфере кредитования, в сферах государственной власти, службы в коммерческих и некоммерческих организациях и т. д.

В то же время, несмотря на повышенную общественную опасность рассматриваемого деяния, законодатель не создает обособленных возможностей по привлечению к уголовной ответственности именно за названное преступление. Из-за этого правоприменителю приходится прибегать к инкриминированию статей УК РФ, диспозиции которых свидетельствуют о том, что данные нормы не предназначены для противодействия НОДС и не содержат в себе признаков данного деяния, а это означает вынужденное расширительное толкование уголовного закона. В результате такого подхода формируется неоднородная следственно-судебная практика. Так, в юридической литературе до сих пор нет однозначного мнения по поводу того, какой статьей УК РФ предусмотрен состав НОДС: ст. 171 УК РФ (незаконное предпринимательство) или ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность), однако ни первая, ни вторая нормы напрямую не предназначены для квалификации незаконного обналичивания. Как справедливо отмечал В.С. Белохребтов: *«Актуальные проблемы применения ст. 172, 173¹, 173² УК РФ в правоохранительной практике стали предметом активной дискуссии в специальной литературе [2, с. 83]»*. Так, и К.В. Фролов, изучая проблему квалификации НОДС, подчеркивал, что *«у ученых и правоприменителей нет об-*

щего согласия, касающегося применения той или иной уголовно-правовой нормы [3, с. 358]». Подобной же позиции придерживается В.В. Лошкарев, объяснивший существование рассматриваемой проблемы отсутствием «уголовной ответственности собственно за незаконное обналичивание денежных средств, а на практике уголовно-правовая оценка подобной финансовой (коммерческой) деятельности дается через составы преступлений, как правило, предусмотренных ст. 172, 173¹, 173² УК РФ [4, с. 159]».

Фактически уголовный закон предусматривает ответственность не за само НОДС, а за создание так называемых обналичивающих площадок [5, с. 233], и квалификация, соответственно, ввиду различного характера подобных криминальных учреждений, не может быть однородной. Анализ действующего уголовного законодательства показывает, что оно вообще не содержит в своей структуре нормы, предусматривающей ответственность за НОДС. Вместе с тем, это нельзя назвать проблемой исключительно Российской Федерации. Так, Т.С. Фетисенкова, проанализировав уголовное законодательство стран Содружества Независимых Государств, пришла к выводу, что НОДС не выделяется в качестве отдельного состава преступления, *«как правило, уголовная ответственность наступает за деяния, сопряженные с незаконным обналичиванием денежных средств [6, с. 65]»*. С учетом того, что НОДС образует самостоятельный механизм преступного поведения, не ясна причина отсутствия самостоятельного состава преступления в УК РФ. Относиться к такому законодательному попустительству снисходительно нельзя. В связи с этим, неоднозначна, к примеру, точка зрения Н.А. Волковой и А.А. Карпухиной, полагавших, что уголовно-правовое значение категории и НОДС и вытекающая из нее проблема квалификации очевидны, и подобные деяния *«стоит квалифицировать по ст. 172 УК РФ [7, с. 110]»*.

Е.П. Бойкова, например, утверждает, что «учитывая возрастающую для законотворческой деятельности роль дифференциации ответственности за различные способы совершения

преступлений, необходимо дополнить УК РФ новой статьей. В частности, указанный исследователь предлагает предусмотреть ответственность за незаконное *«обналичивание и (или) транзитирование денежных средств [8, с. 75]»*.

В то же время уголовно-правовой доктриной пока не было предложено комплексного научного исследования на эту тему, позволяющего судить о целесообразности разработки предполагаемых уголовно-правовых средств.

Не меньшей проблемой является тематика юридически верного уголовно-правового реагирования на преступления, сопряженные с обналичиванием денежных средств, предварительно интегрированных в цифровую экономику. Например, обществу уже известна практика возбуждения уголовных дел по факту обналичивания денежных средств через биржу цифровых (крипто-) валют [9] (еще не признанного Россией финансового инструмента, что не отменяет общественной опасности совершаемых с ним махинаций).

На взгляд автора, данная проблематика нуждается в глубоко научном осмыслении, по результатам которого предполагается создание комплекса уголовно-правовых мер, предназначенных для борьбы с НОДС, что позволит юридически грамотно разрешить вопрос о правильной квалификации такого преступления и, соответственно, унифицирует правоприменительную практику в аспекте отнесения НОДС к конкретному составу преступления.

Так, Б.А. Смагоринский и А.В. Щелконогов резюмировали, что модификация методической основы для расследования подобных преступлений должна улучшить работу как оперативно-разыскных, так и следственных органов [10, с. 108]. На наш взгляд, разрешение заявленной проблемы лежит, в первую очередь, в плоскости законотворческой деятельности, а не методического обеспечения, так как последнему, с учетом актуального состояния уголовного законодательства, попросту не на что ориентировать сотрудников практических подразделений и служб. Обозначенное также позволит более полно раскрыть потенциал уголовной политики по противодействию множеству

других преступлений экономической направленности, непосредственно сопряженных с незаконным обналичиванием.

Примечания

1. *Татульник А.Я.* К вопросу о борьбе с незаконным обналичиванием денежных средств // Современность в творчестве начинающего исследователя: сборник материалов научно-практической конференции молодых ученых (Иркутск, 29 марта 2018 г.). Иркутск, 2018. С. 78.

2. *Белохребтов В.С.* Противодействие преступлениям, связанным с незаконным обналичиванием денежных средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 4 (2). С. 83.

3. *Фролов К.В.* О некоторых правовых аспектах деятельности по незаконному обналичиванию денежных средств как виду незаконной банковской деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 358.

4. *Лошкарев В.В.* Проблемы противодействия незаконному обналичиванию денежных средств // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сборник материалов VIII научно-практической конференции молодых ученых / под ред. А.Ю. Винокурова, К.А. Комогорцевой; Совет молодых ученых Академии Генпрокуратуры РФ (Москва, 3 июня 2016 г.). Москва, 2016. С. 159.

5. *Светлова В.В.* Методическое обеспечение раскрытия преступления, связанных с обналичиванием бюджетных средств // Синергия учета, анализа и аудита в обеспечении экономической безопасности бизнеса и государства: сборник материалов II международной межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. В.И. Петровой и проф. М.И. Баканова (Москва, 10 ноября 2015 г.). Москва, 2016. С. 233.

6. *Фетисенкова Т.С.* Опыт зарубежных стран в направлении противодействия незаконному обналичиванию денежных

средств // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2014. № 7–8. С. 65.

7. *Карпухина А.А., Волкова Н.А.* Незаконное обналичивание денежных средств: сущность и квалификация // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (Пенза, 25 марта 2018 г.). Пенза, 2018. С. 110.

8. *Бойкова Е.П.* Некоторые проблемы квалификации преступлений, связанных незаконным обналичиванием и транзитированием денежных средств // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2014. № 2 (16). С. 75.

9. Первое уголовное дело за обналичивание биткоинов заведено в России. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/09/01/732040-politsiya-fsb-zaderzhali> (дата обращения: 15.09.2020).

10. *Смагоринский Б.П., Щелконогов А.В.* Некоторые вопросы организации обналичивания денежных средств через счета фиктивных организаций как вид незаконной банковской деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33). С. 108.

УДК 343.985

Р.А. Пономарева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

научный руководитель –
д.ю.н., к.т.н., профессор *В.И. Шаров*

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАШИФРОВКИ ЦЕЛИ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На протяжении тридцати трех веков шпионы и разведчики куда сильнее воздействовали на ход истории, чем на воображение историков.

У. Роэн
История секретных служб

Зашифровка в оперативно-разыскной деятельности является важным компонентом оперативной работы в МВД России, но при описании такого понятия хронологически следует отталкиваться от периода намного раньше, чем официальное принятие ФЗ об ОРД, где в ст. 1 отражены формы осуществления деятельности оперативными подразделениями государственных органов [1]. Для лучшего понимания содержательной части углубимся в историю зашифровки цели.

Многие исследователи точкой отсчета негласных начал, в том числе зашифровки, считают появление понятия «соглядатый» [2, с. 1], первое упоминание о котором датировано XIII в. до н. э., затем в период правления Александра Македонского Карфагенского, когда были известны случаи применения им агентов-разведчиков на территории вражеской стороны для получения информации о составе и численности войска и т. д. [3].

Но стоит ли шифрованию приписывать социальные истоки? Или все-таки это вполне естественный, природный процесс. В процессе охоты животные применяют меры по маскировке с целью недопущения их обнаружения, действуя при этом с учетом накопленного ранее опыта охоты. Примеров этих «тактических приемов» множество, таких как мимикрия у хищников (пятна леопарда для слияния с фоном места обитания), обманные методы (выступающий позвонок в форме удочки у морского черта, на кончике которого располагаются бактерии, светящиеся голубоватым светом, создающие иллюзию светлячка).

Природа преступности также имеет скрытый или латентный характер. По результатам проведенного исследования по заказу ГУ МВД России по Нижегородской области на предмет уровня латентной преступности и ее влияния на состояние оперативной обстановки авторским коллективом Нижегородской академии МВД России и Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского А.А. Глуховой, Д.А. Шпилевым и А.А. Иудиным установлено, что на каждое зарегистрированное преступление приходится примерно 2,3 неучтенных факта [4, с. 179].

Из отчета МВД России по Нижегородской области по состоянию преступности за 12 месяцев взято количество зарегистрированных преступлений, которое составляет 43 029 случаев [5]. Путем нехитрых математических вычислений можно получить примерное число совершенных преступлений, но не учтенных в официальных отчетах по различным основаниям (искусственная, естественная, пограничная латентная преступность), которое составляет 98 966 латентных преступлений.

В связи с этим абсолютно логично, что с преступностью, которая всеми имеющимися методами и средствами старается замаскировать незаконную деятельность (пример: маскировка незаконных хозяйственных операций по списанию основных средств производства с их последующей продажей по статье амортизация), бороться необходимо таким же способом.

Что же касается становления шифрования как метода (средства) ОРД, то начать необходимо с периода зарождения

первых государств, когда маскировка перестала быть целью выживания, а стала частью тактики военных действий и приобрела форму шпионажа.

Первым источником, свидетельствующим об использовании способов зашифровки при получении информации, можно считать сохранившуюся обожженную табличку, содержащую древние письмена, которая была найдена на территории современной Сирии. Письмена повествовали о событиях XIII в. до н. э., где говорилось о правителе государства, который отпустил заложников, но так и не получил за них выкупа [6, с. 1]. Табличка представлена в форме письма, адресованного другому правителю, а указанные заложники в письме и есть согладатые, упомянутые ранее. Таким образом, эта табличка стала первым материальным свидетельством использования тайных сил, зашифрованных на межгосударственном уровне, рассекреченных и взятых в заложники.

Самой распространенной формой передачи ретрансляции и изобличения информации в письменную форму были тексты философского содержания, в том числе религиозные писания. Отражение в исследовании религиозных источников и их толкование обусловлено тем, что за время вплоть до возникновения протонаучного периода (XVI–XVII вв., согласно социально-производственной концепции) к обучению грамоте и имеющимся в то время наукам имели доступ религиозные деятели, которые в свойственной манере того периода описывали события, свидетелями которых являлись. Одним из источников, содержащих в себе события, представляющие интерес по тематике, является Библия.

В качестве примера разведывательной деятельности с применением зашифрованных средств и методов можно рассмотреть наиболее известное предание, посвященное периоду скитания Моисея с 12 племенами по пустыне Фаран, отраженное в четвертой книге цикла Ветхого завета «Число». Согласно преданию Моисей отобрал по одному представителю от старейшин (главных) из каждого племени, поставив следующую задачу: «И послал их Моисей высмотреть землю Ханаанскую

и сказал им: «Пойдите в эту южную страну и взойдите на гору; и осмотрите землю, какова она, и народ, живущий в ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен? И какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа? И каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях? И какова земля, тучна ли она или тоща? Есть ли на ней деревья или нет? Будьте смелы и возьмите от плодов земли» [7].

При взгляде на описанное событие с точки зрения тактики можно отметить следующие элементы получения разведывательных данных, направленных по трем элементам, названным условно: военное, экономическое и политическое. Этот пример привлекает к себе внимание главным образом подходом к субъекту проведения разведки, в котором прослеживаются начала тактики формирования и обучения негласного аппарата (осведомители, агенты), которым сейчас следуют оперативные подразделения ОВД, что нашло отражение в нормативных правовых актах в качестве критериев по подбору негласных источников при осуществлении ОРД. Формирование лиц осуществлялось на основе критерия старшинства или главенства в племени, то есть ожидаемо, что с учетом накопленного опыта, имеющихся знаний и умений оценка тех данных, которые будут получены при осмотре местности разведывательным способом, будет наиболее всесторонней, полной и достоверной. Кроме того, члены племен были уважаемыми людьми, а значит, с точки зрения стратегии уровень доверия к ним как со стороны соплеменников, так и самого Моисея должен быть достаточно высоким, что также входит в критерии оценки негласного сотрудника при работе с ним.

Первые лица, прибегавшие к зашифровке своей личности, были агенты, используемые в военных целях. Действовали они на территории противника. Е.Б. Черняк в книге «Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки» описывает события, когда такие известные личности, как царь Александр Македонский, генерал Ганнибал рассылали сотни агентов для сбора сведений о войсках противника и укреплен-

ных местностях, а также для подыскания помощников из числа жителей городов, которые намерены были атаковать. Античные историки описывают, что Ганнибал сам неоднократно проникал в стан противника для сбора разведывательной информации, переодеваясь для этого и перевоплощаясь [3].

Об организации секретной службы Чингисхана многие военные историки пишут отдельные книги, так как с тактической точки зрения использование агентурной сети и безжалостное отношение к выявленным лазутчикам обусловили многие победы для Хана.

Особое внимание стоит уделить личности Субэдэя, которого по праву называли лучшим полководцем Чингисхана. Он использовал различные хитрости и приемы перевоплощения, что в современном понятии можно назвать тактическим приемом – зашифровкой цели. В.А. Злыгостев, автор книги «Субэдэй. Всадник, покорявший вселенную», описывает: «Субэдэй в будущем не начнет ни одной крупной кампании, не обезопасив перед тем фланги своих туменов-сподвижников». Достигал он этого путем идеально поставленной тактической и стратегической разведки с применением зашифровок.

Государства мусульманского типа в организации получения информации шагнули еще дальше и организовывали шпионские сети, действовавшие на постоянной основе. В своем научном труде С.Н. Иванов указывает на то, что уже в XIV в. в Англии была создана иерархическая структура агентурной сети, состоящая из четырех групп:

- 1) агенты, исполняющие роль резидентов (дипломаты, купцы);
- 2) наемные информаторы для решения конкретной задачи;
- 3) профессиональные разведчики;
- 4) агенты, совмещающие разведывательную деятельность с социальной работой для общения с людьми, обладающими нужными сведениями (лекари, священники, писари) [8, с. 161].

А с возникновением дипломатических отношений и введением должностей дипломатических представителей факти-

чески легализовалось резидентство, которое стирает грань между шпионом и представителем другой страны.

Одним из первых мыслителей в области шифрования объекта можно по праву считать философа VI в. до н. э. из Китая – Сунь Цзы, заслуга которого состоит в определении источников получения информации и их классификации:

- местные (информаторы);
  - внутренние (агенты в стране противника из числа его граждан);
  - обращенные (действенные или перевербованные агенты);
  - обреченные (диверсанты) и прижившиеся (разведчики)
- [9, с. 5].

Согласно духу времени он утверждал, что дар предвидения возможен не только благодаря потусторонним силам, но и с помощью человека, находящегося в стане противника. Объяснял он наличие агентов логичной фабулой, основанной на гуманности, ведь воевать необходимо с наименьшими жертвами как с одной, так и с другой стороны. Сунь Цзы сформулировал требования к личности самого агента, которые включали критерии внешних данных – это низкий рост, впечатление на вид необразованного человека и даже глупого, но по интеллектуальным качествам превосходящего уровень выше среднего или, как писал сам автор: «просвещенных и умных, сведущих в простых искусствах», что для среднестатистического человека описываемой эпохи сопоставимо с индивидом, имеющим в настоящее время высшее образование и являющимся специалистом в области искусства или науки.

Предъявляемые требования к личности кажутся завышенными, но стоит заметить, что автор, описывая критерии к негласному сотруднику, выделяет преимущественно классификацию: прижившийся (разведчик), который в настоящее время приближен к классификации негласного сотрудника, состоящего в штате МВД России.

Возможно, самой яркой фигурой в истории зашифрованной работы при расследовании преступлений является Эжен

Франсуа Видок – легендарный сыщик с уникальной биографией, создатель уникального и единственного на тот момент ведомства криминальной полиции Сюртэ. Первыми инспекторами Сюртэ были исключительно лица, имевшие криминальное прошлое, а сам Видок считал, что только преступник может раскрыть преступление. Тайная деятельность прославленного сыщика была обусловлена тем, что из-за его криминального прошлого официально или гласно причислять его к сотрудникам правопорядка было просто недопустимо. Так, Видок стал первым сотрудником жандармерии с зашифрованной ведомственной принадлежностью. Логично, что и методы он при этом использовал соответствующие. Тайные проникновения в районы, где проживали преступники, аресты, выдворение инспекторов и даже инсценировка смерти: все это давало Видоку огромный объем информации, необходимой для расследования преступлений [10, с. 144].

Теоретики права предпринимали множество попыток определить зашифровку цели как особенность негласной работы, используя общие понятия «оперативная», «сыскная» деятельность [11]. Используемый в настоящее время термин «оперативно-розыскная деятельность» в практический оборот был введен только с принятием в 1958 году Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик [12], а также УПК РСФСР от 27 октября 1960 г. [13], где в ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик впервые введено в оборот понятие «оперативно-розыскные меры», которые включали в себя прослушивание телефонных и иных переговоров [12], проводимых дознавателем. Такая мера проводилась негласно в отношении подозреваемого, обвиняемого или иных причастных к преступлению лиц.

Следующим этапом развития зашифровки цели на правовом уровне стало принятие в 1974 г. Наставления по агентурной работе милиции и Инструкции «Об оперативном учете в органах Государственной безопасности» в 1977 г.

Что же касается современного этапа развития зашифровки цели в рамках ОРД, то в исчерпывающем перечне ОРМ, пред-

ставленном в ст. 6 ФЗ об ОРД, опрос может проводиться с зашифровкой цели, что, на наш взгляд, не в полной мере раскрывает сущность этой формы.

Примечания

1. Об оперативно-розыскной деятельности: ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33, ст. 3349; 2016. № 28, ст. 4558.

2. Теория оперативно-розыскной деятельности. Москва, 1998. С. 1.

3. *Черняк Е.Б.* Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки. 5-е изд., доп. Москва, 1991.

4. *Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А.* Опыт измерения уровня виктимизации населения Нижегородского региона // Актуальные проблемы экономики и права Т. 10. 2016. № 3. С. 179.

5. Информация о состоянии преступности и правопорядка в Нижегородской области за 12 месяцев 2019 г. URL: <https://52.мвд.рф/Dejatelnost/Statistika/информация-о-122019> (дата обращения: 10.05.2020).

6. Теория оперативно-розыскной деятельности. Москва, 1998. С. 1.

7. Пятикнижие Моисея, Книга Числа, 13:4, 13 глава.

8. *Иванов С.Н.* Оперативно-розыскная деятельность: Историческая ретроспектива // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2014. № 3. С. 161.

9. Энциклопедия шпионажа. Москва, 1998. С. 5.

10. *Равлюк Н.Е., Гареева Э.Р.* Французская криминальная полиция «Сюртэ» и ее влияние на современную криминалистику // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: сборник научных статей по материалам VI Республиканской научно-практической конференции, посвященной Дню юриста / отв. ред. Р.М. Усманова. Стерлитамак, 2017.

11. *Гущин А.Н.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

12. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1, ст. 15.

13. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.

С.Ф. Пчеляков,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *Е.В. Луценко*

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
СИЛ И СРЕДСТВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
РОСГВАРДИИ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ,
ПРОВОДИМЫХ СОТРУДНИКАМИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

В работе исследуется одна из актуальных проблем взаимодействия следственно-оперативных подразделений ОВД РФ с территориальными органами Федеральной службы войск национальной гвардии РФ (Росгвардии) при осуществлении оперативно-служебных задач, выявлены некоторые проблемы в нормативно-правовом обеспечении привлечения сил и средств Росгвардии при проведении специальных мероприятий, даны предложения по внесению изменений в действующее законодательство, регламентирующее взаимодействие рассматриваемых правоохранительных органов.

С приходом демократии в нашу страну широкое распространение получила частная собственность, которая затронула практически все сферы экономики. Таким образом, в частной собственности находятся крупные предприятия различных видов продукции, при производстве которых не всегда соблюдаются нормы российского законодательства.

Попасть на эти объекты или произвести на них следственные действия (обыск, задержание, выемка и т. д.) сотрудникам правоохранительных органов бывает довольно сложно. Боль-

шинство из них содержит солидный штат охранников, которые препятствуют действиям членов следственно-оперативной группы [1]. В этих случаях следственно-оперативная группа может потерять драгоценное время. Помимо деятельности работников охраны, затруднение вызывает наличие дверей с магнитными или обычными замками. На момент преодоления этих препятствий на пути к кабинету руководства предприятия (директора, главного бухгалтера), руководители уже могут покинуть свои рабочие места и скрыться, уничтожив интересующие следствие документы, предметы, объявив, например, выходной с роспуском персонала.

Кроме того, производство следственных действий в условиях преодоления противодействия расследованию (иногда даже физического сопротивления) не может быть обеспечено лишь силами традиционной следственно-оперативной группы. Поэтому для успешного осуществления таких объемных и крупномасштабных мероприятий необходимо привлечение большого количества различных сотрудников правоохранительных органов, достигающего порой нескольких десятков (иногда сотен).

На сегодняшний день сотрудники территориальных органов Росгвардии могут привлекаться для оказания силовой поддержки деятельности следственно-оперативной группы МВД России.

Правовую основу совместной деятельности Росгвардии, МВД России, его территориальных органов в организации участия войск национальной гвардии в охране общественного порядка (ООП) и обеспечении общественной безопасности (ООБ) составляют: ФКЗ РФ, ФЗ РФ от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [2], от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [3], другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, а также нормативные правовые акты Росгвардии и МВД России, изданные в пределах их компетенции.

Из состава войск национальной гвардии к проведению органами внутренних дел комплексных оперативно-

профилактических операций (мероприятий) на основании решения командиров воинских частей войск национальной гвардии, начальников территориальных органов Росгвардии по обращению уполномоченных руководителей территориальных органов МВД России привлекаются подразделения ОМОН и СОБР территориальных органов Росгвардии.

Организация взаимодействия войск национальной гвардии РФ с МВД России, его территориальными органами при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности предусматривает проведение комплексных оперативно-профилактических операций, оперативно-профилактических мероприятий, ОРМ и специальных мероприятий.

При проведении отдельных оперативно-разыскных и специальных мероприятий в рамках комплексной оперативно-профилактической операции (мероприятия) выделенные силы и средства войск национальной гвардии при необходимости могут быть переданы руководителем комплексной оперативно-профилактической операции (мероприятия) в оперативное подчинение должностному лицу подразделения ОВД, ответственному за организацию и проведение оперативно-разыскного или специального мероприятия, которое на период их проведения назначается их руководителем.

Должностное лицо подразделения ОВД, ответственное за организацию и проведение оперативно-разыскного или специального мероприятия, уточняет конкретные задачи переданным в его оперативное подчинение силам и средствам войск национальной гвардии РФ, способы и методы выполнения которых определяются командиром переданного в его оперативное подчинение подразделения войск национальной гвардии.

Перед подготовкой обращения на объекте, где предполагается проведение специальных мероприятий, организуется его изучение и прилегающей местности, возможности использования технических средств, персонала. Исходя из полученных данных руководитель заинтересованного подразделения ОВД согласовывает с командиром подразделения Росгвардии

количество выделяемых сил и средств, необходимых для проведения мероприятий.

Следовательно, привлечение дополнительных сил и средств иных правоохранительных органов в современных условиях становится все более актуальным, поскольку они способны оказать эффективное силовое сопровождение сотрудникам ОВД при решении стоящих перед ними оперативно-служебных задач [4].

Анализ правоприменительной практики показывает, что реформы, происходящие в правоохранительной системе, а именно вывод силовых подразделений из МВД России и подчинение их территориальным органам Росгвардии, оставляет ОВД только оперативное подчинение, которое не в полной мере способствует целенаправленному и оперативному выполнению стоящих перед ОВД задач, еще больше способствует бюрократическим издержкам по привлечению силовых подразделений, а в некоторых случаях даже разделяет. Так, в территориальных органах Росгвардии все большее развитие получает «милитаризация», удаление от ОРД, что нередко приводит к снижению эффективности выполнения поставленных задач.

Таким образом, на наш взгляд, в нормативно-правовую базу, регламентирующую вопросы взаимодействия вышеназванных силовых структур, целесообразно внести положения об использовании их сил и средств в целях решения оперативно-служебных задач, стоящих перед следственно-оперативными подразделениями ОВД. Их применение может быть эффективным в качестве силовой составляющей при проведении специальных операций (мероприятий) по защите личности, общества, государства от противоправных посягательств, предупреждению и пресечению преступлений, в том числе террористического характера, экстремистской направленности и административных правонарушений, обеспечению в установленном порядке мероприятий силовой поддержки других подразделений территориальных ОВД, при осуществлении ими следственных действий, оперативно-разыскных и иных мероприятий.

В настоящее время в отечественной юридической литературе содержатся лишь отдельные фрагментарные рекомендации по привлечению силовых подразделений других правоохранительных органов к следственно-оперативным действиям ОВД.

На наш взгляд, ОВД самостоятельно могут выйти из сложившейся ситуации, расширив полномочия специальных отрядов ОВД и изменив их статус с отряда на отдел, ведь в истории ОВД эта практика известна.

Примечания

1. *Росинский С.Б.* Обыск в форме специальной операции / под ред. В.Н. Григорьева. Москва, 2003.

2. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: ФЗ РФ от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27, ч. I, ст. 4159.

3. О полиции: ФЗ РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900.

4. *Косяченко В.И., Мураев П.П.* Специальные операции, проводимые органами внутренних дел при раскрытии преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России: научно-методический журнал. 2010. № 1 (12). С. 153–157.

О.Ю. Сигурова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.э.н. *Д.В. Назарычев*

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СТРАНЫ

По данным Федеральной службы статистики объем валового внутреннего продукта (ВВП РФ) в текущих ценах во II квартале 2020 г. составил 23 288,2 млрд рублей, что на 20 229,5 млрд рублей меньше по сравнению с I кварталом 2020 г. Минэкономразвития России в своей картине деловой активности сообщило, что падение ВВП РФ, по оценке Министерства, в июне 2020 г. замедлилось до 6,4% в годовом выражении после снижения на 10,7% в мае, падения на 12% в апреле, роста на 0,8% в марте, 2,7% в феврале и 1,6% в январе [1]. Стоит обратить внимание, что снижение номинального ВВП РФ приходится на период май–июнь и связано с негативными последствиями пандемии. По нашему мнению, на экономический кризис в период распространения COVID-19 оказали влияние не только ограничительные меры со стороны Правительства РФ, но и резкое падение цен на нефть до 18,2 долларов США за баррель. В 2019 г. цена за российскую марку Brent составляла 72,8 долларов США [2]. По-прежнему основным поводом для беспокойства инвесторов остается увеличение числа заболеваемости коронавирусной инфекцией, что отражается на социально-экономическом развитии всей страны.

В сегодняшних условиях актуальным становится вопрос об инновационных прогрессах в рамках стратегического планирования развития России. В соответствии с ФЗ РФ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» достижение стратегических целей и решение приоритетных задач государственной политики в сфере социально-экономического развития и национальной безопасности осуществляется на основе реализации государственных программ [3]. Любая государственная программа предполагает стратегическое планирование на соответствующий период с набором целей, задач, целевыми индикаторами и показателями, а также ожидаемыми результатами, но такие резкие и непредсказуемые явления, как пандемия, вносят свои коррективы. Так, за апрель 2020 г. произошел резкий рост федеральных расходов параллельно падению доходов. При этом траты на здравоохранение выросли в 2,2 раза, а другие статьи расходов показали рост от 17 до 33% [4].

Особую актуальность приобретает механизм обеспечения инновационного развития с целью повышения инвестиционной привлекательности, увеличения качества и конкурентоспособности отечественных товаров на мировом уровне.

По нашему мнению, целевая государственная программа не всегда рассчитана на 100-процентное выполнение всех мероприятий, указанных в ней, а также гарантию повышения экономического роста и потенциала России в какой-либо сфере. Как показывают реалии, пандемия вносит свои коррективы не только в социальную, политическую жизнь общества, но и бьет по цифрам экономики (это доказывает и резкий скачок снижения показателей ВВП РФ). В настоящее время можно утверждать, что экономические процессы, происходящие в период пандемии, повлияли и на производство некоторых реальных секторов экономики, в особенности фармацевтических и медицинских изделий. Так, произошли глобальные изменения на рынке фармацевтики. Значительное число фармацевтических предприятий переживает спад производства и постоянно находится в кризисном или предкризисном состоянии, по-

сколькx приходится переоборудовать свои линии под производство антисептических и дезинфицирующих средств, средств защиты, увеличивать выпуск препаратов, рекомендованных в качестве терапии при COVID-2019. По данным розничного аудита фармацевтического рынка РФ DSM GROUP, в марте 2020 г. по стоимостному объему продаж лидирующие позиции занимало антисептическое средство «Мирамистин» (+102,3%), а также лекарственные препараты, предназначенные для терапии ОРВИ [5].

Основная цель почти каждой государственной программы в любой сфере – внедрение инноваций мирового уровня. Еще в 2010 г. Минэкономразвития России опубликовало проект инновационного развития «Инновационная Россия – 2020». В данной стратегии инновации определены как «вывод на рынок нового товара, новых производств, освоение новых бизнес моделей, создание новых рынков». Безусловно, существует ряд сдерживающих факторов, которые препятствуют развитию российских инноваций.

Во-первых, низкий спрос на инновационную продукцию приводит к отсутствию стимулов для предпринимателей. Более того, внедрение инновационных механизмов, в том числе и обновление производственных мощностей, – это дополнительные затраты для любого субъекта реального сектора экономики. Особо это подчеркивается в Государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» до 2020 г. Так, отрасли, которые были ориентированы на инновационное развитие, оказались более уязвимыми к воздействию внешних и внутренних факторов рынка.

Во-вторых, по нашему мнению, инновационное развитие России происходит скорее точечно, а не массово. Для России отраслью, которая имеет высокие конкурентные преимущества на мировом рынке и которой уделяется самое большое внимание со стороны политики государства, является авиационная и космическая техника, экспорт различных видов вооружения. Однако должного внимания заслуживают и другие

социальные и экономические отрасли реального сектора экономики.

В-третьих, одной из угроз для инновационно-инвестиционного развития комплекса является риск потери прибыли от нововведений. Важно отметить, что эффективность научных разработок измеряется не конечным результатом, а объемом выполнения НИОКР. Таким образом, инновационный продукт отходит на второй план, в то время как важно показывать коммерциализацию НИОКР. Однако не все хотят вкладывать свои финансовые вложения в разработку инновационного продукта, при этом ожидая неизвестных результатов по их окупаемости.

С целью развития России как ведущего «игрока» на рынке инноваций необходимо прорабатывать следующие меры:

1. Стимулирование спроса на развитие инноваций.
2. Укрепление конкурентных позиций, что приведет к более быстрой реализации стратегии инновационного развития.
3. Ориентация реальных секторов экономики на производство конечной наукоемкой продукции.
4. Создание инновационных территориальных кластеров.
5. Переход промышленных секторов России на высокотехнологичное производство.

На основе анализа полученных данных мы можем заключить, что российский потенциал, сырьевая и ресурсная база позволяют развить инновационную сферу России. Очень важным по-прежнему остается грамотное стратегическое планирование с учетом всех мировых тенденций, угроз и внутренних процессов экономики страны. Создание и реализация плановых сценариев позволит выйти России на новый инновационный уровень.

Примечания

1. ВВП России: сайт. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 30.10.2020).

2. Прогноз по BRENT: сайт. URL: <https://rbc.ru/> (дата обращения: 30.10.2020).

3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: ФЗ РФ от 28 июня 2014 г. № 17-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2020).

4. Фармацевтический рынок России (март 2020): сайт. URL: <https://dsm.ru/> (дата обращения: 30.10.2020).

5. Снижение ВВП России в нерабочем апреле достигло 28%: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 30.10.2020).

УДК 343.3/.7

В.О. Сидельников,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *М.В. Степанов*

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Глобализация, рост денежных рынков, всеобщая компьютеризация и развитие IT-технологий повлекли за собой появление в обществе большого количества дополнительных институтов, финансовых инструментов и новых форм взаимодействия между людьми. Монеты и банкноты постепенно заменяются пластиковыми платежными картами, а в сети «Интернет» работает множество платежных систем, изначально созданных только для электронных платежей. С развитием компьютерных технологий и сетей связи мир вступил в эпоху «цифровых валют» [1].

В настоящее время цифровые валюты не выпускаются национальными центральными банками, но платежные операции с ними совершаются, и кластер использования рассматриваемого платежного средства растет в геометрической прогрессии, контроль за ним правоохранительным органам с каждым днем осуществить становится все сложнее.

С точки зрения теории предупреждения преступности в сфере операций с цифровой валютой для того, чтобы качественно и продуктивно бороться с преступностью, эффективно использовать время для раскрытия преступлений, необходимо затронуть вопросы, касающиеся признаков преступле-

ния, проявляющиеся в особенностях предмета и средства конкретного преступного посягательства.

Рассматривая особенности предмета преступлений в данной сфере, становится очевидным, что преступления, связанные с использованием цифровых валют, посягают на денежные средства граждан, также вред приносится государственному бюджету в сфере формирования капитала путем налоговых сборов. Большой процент преступлений, совершаемых в вышеуказанной сфере, квалифицируется по ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» УК РФ [2]. Напомним, что легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, представляет собой совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. Исходя из вышеизложенного, предметом данного преступления являются денежные средства, добытые незаконным путем при осуществлении операций с цифровой валютой.

Представляется, что с определенной натяжкой, исходя из такого определения, на практике цифровые валюты могут охватить собой и скидочные баллы, содержащиеся на скидочных картах, бонусные баллы, предусмотренные программой лояльности, и многое другое. Такая неопределенность может повлечь скрытую форму декриминализации преступных деяний с использованием цифровых активов и, напротив, криминализацию тех, которые преступными не являются, в случае признания таковых в качестве предмета преступного посягательства.

Стоит отметить тот факт, что при анализе решений суда по уголовным делам, где предметом преступления выступали цифровая валюта или токен, не представилось возможным ознакомиться ни с одним приговором, в котором последний

бы являлся предметом посягательства. Рассматривая же судебную практику по делам, в которых цифровая валюта (криптовалюта) выступала предметом преступления, можно привести следующие примеры.

Так, приговором Сургутского городского суда ХМАО от 1 ноября 2017 г. Ш. и О. были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 272 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ. Ш. и О. совершили неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекший модификацию компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности, группой лиц по предварительному сговору, а также мошенничество, то есть хищение чужого имущества, а именно BTC-е кодов (локальной цифровой валюты (цифровые валюты) ныне закрытой криптобиржи BTC-E) путем обмана в крупном размере. Таким образом, суд счел признать цифровую валюту (цифровую валюту) имуществом.

Кроме того, в качестве предмета преступного посягательства цифровая валюта выступает при совершении хищений чужого имущества, независимо от способа их совершения.

Примером тому является уголовное дело № 11701670002000011, возбужденное Следственным управлением УМВД России по г. Севастополю по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Так, органами предварительного следствия установлено, что 29 января 2017 г. неустановленное лицо путем свободного доступа тайно похитило электронное имущество, а именно цифровую валюту Bitcoin в количестве 8 единиц, что эквивалентно 35 000 руб., причинив тем самым потерпевшему значительный материальный ущерб на указанную сумму.

Очередной пример гласит, что приговором Ленинского районного суда г. Челябинска от 5 февраля 2019 г. по уголовному делу № 1-129/2019 Б. осужден за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 174¹ УК РФ.

Судом установлено, что Б., действуя в интересах организованной группы, путем проведения финансовых и банков-

ских операций, выразившихся в конвертировании цифровой валюты Bitcoin в российские рубли, придал правомерный вид владению, пользованию и распоряжению имуществом, полученным им в результате преступной деятельности [3].

Таким образом, в связи с недостаточным правовым регулированием статуса цифровых валют процент уголовных дел, рассматриваемых в судах, где вышеуказанные средства платежа выступали предметом преступления, был крайне мал. Это, в первую очередь, связано с тем, что в уголовном процессе невозможно преследование лица за деяние, которое четко не регламентировано в уголовном законе, так как любые сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого. Более того, несмотря на имеющуюся судебную практику, в ней отсутствовало единообразное понимание юридической природы цифровых валют. Правоохранительные органы просто отказывали в возбуждении уголовного дела в подавляющем большинстве случаев, когда цифровая валюта (криптовалюта) или токены являлись предметом преступного посягательства, в связи с невозможностью их отнесения к объектам гражданских прав.

С учетом вышеизложенного, думается, что, несмотря на возможность отнесения цифровых валют к объектам гражданских прав, а именно иному имуществу, суды с определенной долей осторожности будут признавать цифровую валюту и токены предметом преступного посягательства. Представляется, что во избежание подобных ситуаций необходимо дать определенные разъяснения на этот счет в постановлении Пленума ВС РФ, как это было сделано с безналичными денежными средствами.

В качестве предмета коммерческого подкупа или взятки выступают деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера, иные имущественные права. Отнесение цифровых активов к иному имуществу позволит лишить коррупционеров возможности прятаться за правовой неопределенностью статуса цифровых валют и токенов, тем самым криминализировать те деяния, в которых в качестве

предмета взятки или подкупа выступают вышеперечисленные цифровые активы.

Примечания

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ РФ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.10.2020).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

3. Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска от 5 февраля 2019 г. по уголовному делу № 1-129/2019.

Е.С. Смирнова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *М.В. Лапатников*

**РАСКРЫТИЕ ПОНЯТИЯ ИНСТИТУТА
ПОРУЧИТЕЛЬСТВА ИСХОДЯ ИЗ ПОЛОЖЕНИЙ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Краткий юридический словарь под общей редакцией М.Ю. Тихомирова определяет, что личное поручительство – предусмотренная уголовно-процессуальным законодательством «мера пресечения, состоящая в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица о том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных п. 2 и 3 ст. 102 УПК РФ: в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд, иным путем не препятствовать производству по уголовному делу» [1, с. 364]. В целом приведенная цитата в полной мере описывает личное поручительство, но с позиции закона и закрепленного в нем дефинитивного содержания. И здесь обнаруживается, что закрепленное в законодательстве определение понятия личного поручительства не предлагает должного раскрытия сущности рассматриваемого института.

Сущность личного поручительства в настоящее познается *a posteriori*, поскольку в полной мере не отражена в содержащейся в ст. 103 УПК РФ дефиниции, как правило, постигается преимущественно в сложившейся традиции правоприменения, в следственно-судебной практике. Нормативная регламента-

ция данного института относительно фрагментарна для полноценного уяснения его сути, что потворствует тенденции неоднородного или даже произвольного территориального толкования. Вместе с тем, если не структура, то содержание гл. 13 УПК РФ позволило процессуалистам осуществить разграничение отраженных в ней мер пресечения, которое приоткрывает наиболее значимую в постижении сущности личного поручительства категорию. В традиционной классификации мер пресечения – на сопряженные с лишением свободы передвижения, с ограничением свободы передвижения и имущественные обязательства. Личное поручительство со всем своим демократичным началом относится к последней группе. Существует и более упрощенная дифференциация на меры, сопряженные с лишением свободы, и не сопряженные с изоляцией от общества. К последней группе, наряду с исследуемой мерой, относят:

- подписку о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ);
- наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК РФ);
- присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ);
- запрет определенных действий (ст. 1051 УПК РФ);
- залог (ст. 106 УПК РФ);
- домашний арест (ст. 107 УПК РФ) [2, с. 46–49].

При такой классификации становится очевидным, что не сопряженные с лишением свободы меры более-менее консолидированно и системно представлены в процессуальном законодательстве, а не рассредоточены непоследовательно по структуре всей гл. 13 УПК РФ. Личное поручительство при всей своей гуманности крайне знаменательно в тематике мер, альтернативных изоляции от общества. Иные из перечисленных выше институтов не принесли существенного положительного эффекта в качестве альтернативы заключению под стражу, столь актуальной на сегодняшний день в связи с возросшей экономической нагрузкой на содержание следствен-

ных изоляторов. По этой причине законодатель не так давно внедрил в УПК РФ новую меру, именованную запретом определенных действий. Но мы все же убеждены, что поиск решения преуказанной проблемы возможно осуществлять и через призму совершенствования отдельных положений ст. 103 УПК РФ. В дальнейшем мы сформулируем и продемонстрируем предложения по модернизации института личного поручительства как путь по устранению описанных проблем.

В науке существует мнение, что личное поручительство является лишь одной разновидностью поручительства из трех, наряду с наблюдением командования воинской части (ст. 104 УПК РФ) и присмотром за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). Мы не солидарны с отмеченной позицией, поскольку в контексте рассмотрения актуального процессуального законодательства подобные отождествления представляли бы из себя подмену понятий. Каждая из перечисленных мер обладает собственной индивидуальностью, а также рядом общих признаков. Но общие признаки свидетельствуют лишь о том, что все они являются мерами именно пресечения, но не имеют ничего общего с традиционным юридическим пониманием категории поручительства. Более или менее устойчивую схожесть можно признать лишь между личным поручительством и присмотром за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), поскольку последнее предполагает возложение на конкретных третьих лиц обязанностей по обеспечению надлежащего поведения [3, с. 95]. Сравнительно-правовое исследование опыта юридической регламентации поручительства в уголовном процессе зарубежных стран демонстрирует, что гораздо большую схожесть названная мера имеет с залогом, так как зарубежная практика зачастую рассматривает последний в качестве именно поручительства и отождествляет с ним, называя, в свою очередь, залогом освобождение лица, уже подвергнутого предварительному заключению.

Таким образом, первой чертой, характеризующей названный институт, является то, что личное поручительство – это

мера пресечения, альтернативная лишению или ограничению свободы передвижения.

Понятие и сущность личного поручительства тесно коррелируют друг с другом. Предполагается, что при закреплении в законе ошибочного определения понятия личного поручительства такая дефиниция не будет в полной мере соответствовать внутреннему содержанию названной меры. Однако в условиях нормативизма, в соответствии с которым строится современное правоприменение, установленная законом дефиниция, наоборот, будет определять сущность интерпретируемого института. Следовательно, крайне важным является закрепление в процессуальном законодательстве такого понятия и свойственного ему определения личного поручительства, которые будут наиболее тесно отражать суть заложенного в уголовно-процессуальной науке знания.

Примечания

1. *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Краткий юридический словарь / под ред. М.Ю. Тихомирова. Москва, 2012.

2. О мерах пресечения, не сопряженных с изоляцией от общества, см. подробнее: *Оленев М.Г., Артемова А.Г.* Применение мер пресечения, не связанных с лишением свободы, по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80).

3. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов-на-Дону, 2015.

С.Т. Сулейманов,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *О.А. Берзинь*

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КАК ЧАСТЬ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ С УЧАСТИЕМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Криминалистическая характеристика преступлений содержит в себе стандартные признаки и свойства события, обстановки, способа совершения общественно опасных деяний, процесса формирования и локализации следов, типологические качества личности и поведения виновных, а также связи и отношения между всеми перечисленными структурными элементами [1, с. 119].

В ходе нашего исследования мы определили основные формы вовлечения несовершеннолетних в создание порнографической продукции. Рассмотрим их подробнее.

1. Вовлечение несовершеннолетних путем психологического воздействия (принуждение, запугивание, угрозы, убеждение и т. д.). Практика показывает, что такое воздействие применяется более, чем в 80% случаев вовлечения несовершеннолетних в создание порнографических материалов.

Принуждение представляет собой оказание воздействия на психику несовершеннолетнего при помощи различных методов – угроз насильственного характера в отношении самого

несовершеннолетнего и его родных, шантажа и иных действий по принуждению детей и подростков. Угрозы могут быть как вербальными, так и невербальными (путем демонстрации позорящих материалов или примера насильственных действий). Например, есть случай из следственной практики, когда обвиняемый, принуждая несовершеннолетнюю девочку к съемке в порнографии, угрожал убить ее, а потом покончить жизнь самоубийством [2].

Часто преступники, имея на руках какие-либо материалы, содержащие позорящую информацию, угрожают ее распространением. Так, например, обвиняемый, получив доступ к страницам в социальных сетях и электронному ящику, угрожал несовершеннолетнему заблокировать его доступ и удалить всю содержащуюся в них информацию. Несовершеннолетний, находясь под психологическим давлением, был вынужден изготовить личные фотографии порнографического характера при помощи сотового телефона и отправить на электронный ящик обвиняемого [3].

Можно выделить еще такие виды принуждения, как использование наркотической зависимости несовершеннолетних, запугивание уголовной ответственностью по совершенным ранее проступкам, предложение спонсирования обучения, продвижения актерской или модельной карьеры и т. д. Зачастую преступники просто пользуются тяжелым финансовым положением несовершеннолетних и их семей и предлагают материальную помощь или содействие решению финансовых и иных проблем [4, с. 22].

Убеждение может осуществляться в виде просьб, уговоров, предложений, при этом используются приемы давления как на положительные качества подростков (доброта, сочувствие, сопереживание и т. д.), так и на отрицательные (корысть, зависть, месть и иные низменные побуждения). Зачастую, вовлекая детей в порнографию, преступники вводят их в заблуждение по поводу характера съемок и предлагая создание материалов для создания портфолио или приглашая на кинопробы для фильмов.

2. Физическое и сексуальное насилие в отношении половой и физической неприкосновенности тела и здоровья ребенка. Такой способ связан с созданием условий причинения или возможности причинения вреда здоровью. Оперативно-следственная и судебная практика свидетельствует о том, что физическое насилие нередко осуществляется вкупе с психологическим принуждением.

Специфика данной формы вовлечения заключается в том, что такое вовлечение сопровождается комплексом различных форм насилия: истязанием, изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера, развратными действиями по отношению к несовершеннолетнему, половым сношением с несовершеннолетним, принуждением к действиям сексуального характера, созданием условий для занятия проституцией, вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или в антиобщественное поведение.

В практике ОРД есть случай, когда отец на протяжении нескольких месяцев заставлял свою несовершеннолетнюю дочь совершать с ним действия сексуального характера, избивая ее, подавляя сопротивление, и снимал все это на камеру. Следствие, произведя обыск в квартире обвиняемого, обнаружило на жестком диске его компьютера 5 видеороликов порнографического характера с участием несовершеннолетней [5]. В данной ситуации наблюдается совокупность преступлений, таких как насильственные действия сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, изнасилование, развратные действия и изготовление порнографических изображений с участием малолетней.

3. Материальное стимулирование – предложение материального вознаграждения либо предоставление доступа к каким-либо материальным благам. Преступники пользуются материальными затруднениями подростков либо их нелегальным положением и предлагают выход из создавшихся условий посредством оплаты их услуг.

Очень показателен случай из практики, когда обвиняемый, состоящий в организованной преступной группе, занимающейся изготовлением и распространением детской порнографии, привлекал к участию в порнографических съемках детей из неблагополучных семей и сирот из детских домов, предлагая им по 50 долларов США за фото и по 200 долларов США за видеосъемку. Также преступник находил детей, не имеющих документов и проживающих в стране нелегально, за участие в съемках он предлагал им место жительства и деньги [6].

3. Обман. При этом способе вовлечения несовершеннолетних в создание материалов порнографического характера используется их внушаемость, доверчивость и неспособность в силу возраста критически оценивать свое поведение и поведение других лиц.

Из правоприменительной практики можно рассмотреть случай, когда были возбуждены сразу 10 уголовных дел в отношении двух лиц, занимающихся изготовлением и распространением детской порнографии. Обвиняемые находили девочек из неблагополучных семей в возрасте от 6 до 8 лет и уговорами, подарками вовлекали их в съемки [7].

Еще одно громкое дело было возбуждено в Украине в 2015 г., когда был раскрыт факт участия более чем 1500 девочек в возрасте от 8 до 16 лет в фотосъемках порнографического характера, изготовленных фиктивным модельным агентством [8].

Исследования материалов оперативно-разыскных работ по расследованию дел о создании и распространении детской порнографии показало, что зачастую фото- и видеосъемки производятся в отношении детей, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или в ином беспомощном состоянии.

Таким образом, можно сделать вывод, что криминалистическая сущность и практическая значимость исследования способов создания и распространения материалов порнографического характера с участием несовершеннолетних заключается в выявлении закономерностей возникновения доказа-

тельств, которые в дальнейшем будут использованы при расследовании дел данной категории.

Практика позволяет выделить такие виды изготовления детской порнографии, как:

1. Фото- или видеосъемка с использованием как профессиональной техники, так и телефонов и фотокамер.

2. Изготовление программных продуктов, компьютерных и полиграфических технологий для изготовления мультипликационной, графической продукции, а также компьютерных игр порнографического характера с участием несовершеннолетних.

Видео- и фотосъемка материалов порнографического характера создается вовлечением несовершеннолетних путем либо просто позирования, либо совершения действий порнографического характера. Такое вовлечение осуществляется путем применения различных механизмов воздействия, изучение которых позволит следствию более эффективно расследовать, а также предотвращать изготовление и распространение детской порнографии.

Примечания

1. *Алиева А.М.* Понятие криминалистической характеристики преступлений // Молодой ученый. 2018. № 6.

2. Приговор № 1-30/2018 от 26 февраля 2018 г. по делу № 1-30/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qRjVIDyipUNd/> (дата обращения: 02.04.2020).

3. Приговор № 1-36/2019 от 17 июля 2019 г. по делу № 1-36/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mDnavjpBc2mR/> (дата обращения: 02.04.2020).

4. *Шендрик В.В.* Боротьба з порнографією: криміналістичні та оперативно-розшукові аспекти. Науково-практичний посібник / В.В. Шендрик, С.О. Сафронов, І.О. Крепаков, Е.В. Жилін. Харків, 2018.

5. Материалы круглого стола «Рунет против детской порнографии». Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvdinform.ru> (дата обращения: 02.04.2020).

6. *Дралюк В.* Организатор детской порно съемки приговорен к 13 годам лишения свободы // Советская Белоруссия. URL: <http://www.sb.by/post/83697/> (дата обращения: 02.04.2020).

7. *Казначеева Е.* Куда уходит детство? // Объединенная редакция МВД России (Щит и меч. № 46/1206). URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/14687/> (дата обращения: 02.04.2020).

Ю.В. Токарева,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
д.ю.н., профессор *В.М. Баранов*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЕСТР КАК ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В данной статье мы рассмотрим основные процессы, связанные с изменениями в системе российского законодательства в эпоху цифровизации жизни общества и, как следствие, цифровизации права, а также о влиянии государственных реестров на развитие электронной формы законодательства.

Впервые термин «цифровизация» появился в самом конце XX в., когда в 1995 г. американский ученый Николас Негропonte озвучил понятие «цифровая экономика» [1]. Стратегия развития информационного общества в России на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, дает следующее определение: «Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [2]. Таким образом, термин «цифровизация» неразрывно связан с процессом перехода к цифровой экономике в стране, что, в свою очередь, влияет на цифровизацию жизни общества и права в целом.

До сих пор, к сожалению, законодатель не закрепил определение понятия «цифровизация» в официальных источниках. Это порождает многообразие толкований данного процесса со стороны ученых-правоведов.

Не станем вдаваться в дискуссионные проблемы доктринального определения данного понятия, а в качестве рабочей дефиниции возьмем следующее определение: «*цифровизация* – современный этап развития информатизации, отличающийся преобладающим использованием цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации информации, что обусловлено появлением и распространением новых технических средств и программных решений» [3, с. 17].

Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор [4] и Э.В. Талапина [5] связывают процесс цифровизации с использованием искусственного интеллекта, отличного от нынешнего программного обеспечения, а также новейших компьютерных цифровых технологий – «блокчейн» (так называемая технология «*распределенных реестров*») – это система последовательно выстроенных взаимосвязанных блоков, содержащих информацию, которая оказывает непосредственное влияние на различные подходы к структурированию системы законодательства, а также позволяет реализовывать право на практике.

Считаем, что в условиях цифровизации современного общества, а также перехода к электронному документу необходимым условием для упорядочивания информации и создания оптимального информационного пространства является использование такого содержательного и технико-юридического инструмента, как *государственный реестр*.

Понятие «реестр» чаще всего в обыденном правосознании связывается с неким списком, перечнем какой-либо информации. Между тем реестр является не только информационно-правовым инструментом, информационным ресурсом, но и высокозначимым юридическим документом.

К настоящему моменту на законодательном уровне не закреплено понятие государственного реестра. Однако существуют различные доктринальные позиции относительно

определения данного термина. Так, Л.Ф. Апт определяет реестр как информационный инструмент, цель которого заключается в фиксации сведений различного характера; «объединение данных в однородную совокупность, единую предметную область с простой или сложной структурой» [6, с. 161]. В диссертационной работе А.С. Горлова дается следующее определение государственного реестра: «федеральный государственный информационный ресурс юридически и социально значимых сведений, выполняющий регистрационно-учетные и регулятивно-управленческие функции» [7, с. 10].

Понятие «цифровизация» в юридической литературе тесным образом связано с цифровизацией права [8]. *Цифровизация права* (или *дигитализация*, от англ. *digital* – цифра) заключается в том, что в законотворческой деятельности все чаще идет процесс интеграции (внедрения) большого числа информационных систем, переход предприятий и учреждений на электронный документооборот, а также формирование колоссального количества государственных реестров, регулирующих различные общественные отношения.

Процесс цифровизации жизни общества неизменно затрагивает процесс цифровизации самого права как государственного регулятора общественных отношений. Доказательством данного факта служит складывающаяся система законодательного регулирования в области формирования нового направления – цифрового права, идею которого разделяют не все исследователи [9]. Резко возросло формирование и применение разноплановых государственных реестров в самых различных сферах общественной жизни как способов реализации перехода к новому цифровому пространству.

В качестве примера приведем некоторые нормативные правовые акты, регулирующие складывающиеся общественные отношения в сфере использования и применения интернет-ресурсов и цифровых технологий. Так, ФЗ РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10] призван обеспечить легальную работу различных интернет-сайтов и порталов. Вы-

шеуказанный ФЗ РФ предложил первые общепринятые определения: «сайт в сети “Интернет”», «страница сайта в сети “Интернет”», «обладатель информации» и др.

Ныне с целью обеспечения национальной безопасности сфера hi-tech активно регулируется законодателем. Так, Законодательным собранием Республики Башкирия и депутатом Государственной Думы Р. Ишсариным активно ведется работа над проектом ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Цель законопроекта заключается в создании оперативных мер, направленных на блокировку интернет-ресурсов, заподозренных в пропаганде экстремизма и терроризма, на основании заключения эксперта (без судебного решения).

В соответствии с ч. 1 ст. 15.1 ФЗ РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» с целью ограничения доступа к интернет-ресурсам, содержащим запрещенный контент на территории Российской Федерации, был создан *Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее по тексту – единый реестр запрещенных сайтов)*.

Новый законопроект примечателен тем, что авторы предлагают дополнить ст. 15.1 ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» положением, согласно которому одним из оснований внесения в *реестр запрещенных сайтов* будет признание распространяемых посредством интернет-ресурсов материалов, содержащих признаки экстремистских в соответствии с заключением эксперта (в ходе проведения ОРМ). Считаем, что данная мера реагирования станет более эффективной в механизме предотвращения и распространения преступлений экстремистского и террористического толка и будет направлена на защиту и обеспечение национальной безопасности страны в целом.

На сегодняшний момент стремительными темпами идет процесс формирования новых «цифровых» взаимоотношений между обществом и государством. Так, Президентом РФ был подписан ФЗ РФ от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» [11].

Данный ФЗ РФ вызвал неоднозначное отношение, как со стороны представителей СМИ, так и со стороны ученых-правоведов. Детальный сравнительно-правовой анализ этого Закона не является предметом исследования настоящей статьи: рассмотрим лишь его позитивные новеллы. Закон предусматривает создание единого федерального информационного регистра, который представляет собой новейшую систему на базе современной единой электронной платформы. Цель создания и ведения данного регистра заключается в сборе, быстром поиске и аккумуляции личных данных граждан различными государственными службами. По сути, появление такого рода регистра является еще одним важным аспектом на пути перехода к современному цифровому сообществу. Хорошо это или нет – покажет время и практика.

Другим ярким и актуальным примером формирования «цифровых» взаимоотношений между гражданином и государством является работа Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации над проектом изменений в ФЗ РФ от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»: предлагается создание *Федерального реестра номеров, в отношении которых необходимо ввести запрет на спам* [12]. Создание и формирование реестра должно стать мерой реагирования на телефонную спам-информацию, поступающую в качестве рекламных звонков абонентам. Принцип формирования и действия реестра заключается в следующем: абонент должен оставить заявку в личном кабинете на Едином портале госуслуг о его нежелании получать звонки с содержанием информации рекламного характера и намерении быть внесенным в данный реестр. В рамках ст. 14.3 «Нарушение законодательства в рекламе» Кодекса Российской Федерации

об административных правонарушениях рекламные компании обязаны прекратить звонки в адрес данного абонента. Такой технико-юридический прием позволит гражданам защитить свои цифровые права.

На процесс цифровизации права большое влияние оказывает использование различных интернет-платформ, информационных технологий, ведение электронных реестров в самых различных сферах общественной жизни, а также возможность предоставления государственных услуг в электронном виде (Единый интернет-портал «Госуслуги», официальный сайт Росреестра). Цель предоставления государственных услуг в электронном виде состоит в упрощении и оптимизации данного процесса, а также возможности получения таких услуг дистанционно (что является актуальным в период пандемии новой коронавирусной инфекции).

Так, например, официальный сайт Росреестра предлагает гражданам широкий публичный перечень государственных услуг, предоставляемых в электронной форме, на сайте представлены образцы бланков документов и инструкции для их заполнения.

В целях оптимизации информационно-правового пространства законодатель все чаще стремится заменить документы, закрепленные на бумажном носителе, на цифровые записи в различных электронных реестрах. К примеру, в октябре 2020 г. в России началась замена бумажных паспортов технических средств автомашин на электронные документы [13] (ранее выданные паспорта технических средств остаются действительными). Такие электронные паспорта позволят снизить риски, связанные с процессом купли-продажи автомобилей, то есть придадут прозрачность сделкам на вторичном рынке автомобилей.

Считаем, что процесс цифровизации неразрывно связан с переходом к электронной форме законодательства.

В эпоху высоких технологий государственный реестр, несомненно, является важным информационно-правовым инструментом для оптимизации поиска правовой информации, а

также для унификации и систематизации действующего российского законодательства. Так, в проекте приказа Минюста России 2014 г. «О систематизации нормативных правовых актов» в ст. 61 обозначена такая форма систематизации законодательства, как учет, в которую входит «сбор, хранение и формирование фонда нормативных правовых актов, ведение *реестров и регистров* нормативных правовых актов, создание поисковых систем...» [14]. К сожалению, проект приказа до сих пор не принят законодателем.

Таким образом, государственные реестры в условиях перехода общества на электронный документооборот оказывают важное практическое значение. Термин «*электронный документооборот*» свое легальное закрепление получил в ФЗ РФ от 29 июля 2010 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”»: *это документированная информация, представленная в электронном виде, то есть пригодном для восприятия человеком с использованием ЭВМ, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах* [15].

Процесс цифровизации общества, переход к формату электронного документа закономерно и неразрывно связан с формированием электронной формы законодательства, как в России, так и в ряде других государств.

Ныне далеко не редкость официальное опубликование нормативных правовых актов в электронной форме – в качестве государственных реестров – как в отечественном, так и международном законодательстве. Так, в белорусской системе законодательства имеется *Национальный реестр правовых актов*. Он создан и функционирует с 1 января 1999 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 20 июля 1998 г. № 369 «О Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь» [16]. В частности, в ч. 2 ст. 60 указано, что «официальным опубликованием нормативных правовых актов,

включенных в Национальный реестр правовых актов, является доведение этих актов до всеобщего сведения путем размещения их текстов в полном соответствии с подписанными подлинниками на национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь». Сам факт того, что Интернет-портал Республики Беларусь как информационный ресурс имеет статус правового и является национальным, свидетельствует о существовании и высоком значении, которое отводится электронной форме законодательства.

С.В. Липень справедливо определяет государственные реестры в качестве актуальной (современной) электронной формы законодательства [17, с. 100]. Согласно с данной позицией. Доказательством данного факта служит существование официальных информационных баз данных по законодательству в электронной форме в разных государствах, и не только постсоветского пространства. В качестве примера приведем *Государственный реестр правовых актов* Республики Казахстан (представляет собой *единую систему государственного учета нормативных правовых актов*), *Единый государственный реестр* нормативных правовых актов Украинской Национальной Республики. Это не исчерпывающий перечень.

Такая электронная форма законодательства предусматривает правила его ведения, мониторинг действующего законодательства на предмет актуальности внесенных в него нормативных правовых актов, регулярное обновление нормативных правовых актов и контроль со стороны органов государственной власти за соблюдением законотворческой компетенции, правил законодательной техники. В условиях перехода к электронному законотворчеству процедура ведения государственного реестра как особой формы государственного контроля является эффективным технико-юридическим приемом.

Подобный анализ действующего законодательства позволяет обозначить наметившиеся закономерные тенденции развития такого *правового института, как электронная форма законодательства*. В основе стремления к созданию цифрового (электронного) государства особая роль отводится склады-

вающейся системе ныне существующих и действующих государственных реестров.

Важным направлением развития системы действующего российского законодательства является принятие двух новых ФЗ: 1) ФЗ РФ от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [18]; 2) ФЗ РФ от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [19]. Первый Закон, согласно ст. 16, за исключением отдельных положений, вступает в силу 1 ноября 2020 года. Он определяет правовые и организационные основы введения обязательных требований, которые содержатся в нормативных актах РФ, а также оценки их применения, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы. Так, Закон устанавливает, что новые обязательства бизнеса могут вступать в силу только два раза в год – либо с 1 марта, либо с 1 сентября (что существенно сократит чрезмерное количество нормативных документов и облегчит предпринимателям порядок работы). Каждые шесть лет они должны вновь проходить оценку и пересматриваться.

В соответствии с ч. 2 ст. 10 одним из ключевых положений данного ФЗ является создание *реестра обязательных требований*, цель которого состоит в систематизации обязательных требований и информировании заинтересованного круга лиц. Инициатива по порядку формирования, ведения и актуализации реестра обязательных требований принадлежит Правительству РФ. Закон предусматривает нормы о создании реестра обязательных требований, содержащего перечень обязательных требований, информацию об установивших их нормативных правовых актах, сроке их действия (вступает в силу с 1 марта 2021 г.). Включение сведений в данный реестр является формой

организации разрешительного режима, который устанавливает обязательные требования для граждан и организаций.

ФЗ РФ от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – закон «О контроле») является масштабным и «веховым» для системы российского законодательства. Он направлен на реформу проведения контрольных мероприятий и в ближайшее время поменяет правила государственного и муниципального надзора. Главная цель реформы – перенос вектора деятельности с проведения традиционных проверок на профилактику нарушений обязательных требований. Так, согласно ч. 1 ст. 8 Закона «О контроле» контрольно-надзорные органы приоритет отдают именно профилактическим мерам, направленным на снижение риска причинения вреда (ущерба). За исключением отдельных норм, для которых предусмотрен иной срок, Закон «О контроле» вступает в силу с 1 июля 2021 г. Согласно п. 7 ст. 3 контроль по исполнению настоящего ФЗ РФ осуществляет Генеральная прокуратура РФ.

Закон «О контроле» отражает процессуальные основы осуществления государственного и муниципального контроля, предусматривает новую модель управления рисками, формирует единый реестр видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля, дополняет перечень новыми видами контрольно-надзорных мероприятий, предполагает *цифровизацию* контроля (надзора).

Остановимся на некоторых наиболее интересных и значимых положениях Закона «О контроле», имеющих отношение к теме статьи.

Так, в соответствии со ст. 17 вышеупомянутого ФЗ РФ большое число контрольно-надзорных мероприятий будет переведено на цифровой формат – их информационная структура будет состоять из следующих элементов:

– единый реестр видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля;

- единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий;
- информационная система досудебного обжалования;
- реестр заключений о подтверждении соблюдения обязательных требований;
- информационные системы контрольно-надзорных органов.

Согласно п. 4 ст. 98 Закона «О контроле» до 1 января 2022 г. планируется утвердить положения о видах регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля. В связи с этим с 1 июля 2021 г. начнется формирование *единого реестра видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля* (далее – единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий).

В соответствии п. 5 ст. 98 реестр должен быть введен в эксплуатацию до 1 января 2022 г. Оператором единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий является Генеральная прокуратура РФ.

Единый реестр будет содержать информацию обо всех вводимых вышеуказанным Законом новых видах контрольных (надзорных) мероприятий: контрольной закупке, мониторинговой закупке, выборочном контроле, инспекционном визите, рейдовом осмотре, документарной проверке, выездной проверке, выездном обследовании, наблюдении за исполнением обязательных требований. С июля 2021 г. вступает в силу ограничение на проведение любого контрольного (надзорного) мероприятия без предварительного включения сведений о нем в Единый реестр. Считаем, что данный реестр является не только информационной системой государственного контроля и способом информирования заинтересованных лиц, но и эффективным технико-юридическим инструментом и повысит уровень прозрачности контрольно-надзорной деятельности, а также станет пакетом гарантий для юридических лиц и предпринимателей при работе с органами контроля (надзора). Текст закона «О контроле» упоминает понятие «реестр» 34 раза.

Роль государственного реестра как особого регулятора юридически значимой деятельности в правовой литературе и

публицистике осознана не в полной мере. Реестр – особый юридический феномен, специальный технико-юридический инструмент, имеющий возможность превратиться в развитую теоретическую систему и стать мощной управленческой силой.

Ныне сфера применения государственных реестров постоянно расширяется – ведется работа над различными законопроектами, регулярно появляются идеи и предложения по созданию и формированию новых уникальных реестров.

Так, в России планируется создать *единый реестр социально ориентированных некоммерческих организаций* [20]. Соответствующий проект постановления 7 октября текущего года был внесен для рассмотрения Правительством РФ. В реестр войдут более 40 тысяч некоммерческих организаций, а их список впоследствии будет пополняться. Через 30 дней после опубликования данного постановления автоматически утратят силу два предыдущих реестра (реестр некоммерческих организаций, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, и единый реестр некоммерческих организаций, имеющих право на дополнительную государственную поддержку). Реестр значительно упростит процедуру оказания мер государственной поддержки некоммерческому сектору.

Исследование функциональной роли, назначения и применения государственных реестров в правовой жизни общества является актуальным, поскольку они представляют собой некий универсальный образец нормативного правового регулирования тех общественных отношений, возникающих в связи с процессом цифровизации и информатизации общества и права, которые не существовали ранее и не требовали правового регулирования.

Примечания

1. *Лепеш Г.В.* Экономика цифровая и реальная // Техно-технологические проблемы сервиса. 2017. № 4 (42).

2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

3. *Плотников В.А.* Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112).

4. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253).

5. *Талатина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254).

6. *Ант Л.Ф.* Аналитическая информация в правотворчестве и правоприменении: учебное пособие. Москва, 2019.

7. *Горлов А.С.* Уголовно-правовая охрана отношений в сфере ведения единых государственных реестров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

8. *Карцхия А.А.* Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1 (26).

9. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. Москва, 2020.

10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: ФЗ РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 08.06.2020 № 177-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.08.2020).

11. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: ФЗ РФ от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.09.2020).

12. Известия. 2020. 1 октября.

13. Комсомольская правда. 2020. 9–10 октября.

14. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/project/21982.html> (дата обращения: 17.09.2020).

15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и

муниципальных услуг»: ФЗ РФ от 29 июля 2010 г. № 227-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2020).

16. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/natsionalnyu-reestr/natsionalnyu-reestr-pravovykh-aktov-respubliki-belarus/> (дата обращения: 15.10.2020).

17. *Липень С.В., Барзилова И.С., Корнев А.В.* Система права и система законодательства: современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху. Москва, 2019.

18. СЗ РФ. 2020. № 31, ч. I, ст. 5006.

19. Там же. Ст. 5007.

20. *Манукиян Е.* В России создадут единый реестр социальных НКО // РГ. 2020. 9 августа.

Ю.А. Умнягина,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
к.ю.н., доцент *С.В. Власова*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ВЫЕМКИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РСФСР

Важным этапом в развитии уголовно-процессуального законодательства является утверждение III Сессией Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (УПК РСФСР) 1922 г. [1]. Кодекс основывался на принципах публичности, гласности и не ограничивался формальными доказательствами, однако нельзя обойти стороной приверженность к инквизиционному процессу с элементами состязательности, неограниченность права, надзора высших инстанций над низшими и жесткие ограничения обжалования судебных приговоров. Следует отметить, что УПК РСФСР 1922 г., подвергаясь многочисленным изменениям и дополнениям, действовал вплоть до 60-х гг. XX в.

Обыск и выемка по УПК РСФСР 1922 г. были взаимосвязанными следственными действиями. Обыск выступал факультативным этапом производства выемки. Если следователь имел достаточные данные о наличии в том или ином помещении или у какого-либо лица предметов, имеющих значение для уголовного дела, он производил их выемку, и только в случае невыдачи предмета следователь имел право изъять его в принудительном порядке или произвести обыск (ст. 178 УПК РСФСР 1922 г.).

По общему правилу выемка проводилась в дневное время, кроме случаев, не терпящих отлагательств, к которым можно отнести: уничтожение следов преступления, продолжение действий преступного характера, совершение новых преступлений и т. д. Присутствие понятых и лица, занимающего помещение, в котором проводится следственное действие, являлось обязательным (ст. 180 УПК РСФСР 1922 г.).

В целях обеспечения безопасности и результативности производства следственного действия следователь имел право задействовать стражей или специально приглашенных лиц для оцепления обыскиваемой территории (ст. 182 УПК РСФСР 1922 г.).

Следователю предписывалось строго ограничиваться лишь теми предметами и документами, которые имеют значение для уголовного дела, однако УПК РСФСР 1922 г. предусматривал исключения из этого правила. В случае обнаружения на месте проведения следственного действия предметов, изъятых законом из обращения, они подлежали немедленному изъятию независимо от принадлежности к расследуемому делу (ст. 185 УПК РСФСР 1922 г.).

В результате реформирования Судебной системы 15 февраля 1923 г. на IV сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс, который практически полностью повторял законодательные положения своего предшественника [2].

Основные изменения в процессуальном законодательстве были связаны с реформами судоустройства и усилением роли прокурора при расследовании уголовных дел. Выемка в помещениях дипломатических представительств иностранных государств по УПК РСФСР 1922 г. производилась по предварительному согласованию с Народным Комиссариатом Иностранных Дел. Аналогичное же следственное действие по УПК РСФСР 1923 г. дополнительно требовало обязательное присутствие прокурора, и одного одобрения на производство

следственного действия Народным Комиссариатом Иностранных Дел было уже недостаточно.

Следует обратить особое внимание на самостоятельное следственное действие – выемку почтово-телеграфной корреспонденции, регулируемое совершенно аналогичными законодательными положениями, как в УПК РСФСР 1922 г., так и в УПК РСФСР 1923 г. Нормативное закрепление вышеуказанного следственного действия является большим шагом вперед в развитии законодательства о выемке в целом. Выемка почтово-телеграфной корреспонденции не выделяется в отдельную главу Кодекса, но стоит особняком в сравнении с общими положениями обыска и выемки.

Изъятие почтово-телеграфной корреспонденции в обязательном порядке сопровождается получением у прокурора разрешения на производство следственного действия (ст. 186 УПК РСФСР 1923 г.). Разрешение выдается в письменном виде и предъявляется заведующему соответствующим учреждением. В процессе изъятия почтово-телеграфной корреспонденции присутствия понятых и прокурора не требуется, достаточно представителя учреждения, в котором происходит выемка корреспонденции (ст. 188 УПК РСФСР 1923 г.).

На рубеже 20–30 гг. в стране формируется тоталитарная система власти, завершается Судебная реформа 20-х гг. XX в., происходит сокращение следственного производства. Краткие резолюции, обзоры и доклады предлагают ввести вместо привычных постановлений. Прокурор получил право принимать к производству уголовные дела и лично производить следственные действия для установления обстоятельств по делу [3].

Декрет СНК РСФСР от 19 декабря 1922 г. в ч. 11 установил обязательное изъятие незаконно демонстрируемых кинофильмов, ответственность за которые предусмотрена ст. 224 УК РСФСР [4]. Обязанность по конфискации была возложена на органы Народного Комиссариата Внутренних дел. Таким образом, Декрет СНК РСФСР 1922 г. регулировал положения по изъятию электронных носителей информации, устанавливал субъектов и норму уголовного законодательства, выявляе-

ние которой являлось основанием для производства конфискации.

Таким образом, советское уголовно-процессуальное законодательство переживало переходный период, который стал временем интенсивной кодификации права, формированием четких процессуальных процедур выемки предметов и документов. Прослеживается усиление роли прокурора при расследовании по уголовному делу. По УПК РСФСР 1923 г. присутствие прокурора обязательно при выемке в дипломатических представительствах, также прокурор получил право на производство следственных действий и принятие дел к своему производству, а Положение о прокуратуре СССР [5], принятое в конце 1933 г., лишь усилило его власть.

Массовые политические репрессии 30-х гг., бесконтрольная власть единственной правящей партии в стране – все это в значительной степени отразилось на судебной системе Советского государства. Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР в 1934 г. было утверждено создание Особого совещания при НКВД СССР [6], которое не подчинялось нормам УПК РСФСР ни в части вынесения постановлений, ни ограничения изъятий. Чрезвычайный орган не был связан никакими рамками закона, обыски и выемки производились без ордеров и понятых.

Принятие в декабре 1936 г. Конституции СССР привело к лишению всех союзных республик права иметь свое законодательство, в том числе и уголовно-процессуальное. В результате проводимых изменений в стране и законодательстве СССР в конце 30-х гг. началась работа над проектом нового УПК, однако события военного и послевоенного времени не позволили довести ее до конца.

В декабре 1958 г. Верховный Совет СССР утвердил Основы уголовного судопроизводства СССР [7], что дало толчок для разработки и принятия нового республиканского законодательства, в результате чего 27 октября 1960 г. был принят УПК РСФСР [8].

Консервативные нормы не нашли своего отражения в УПК РСФСР 1960 г. Кодекс расширил круг гарантий неприкос-

новенности личности и возможность участия общественности в уголовном процессе, закрепил новые гарантии прав граждан на неприкосновенность жилища, установил новые порядки проведения обысков и выемок.

УПК РСФСР 1960 г., в отличие от своего предшественника 1923 г., объединил в одну главу, наряду с обыском и выемкой, еще и такое процессуальное действие, как наложение ареста на имущество, тем самым признав их общую целевую направленность.

В Кодексе впервые четко сформулированы и законодательно закреплены основания производства выемки, что имеет важное процессуальное значение. Статья 167 УПК РСФСР 1960 г. предписывает производить выемку предметов и документов, которые имеют значение для уголовного дела только в том случае, если достоверно известно, в каком месте и у кого они находятся. Введение оснований производства обыска и выемки свидетельствует о разграничении представленных следственных действий.

УПК РСФСР не закрепил судебный порядок получения разрешения на производство выемки документов, содержащих сведения, являющиеся государственной тайной, в данном случае по-прежнему требовалась санкция прокурора. Однако следует отметить, что для производства выемки почтово-телеграфной корреспонденции законодатель ввел альтернативу, которая заключалась в том, что санкционировать производство следственного действия мог не только прокурор, но и суд.

Следует также отметить, что УПК РСФСР 1960 г. позволял производить обыск в случаях, не терпящих отлагательства, без санкции прокурора, с последующим его уведомлением в суточный срок, но для производства выемки такого механизма предусмотрено не было.

УПК РСФСР 1960 г., в отличие от УПК РСФСР 1923 г., не только формально закреплял обязанность вносить в протокол следственного действия замечания и заявления, а обязал следователя разъяснять присутствующим лицам их право на вышеуказанные действия, что еще раз указывает на усиление га-

рантий прав граждан при производстве следственных действий. Предложенная законодателем модель выемки предметов и документов действовала вплоть до введения в действие УПК РФ 1 июля 2002 г.

Примечания

1. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21, ст. 230.

2. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // Известия ВЦИК. 1923. № 37.

3. *Муратов К.Д.* Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011.

4. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

5. Положение о прокуратуре Союза ССР: постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17 декабря 1933 г. // СЗ СССР. 1934. № 1, ст. 26.

6. Об Особом Совещании при НКВД СССР: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 5 ноября 1934 г. № 22 // СЗ СССР. 1935. № 11, ст. 84.

7. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1, ст. 15.

8. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: закон от 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

Р.Р. Умярова,
адъюнкт очной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *Н.Н. Ковтун*

ВИДЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, КАСАЮЩИХСЯ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Статья 165 УПК РФ регулирует отношения, связанные с порядком получения судебного разрешения на производство следственных действий, что подразумевает под собой осуществление судебного контроля за законностью и обоснованностью их проведения должностным лицом. Причем в рамках изучаемого феномена рассматривается не вся совокупность следственных действий. Разделителем в данном случае выступает фактор ограничения конституционных прав и свобод личности, так как современный период развития российского общества характеризуется особой ценностью прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Любая сфера функционирования государства и общества напрямую связана с проблемой соблюдения прав и свобод личности. К сожалению, на данный момент государство не в состоянии в полной степени исполнить данное обязательство, что влечет значительные нарушения прав и свобод граждан.

В области уголовного судопроизводства эта проблема имеет особую актуальность, так как суть и специфика осуществления этого вида государственной деятельности в значительной мере связаны с применением мер процессуального

принуждения как к непосредственным участникам уголовного судопроизводства, так и в отношении иных лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений. В этой связи и был внедрен судебный контроль в уголовно-процессуальное законодательство.

По содержанию ст. 165 УПК РФ судебный контроль можно разделить на 3 вида:

1. Предварительный судебный контроль. Выступает как элемент заблаговременной защиты прав и свобод субъектов, участвующих в уголовном судопроизводстве, и осуществляется до фактической реализации следственных действий. Предметом контроля в данном случае является законность и обоснованность решения должностного лица, настаивающего на необходимости проведения следственных действий, реализация которых возможна только по решению суда [1]. Предварительный контроль регулируется ч. 1–3, 4 ст. 165 УПК РФ.

Процедура данного вида контроля заключается в следующем. Следователь или дознаватель составляют постановление о возбуждении перед судом ходатайства о производстве определенного следственного действия, которое должно быть согласовано с руководителем следственного органа или прокурором соответственно. Причем этот документ должен быть законным и мотивированным, содержать обоснование и цель его производства, а также сопровождаться необходимыми материалами. Если должностному лицу нужно провести несколько процессуальных действий (например, обыски в разных местах), то следователь, дознаватель выносят отдельные постановления.

После этого ходатайство направляется в районный или военный суд соответствующего уровня по месту осуществления предварительного расследования или осуществления процессуальных действий. Последнее характерно для случаев, когда нет возможности производства следственных действий на месте предварительного расследования. Исключением является рассмотрение ходатайств, касающихся получения информации, содержащей государственную тайну, и проведение про-

цессуальных действий в отношении специальных субъектов. В первой ситуации постановление направляется суду субъекта РФ (п. 3 ч. 3 ст. 31 УПК РФ), а во втором – в суд, соответствующий статусу лица.

В общем порядке судья районного суда единолично рассматривает ходатайство в течение 24 часов с момента его поступления на факт законности и обоснованности. Судье необходимо убедиться, что вынесенное следователем постановление, направленное на ограничение прав граждан, поступило по возбужденному уголовному делу, дело принято к производству должностным лицом, а в случае выделения в отдельное производство – не было ли каких-либо нарушений норм УПК РФ. Кроме этого, необходимо проверить возможность истечения сроков предварительного расследования к моменту ознакомления с постановлением. При осуществлении предварительного расследования следственной группой (группой дознавателей) судья должен проконтролировать, от кого именно поступило ходатайство, так как в таком случае в соответствии с постановлением Пленума ВС РФ от 1 июня 2017 г. № 19 [2] право возбудить перед судом ходатайство имеет только руководитель группы.

Обоснованность ходатайства судья проверяет путем изучения представленных материалов, где выясняет потребность в проведении следственного действия, его возможные результаты (нахождение предметов, орудий преступления при проведении обыска в жилище).

Часть 3 ст. 165 УПК РФ наталкивает на мысль о том, что судебное заседание по рассмотрению ходатайства о производстве следственного действия всегда проводится в закрытом порядке с возможностью участия прокурора, следователя и дознавателя, а участие стороны защиты не предполагается. Однако данное мнение является заблуждением. Важно учитывать характер конфиденциальности некоторых следственных действий, что и влечет необходимость проведения закрытого судебного заседания в отдельных случаях. Таким образом, от-

сутствие состязательности обусловлено потребностью сохранения тайны предварительного расследования.

В этой связи можно предложить добавить в предварительный судебный контроль подсистему, которая будет делиться на судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, носящих «конфиденциальный» (обыск в жилище, контроль и запись телефонных и иных переговоров) и «гласный» характер (производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, наложение ареста на имущество и т. п.). Результатом рассмотрения ходатайства будет одно из следующих решений:

- постановление о разрешении производства следственного действия;
- постановление об отказе в проведении следственного действия.

Причем отказ может быть обжалован следователем или дознавателем в апелляционном порядке.

2. Следующим видом судебного контроля является *последующий*. Он регулируется положениями ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Предметом контроля в данном случае выступает законность и обоснованность осуществления следователем, дознавателем следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, без предварительного решения судьи (обыск в жилище, наложение ареста на имущество и др.). То есть предварительный судебный контроль проводится уже после производства следственных действий, и судом проверяются основания его производства [3].

Соответственно, особенность данного следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы гражданина, заключается в том, что оно изначально проводится не по судебному решению, а по постановлению следователя или дознавателя, что связано с обстоятельствами, не терпящими отлагательства. Примерами в данном случае могут быть ситуации, когда нужно применить меры по предотвращению или пресечению преступления; имеются достаточные основания предполагать, что у участника следственного действия,

находящегося в помещении, где проводится определенное следственное действие, находятся при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела. Как следствие, необходимо помнить, что в данной ситуации суд проверяет не только законность и обоснованность проведения следственного действия, но и выясняет реальное наличие оснований его безотлагательности. Причем должностному лицу, осуществившему процессуальное действие, необходимо уведомить судью не позднее 3 суток с момента начала его проведения и приложить постановление о производстве следственного действия и протокол его проведения.

Часть 3 ст. 165 УПК РФ гласит, что в судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель. Однако кажется неразумным отсутствие стороны защиты при проверке законности и обоснованности уже проведенного следственного действия. Поэтому ВС РФ выразил свою позицию в ранее упомянутом постановлении от 1 июня 2017 г. № 19, указав, что при имеющемся ходатайстве лица, чьи конституционные права были ограничены при производстве следственного действия в случае, не терпящем отлагательства, его защитник, представитель и иные заинтересованные лица могут участвовать в проверке судом законности такого следственного действия, а также должны иметь возможность обжалования принятого судебного решения. В таком случае они извещаются о месте, дате и времени судебного заседания, им направляется копия судебного решения.

3. Последним некоторые авторы выделяют судебный контроль, закрепленный в ч. 3¹ ст. 165 УПК РФ. В данном случае предметом выступает законность и обоснованность производства процессуального действия по реализации, утилизации или уничтожению вещественных доказательств, предусмотренных ст. 82 УПК РФ [4]. Процесс вынесения и направления постановления должностным лицом идентичен предварительному контролю. Однако важно заметить, что данное положение не может содержаться в рассматриваемой статье, так как действия по реализации, утилизации или уни-

чтожению вещественных доказательств не являются следственным действием, что полностью противоречит содержанию ст. 165 УПК РФ «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия».

Также хочется обратить внимание, что отдельные ученые относят данный вид контроля к предварительному, так как предмет идентичен и целью является заблаговременная защита прав субъектов, участвующих в уголовном судопроизводстве, то есть собственников, и осуществляется до проведения следственных действий [4].

Судебный порядок проверки данного ходатайства урегулирован сроками в зависимости от вида доказательств (в общем порядке ходатайство рассматривается 5 суток, для скоропортящихся товаров, продукции и предметов, хранение которых может нанести вред жизни, здоровью людей или окружающей среде, предусмотрен срок в 24 часа).

Отличительной стороной этого «подвида» судебного контроля является его реализация на состязательной основе. В судебном заседании имеет право присутствовать и сторона защиты, и сторона обвинения. Неявка сторон по неуважительной причине не представляет препятствий для рассмотрения ходатайства судьей. При вынесении положительного решения в судебном постановлении отражаются индивидуальные наименования товаров, их количество и индивидуальные признаки.

Таким образом, судебный контроль представляет собой деятельность суда, регулирующую УПК РФ, по предварительной и последующей проверке законности и обоснованности решений должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, целью которой является разрешение правового спора относительно соблюдения прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса.

Примечания

1. *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Н. Новгород, 2002.

2. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума ВС РФ от 1 июня 2017 г. № 19 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2020).

3. *Ковтун Н.Н.* Предмет судебного следствия в судебно-контрольных производствах // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 14–19.

4. *Ласточкина Р.Н., Язева Е.Е., Кулев А.Г.* Судебный контроль в уголовном процессе: учебно-методическое пособие. Ярославль, 2017.

Л.Р. Хабибуллин,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., доцент *И.В. Ильин*

МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

Проблема противодействия массовым беспорядкам в современном мире является весьма актуальной. Сегодня цивилизованное сообщество озадачено не только развитием направления по определению причин такого группового поведения, но и выработкой более совершенных и эффективных юридических механизмов, способствующих снижению сформировавшегося уровня организованно-протестной деятельности.

Рассматриваемая форма противоправного поведения активно развивается на всех континентах. Спланированные массовые беспорядки использовались как инструмент захвата власти в Украине. Сегодня по схожему сценарию ведется протестная деятельность в Белоруссии. Европа также погрязла в групповых противоправных акциях. Это явление находится в активной фазе и в Соединенных Штатах Америки. Отмеченные события фактически ставят вопрос об отнесении массовых беспорядков к разновидности экстремистской деятельности [1, с. 9].

В этой связи, развитие стратегии борьбы с таким социально-политическим явлением выступает в качестве обязательного и необходимого условия поддержания общественного порядка [2, с. 160–161].

По мнению ряда ученых, начало современного этапа развития массовых беспорядков в Российской Федерации связано с принятием в 1989 году Закона «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» [3], что фактически легализовало забастовки [4].

В этом документе предусмотрено создание примирительных комиссий и трудовых арбитражей, основной целью деятельности которых выступало урегулирование возникшего конфликта. Схожие нормативные акты принимались в 1991 [5] и 1995 [6] гг., однако решить проблемы с массовыми беспорядками они так и не смогли. Например, акция, проведенная в Москве 4 февраля 1990 г., стала причиной отмены монополии КПСС на власть и введения поста президента.

Активная протестная деятельность в России наблюдалась в 2010–2013 гг. Так, если в 2010 г. массовые беспорядки были спровоцированы убийством Егора Свиридова – фаната «Спартака» и выражали недовольство участников миграционной политикой, то последующие акции (5 декабря 2011 г.; 24 декабря 2011 г.; 6 мая 2012 г.) носили сугубо политический формат, выражающий недовольство формированием института власти и ее представителей.

Понимая опасность рассматриваемой формы криминально-группового поведения, влекущей не только резонанс, подрывающий общественную безопасность и авторитет страны, а также человеческие жертвы, государство стало уделять особое внимание совершенствованию уголовно-правовых механизмов противодействия массовым беспорядкам.

Действующая редакция ст. 212 УК РФ представляет собой унифицированную норму, охватывающую ответственность не только за организацию массовых беспорядков, но и подготовительную деятельность к ним, однако серьезным методологическим пробелом рассматриваемой уголовно-правовой нормы является отсутствие в ней понятия «массовые беспорядки», включающего в себя конструктивные признаки изучаемого деяния. В первую очередь это необходимо для более точного его разграничения со смежными преступлениями, обладаю-

щими такими общими характеристиками, как, например, групповой характер и общественное место, хотя доктрина уголовного права изобилует дефинициями, дающими подробное толкование исследуемого явления. Рассмотрим некоторые из них.

Авторы комментария к УК РФ под редакцией Г.А. Есакова вкладывают в массовые беспорядки следующие концептуальные признаки: беспорядочность и стихийность действий; значительное число лиц, вовлеченных в такую деятельность; применение насилия, погромы, уничтожение или повреждение чужого имущества; применение оружия и иных предметов, представляющих опасность для окружающих; сопротивление представителям власти [7], то есть в предлагаемую учеными дефиницию включены объективные характеристики исследуемого деяния, однако, по нашему мнению, в представленном подходе недостает субъективных признаков массовых беспорядков, позволяющих более четко разграничить его со смежными составами преступлений.

Схожей точки зрения придерживается коллектив авторов другого комментария. Вместе с тем, в ней расширен перечень возможных общественно опасных последствий, выражающихся в массовых человеческих жертвах, «парализации функционирования органов власти и управления, работы организаций, предприятий, учреждений, транспорта, связи, серьезному экономическому ущербу, моральному вреду как для отдельных граждан, так общества и государства в целом» [8].

Представители следующего подхода акцентируют свое внимание на объекте посягательства, традиционно относя к нему общественные отношения в сфере общественной безопасности. К специальным признакам массовых беспорядков предложено относить тяжкие последствия с конкретизацией сфер, где они должны подлежать особой юридической оценке. Это сфера политики, экономики, экологии, государственной власти и военной деятельности [9]. Вместе с тем, к дополнительному объекту ст. 212 УК РФ отнесена телесная неприкосновенность человека и его здоровье. В отмеченные выше точки зрения данные блага не были включены.

Следующая группа специалистов акцентирует внимание лишь на двух важнейших характеристиках массовых беспорядков – это объект, но в отличие от уже рассмотренных, выделяется не общественная безопасность, а общественный порядок, а также количественный критерий (толпа) [10]. Полагаем, что, хотя эти признаки, конечно же, имеют существенное значение в рамках юридической характеристики взятого для рассмотрения деяния, однако перечень их не достаточен и не позволяет тем самым провести более четкую грань, например, с хулиганством, вандализмом или экстремизмом.

В целом, исследовав несколько научных подходов, раскрывающих отличительные черты массовых беспорядков, можно констатировать, что отсутствие их законодательной формулировки породило споры не только в доктрине, но и непосредственно в правоприменительной деятельности. Для исключения отмеченного пробела в целях выработки единообразной практики применения ст. 212 УК РФ считаем обоснованным включение в рассматриваемую статью УК РФ соответствующего понятийного инструментария. Он должен содержать в себе не только указанные выше объективные признаки, но и специальные субъективные характеристики, в качестве которых, с нашей точки зрения, должны выступать мотив и цель. Только в таком комплексе можно говорить о полноценности определения, построенного на всех юридически значимых критериях.

Примечания

1. *Коннов И.А., Петрянин А.В., Кузнецов М.В.* Понятие, признаки и виды экстремизма: учебное пособие / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Нижегородский институт управления. Нижний Новгород, 2019. С. 9.

2. *Хохрин С.А.* Массовые беспорядки: проблема определения понятия // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 4 (13). С. 160–161.

3. О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов): закон СССР от 9 октября 1989 г. // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 18, ст. 342.

4. Москва митингующая: 15 крупнейших протестов за 30 лет. URL: <https://newizv.ru/news/politics/11-08-2019/moskva-mitinguyuschaya-15-krupneyshih-protestov-za-30-let> (дата обращения: 15.11.2020).

5. О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов): закон СССР от 20 мая 1991 г. № 2179-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 23, ст. 654.

6. О порядке разрешения коллективных трудовых споров: федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 175-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48, ст. 4557.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва, 2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. Москва, 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. Т. 2. 2-е изд. / под ред. А.В. Бриллиантова. Москва, 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2020).

Т.В. Черкунова,
адъюнкт заочной формы обучения
адъюнктуры НА МВД России.

Научный руководитель –
д.ю.н., профессор *Н.Н. Ковтун*

НЕЛЕГИТИМНЫЕ СПОСОБЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ КАК ФОРМА НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЛИЦ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Всеобщая декларация о правах человека от 10 декабря 1948 г. утверждает принципы равенства перед законом, презумпцию невиновности, право на беспристрастное и открытое рассмотрение дела независимым и справедливым судом, а также все гарантии, необходимые для защиты любого лица, обвиненного в совершении наказуемого деяния [1].

Уголовное судопроизводство России имеет своей целью, во-первых, защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, во-вторых, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [2].

Деятельность лиц, отправляющих правосудие, должна содержать баланс между вышеперечисленными назначениями уголовного судопроизводства, и, защищая субъектов, пострадавших от преступных деяний, не нарушать права и законные интересы лиц, совершивших эти самые преступные деяния.

В идеальном правовом государстве сторона обвинения и сторона защиты в уголовном судопроизводстве в своей деятельности равноценно должны стремиться к достижению це-

лей правосудия, обеспечению торжества справедливости в каждом конкретном случае.

Однако практика уголовного судопроизводства России содер­жит иные реалии. Так, часто мы можем столкнуться с од­но­бо­кой линией стороны обвинения, занимающей лишь позицию потерпевшей стороны, отметающую на своем пути доказы­ва­ния обстоятельства, могущие изменить ход рассле­до­ва­ния, в том числе и освободить лицо от уголовного преследования.

Лицо, ведущее уголовное судопроизводство, в своем стремлении «сдать дело», «выполнить перспективу», зачастую претерпев профессиональную деформацию, забывает, что его деятельность должна быть справедлива и беспристрастна. Фактически, решая судьбу человека, оказавшегося в статусе подозреваемого, лицо, производящее предварительное рассле­до­ва­ние, игнорирует определенные обстоятельства в пользу соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства.

К примеру, постановлением Ивдельского городского суда Свердловской области от 15 сентября 2019 г. был отменен приговор мирового судьи судебного участка № 1 г. Ивделя, так как в ходе досудебного и судебного производства не были проверены доводы подсудимых об отсутствии умысла на неза­кон­ное проникновение в жилище потерпевших. Суд признал лиц виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 139 УК РФ.

Как было установлено в ходе апелляционного разбиратель­ства, подсудимые действовали в состоянии крайней необходи­мо­сти и вошли в квартиру с целью оказания помощи женщине, просившей об этом. Желая пресечь противоправные действия в отношении указанной женщины, они поднялись в квартиру и постучали в дверь, а после того, как мужчина, находящийся в данной квартире, отказался впустить их, сломали дверь и во­шли. При этом на лице женщины они увидели кровь и указали мужчине на недопустимость подобного поведения.

Данные доводы были проигнорированы на досудебной ста­дии разбирательства органами дознания и лицами, ведущи­ми предварительное расследование, вследствие чего суд пер-

вой инстанции не проверил доводы осужденных об отсутствии умысла на незаконное проникновение в жилище, не установил наличие в их действиях прямого умысла на нарушение неприкосновенности жилища, не выяснил мотивы и цели проникновения, что существенно повлияло на выводы суда о виновности осужденных [3].

Производство некачественного предварительного расследования привело к вынесению неправомерного приговора, нарушению прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство в качестве подсудимых.

Кроме того, сторона защиты нередко «защищает» своего клиента нелегитимными и профессионально неэтичными методами, нарушая права и законные интересы пострадавшей стороны. К примеру, умышленное затягивание уголовного судопроизводства с целью истечения сроков привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления, путем постоянной смены защитников, оказание давления на свидетелей, попытки подкупа должностных лиц и пр.

Международные стандарты и правила адвокатской профессии закрепляют множество дифференцированных принципов и норм профессионального поведения адвоката, регулирование деятельности института адвокатуры отражено в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, правовых актах Федеральной палаты адвокатов РФ, опубликованных правовых позициях высших судебных инстанций.

Во всеобъемлющем смысле адвокат (защитник) – гарант соблюдения прав и законных интересов лица, привлекаемого в уголовное судопроизводство, однако при реализации защиты стремления адвоката могут не совпадать с целями правосудия, а методы и способы защиты часто невозможно отнести к законным и профессиональным.

Деятельность должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, по отражению противодействия адвоката с целью недопущения злоупотребления правом также не всегда можно рассмотреть через призму легитимности.

Как отмечал российский юрист, судья, государственный и общественный деятель, судебный оратор А.Ф. Кони: «Мерилом дозволенности могло бы служить то соображение, что цель оправдывает средства и что высокие цели правосудного ограждения общества и вместе защита личности от справедливого обвинения должны быть достигаемы только нравственными нормами и приемами» [4].

Вопреки данному утверждению при реализации правосудия и защиты между двумя столпами данных взаимоотношений – следствия и защиты – отслеживается перманентный конфликт, способы и механизмы разрешения противостояния не находят единого отражения в научной литературе, а лишь в разрозненном виде существуют в нормативных правовых актах России и решениях судов высших инстанций.

Отсутствие легитимного механизма отражения противодействия путем злоупотребления правом со стороны адвоката, а также злоупотребление властными полномочиями лица, ведущего предварительное расследование, негативно отражается на правах и законных интересах лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство (речь идет и о подозреваемых, и о свидетелях, и о потерпевших). Так, фактически адвокат (защитник) борется конкретно со следователем (дознавателем), и наоборот, забывая зачастую об основных целях своей деятельности.

Данные противоборства влекут нарушение п. «а» ч. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах [5], согласно которому участвующее государство обязано обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действующими в официальном статусе. До того момента, пока противоборство сторон уголовного судопроизводства (защитника – следователя/дознавателя) не приобретет легитимный механизм урегулирования, деятельность по противостоянию не будет базироваться на профессионально-этических началах, наше государство невозможно отнести к разряду развитых и правовых.

Примечания

1. Всеобщая декларация прав человека – рекомендованный для всех стран – членов ООН документ, принятый на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) («Международный пакт о правах человека») от 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.06.2020).

2. Ст. 6 УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 14.06.2020).

3. URL: <http://ivdelsky.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 14.06.2020).

4. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики). Избранные произведения. Москва, 1956.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах – пакт Организации Объединенных Наций, основанный на Всеобщей декларации прав человека: принят 16 декабря 1966 г., вступил в силу 23 марта 1976 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 14.06.2020).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БВС РФ** – Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации
ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации
ВСНД и ВС РФ – Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации
ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации
ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации
ОВД РФ – органы внутренних дел Российской Федерации
ОРД – оперативно-разыскная деятельность
ОРМ – оперативно-разыскные мероприятия
Подразделения ЭБиПК – подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГ – Российская газета
РФ – Российская Федерация
СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации
ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации
УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации
УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
ФАС России – Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации
ФЗ – Федеральный закон
ФЗ «О полиции» – Федеральный закон «О полиции»
ФЗ «Об ОРД» – Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»
ФКЗ – Федеральный конституционный закон
ФСИН России – Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
АДЪЮНКТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ

Сборник статей

Выпуск 26

Редакторы *Т.Ю. Булганина, Н.А. Далёкина, Н.Б. Помадина*
Компьютерная верстка *Т.Ю. Булганиной*
Дизайн обложки *А.Ю. Волковой*

Подписано в печать 08.12.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 10
Тираж 40 экз. Заказ № 240

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3